

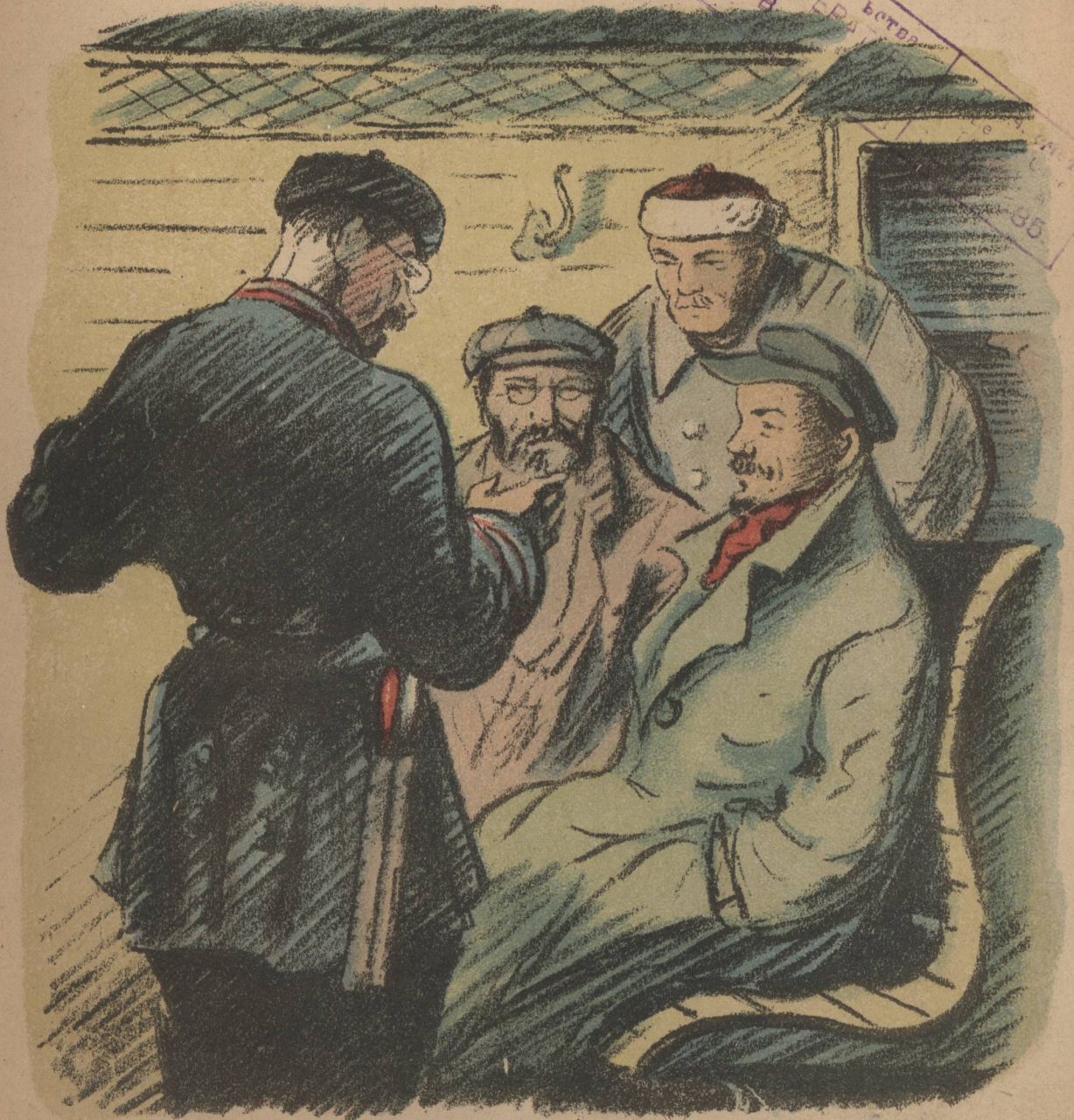
05
K79
743жс

КОСТЁР

1

ж у р н а л ц к . в л м 1 9 4 0 г .

Лен. обл. Удмурт-Ботол
ДЕТСКО-ПОДРОС.
им. Л. Н. В.
Ладвайн
№ 394

9-е ЯНВАРЯ

Был канун революции 1905 года. Шла русско-японская война. Плохо вооруженная русская армия, руководимая бездарными и продажными генералами, терпела в этой войне поражение за поражением.

Война вызывала дороговизну, которая сильнее всего отражалась на положении рабочих.

Ненависть к царскому правительству росла с каждым днем.

Необходим был малейший повод, чтобы недовольство прорвалось наружу.

Таким поводом оказалось незаконное увольнение 4-х путиловских рабочих. На требование рабочих — принять обратно уволенных, администрация ответила отказом.

Тогда на заводе началась стачка.

Через несколько дней к ней присоединились другие заводы и фабрики Петербурга. Стачка стала всеобщей.

Царское правительство решило жестоко подавить начинающееся революционное движение, чтобы запугать рабочих.

Еще в 1904 году, почти за год до путиловской стачки, царское правительство, чтобы отвлечь рабочих от революционного движения, подослало к пролетариям Петербурга агента охраны Гапона.

Человек невежественный, но красноречивый, он сумел обмануть наименее сознательных рабочих и внушить им мысль, что в их тяжелой жизни виноваты плохие министры, обманывающие народ, а сам царь-батюшка любит и жалеет народ.

Когда началась стачка, Гапон предложил провокаторский план: 9 января пусть соберутся все рабочие и в мирном шествии с хоругвями и царскими портретами пойдут к Зимнему дворцу и подадут царю просьбу о своих нуждах. Царь выйдет к народу, выслушает и защитит его.

Гапону поверили, и 9 января 1905 года ранним утром около 140 тысяч рабочих пошли к Зимнему дворцу, где жил тогда царь.

Рабочие шли целыми семьями с женами, детьми и стариками. Несли царские портреты и церковные хоругви, пели молитвы, шли безоружные.

В петиции, которую они несли царю, говорили:

— Мы, рабочие, жители Петербурга, пришли тебе. Мы несчастные, поруганные рабы, мы

задавлены деспотизмом и произволом. Когда переполнилась чаша терпения, мы прекратили работу и просили наших хозяев дать нам лишь только то, без чего жизнь является мучением... Мы здесь, многие тысячи, как и весь русский народ, не имеем никаких человеческих прав. Благодаря твоим чиновникам, мы стали рабами.

...Государь! Не откажи в помощи твоему народу! Разрушь стену между тобою и твоим народом. Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и ты сделаешь Россию счастливой: если нет, тогда мы готовы умереть тут же.

У нас только два пути: свобода и счастье или могила".

А „батюшка-царь“, узнав от Гапона о готовящемся шествии, трусливо бежал из столицы, отдав город в распоряжение своего дяди, князя Владимира, человека грубого и жестокого.

Тот лихорадочно стал готовиться к встрече.

Как будто бы в ожидании нашествия вооруженного неприятеля, был разработан специальный военный план.

На Васильевском острове заседал штаб.

Возле дворца были собраны пехота и казачьи части.

У Нарвских ворот и у Литейного моста были устроены засады.

Между тем рабочие уже шли к Зимнему. Около дворцовой площади их встретили войска. Думая, что солдаты присланы лишь для поддержания порядка, рабочие продолжали двигаться к дворцу.

И тогда по мирному безоружному шествию была открыта стрельба.

Покрытая снегом площадь заалела кровавыми пятнами.

Около тысячи рабочих было убито в этот день царскими войсками. Больше двух тысяч ранено.

Вечером на рабочих окраинах города выросли первые баррикады 1905 года.

С тех пор прошло 35 лет, но рабочие до сих пор помнят „Кровавое Воскресенье“ — день, когда была расстреляна их вера в царя и когда они поняли, что только борьбой можно добиться своих прав.

После Октябрьской Революции трудящиеся Советского Союза отмечают 9 января не только как день траура, но и как начало первой русской революции.

05
K72

№ 1

ЯНВАРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ 4—7 КЛАССОВ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

ОРДЕН ЛЕНИНА

О. БЕРГГОЛЫЦ

Для сынов трудолюбивых,
Для воинственных сынов
У страны моей счастливой
Пять прекрасных орденов.

Всех прекрасней между ними
Орден Ленина горит,
Он колосьями живыми,
Золотистыми увит.

Самым смелым, самым гордым,
Вечно рвущимся вперед
Драгоценный этот орден
Наша родина дает.

Все они над сердцем носят
Ниже левого плеча
В золотом венце колосьев
Мудрый облик Ильича.

Он немножко сдвинул бровя,
Устремил лицо вперед,
Он героя к славе новой,
К новым подвигам зовет...

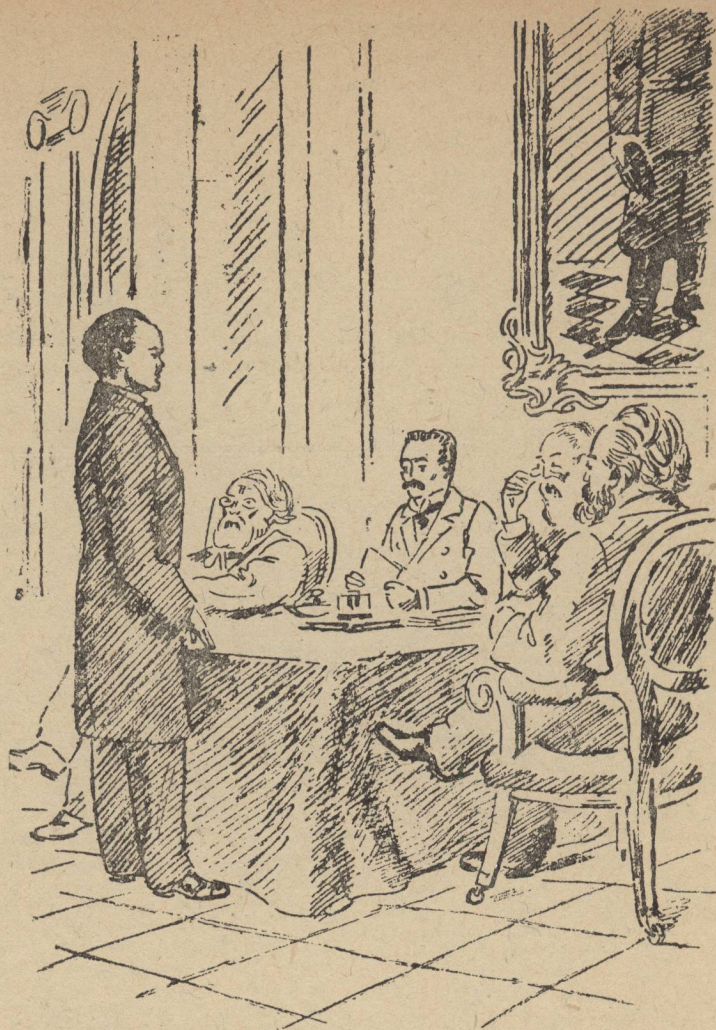
Я хотел бы так учиться,
Так бесстрашно, гордо жить,
Так сражаться, так трудиться,
Так товарищей любить, —

Чтоб с отрадой мне вручила
Орден Ленина страна,
Чтоб, вручая, говорила
Громким голосом она:

— Верный труженик и воин,
Сын народа моего,
Ты носить его достоин
Возле сердца своего!..

743ж

Рассказы о Ленине

М. ЗОЩЕНКО

Рисунки Н. ТЫРСЫ

КАК ЛЕНИН УЧИЛСЯ

Ленин учился очень хорошо, даже замечательно. Он получил золотую медаль за окончание гимназии.

И в высшем учебном заведении он тоже, наверно, очень бы хорошо учился. Но, к сожалению, начальники исключили его из университета, потому что он был революционер. А этого начальство не терпело. И царь тоже не позволял революционерам учиться.

В общем, Ленину не позволили учиться в университете.

Другой человек на месте Ленина так и остался бы без высшего образования. Но Ленин этого не захотел.

Он сказал матери: «Я непременно кончу высшую школу».

А уже проходило время. И прошло два года после исключения.

Наконец, Ленин подал заявление министру. Он попросил разрешения сдать экзамены за всю высшую школу сразу.

Министр удивился и подумал:

«Как он может сдать все экзамены сразу? Ведь он в высшей школе не учится. Хорошо. Я ему разрешу, но только он все равно не сдаст экзамены».

Получив разрешение министра, Ленин стал усиленно заниматься.

Он целые дни сидел за книгами, читал, писал, изучал языки, переводил и так далее.

Он летом устроил в саду кабинет, в густой липовой аллее. Он там вкопал в землю столы

скамейку. И каждое утро уходил туда. И там в полном одиночестве занимался до обеда.

После отдыха и купанья он снова туда шел. И снова работал три или четыре часа.

А вечером, после прогулки и купанья, родные снова видели его за книгами.

И родные поразились, как он так много может заниматься. И даже стали бояться за его здоровье.

Но Ленин им сказал:

— Человек может удивительно много учиться и работать, если он правильно отдыхает.

И, действительно, Ленин правильно отдыхал. Он час работал. Потом делал гимнастику. Потом снова час или два писал и после этого бежал к реке купаться.

Потом, отдохнув или погуляв в лесу, возвращался к книгам и опять учился.

В своем летнем кабинете он устроил себе турник недалеко от столика. И время от времени делал на нем упражнения.

В хорошую погоду он купался два или три раза в день. Он чудно плавал. Он так плавал, что всех приводил в удивление.

Один его знакомый, вспоминая о прошлом, говорил, что в Швейцарии было очень страшное озеро, где постоянно тонули люди. Это озеро было очень глубокое. Там были холодные течения, омуты и водовороты. Но Ленин бесстрашно плавал в этом озере.

ИНОГДА МОЖНО КУШАТЬ ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

Целых четырнадцать месяцев просидел Ленин в царской тюрьме.

Он сидел в маленькой полутемной одиночной камере. Железная койка, стол и табуретка — все, что там было.

Другой человек на месте Ленина целые бы дни плакал и страдал в этой камере. Но не такой человек был Ленин.

Он и в этой камере целые дни работал.

Он утром делал гимнастику и потом начал писать книгу. Он тут писал революционную, очень нужную книгу: «Развитие капитализма в России».

А писать в тюрьме запрещалось. И там ничего не давали — ни карандашей, ни перьев, ни чернил, — ничего не давали. И бумаги не давали. Как хочешь, так и пиши.

И только там позволяли читать книги. Родные имели право присылать арестованному книги.

И вот тогда Ленин стал писать на этих книгах. А надо было так писать, чтобы никто в тюрьме не догадался, что тут в книге что-ни-

Этот знакомый ему однажды сказал, что надо быть осторожным, — тут тонут люди.

— Тонут, говорите? — спросил Ленин. — Ничего, мы-то не потонем.

И тут же заплыл так далеко, что еле можно было видеть его.

И вот, благодаря купанью и физкультуре, благодаря правильному отдыху, Ленин сумел много работать и сумел подготовиться за всю высшую школу сразу.

Он почти два года так усиленно учился. И за это время успел пройти весь курс университета, то, что другие изучали четыре года.

Он сдал все экзамены и получил диплом первой степени.

И все профессора ему сказали:

— Это поразительно. Вы же не учились в университете и не слушали наших лекций. Как же вы могли так великолепно подготовиться? Наверно, вам кто-нибудь помогал.

Ленин сказал:

— Нет, я один занимался.

И тогда профессора удивились еще больше. И министр от удивления развел руками.

Но профессора и министр не знали, что, кроме огромного ума и замечательных способностей, Ленин имел еще огромную работоспособность. А эта его работоспособность зависела от физкультуры и правильного отдыха.

И вот почему с таким прекрасным успехом Ленин закончил свою учебу.

будь написано. Потому что в тюрьме проверяли все книги перед тем, как отдать родственникам. И если видели, что в книге хоть одно слово написано, — эту книгу сжигали.

А революционеры знали, что можно писать молоком.

Если на бумаге написать молоком, то решительно ничего не видно.

А для того чтобы прочесть написанное, надо было погреть эту бумагу на лампе или на свечке, и тогда молоко начинает темнеть, на бумаге выступают коричневые буквы и все можно прочесть, что написано.

Вот Ленин так и писал — на полях книги и между строчками. А родные его об этом знали. И когда получали обратно книгу, — грели каждый листик на лампе, читали и переписывали.

Так Ленин в тюрьме писал свою книгу.

Но и для такой работы приходилось быть очень осторожным. Если надзиратель тюрьмы видел бы, что он так писал, — тогда ему было бы плохо. Тогда и молоко перестали бы ему

давать как больному. И как-нибудь жестоко наказали.

А надзиратель очень часто заходил в камеру. Или же подглядывал в дверное окошечко — что делает арестованный.

Тогда Ленин придумал такую вещь. Он из хлеба делал маленькие чернильницы, наливал туда молоко и макал туда перышко, которое он достал. И так писал.

Вот однажды надзиратель тихонько поглядел в дверное окошечко и видит странную картину: Ленин пишет.

Надзиратель быстро открывает дверь, входит в камеру и говорит:

— Вы попались. По-моему, вы сейчас что-то писали.

Ленин берет свою чернильницу и спокойно кладет ее в рот. И жует ее.

Надзиратель говорит:

— Что вы делаете! Вы чернильницу кушаете.

Ленин говорит:

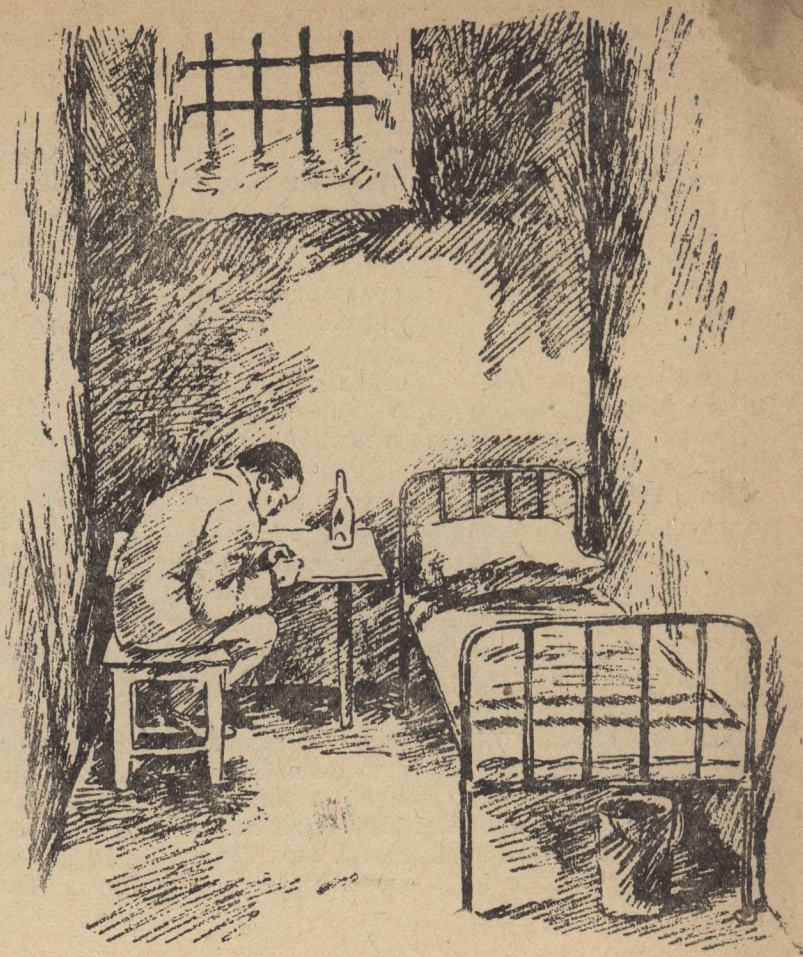
— Вы, кажется, ослепли. Это не чернильница, а хлеб. И вот я его кушаю.

Надзиратель посмотрел — действительно хлеб. Думает: «Наверно у меня испортились глаза. Мне показалось, что он чернильницу кушает».

И с этими мыслями надзиратель ушел. А Ленин моментально сделал из хлеба другую чернильницу, налил туда молока и опять стал писать.

И всякий раз, когда приходил надзиратель, Ленин спокойно брал свою чернильницу и тут же съедал ее. И это было даже вкусно, потому что это был хлеб с молоком.

Когда Ленин вышел из тюрьмы, он, смеясь, сказал своим родным и знакомым:

— Знаете, однажды мне не повезло, и за два часа пришлось мне съесть шесть чернильниц.

И все засмеялись. А которые не знали, в чем дело, те очень удивились: как это можно есть чернильницы?

Но вот оказывается, что иногда можно кушать чернильницы.

КАК ЛЕНИН ПЕРЕХИТРИЛ ЖАНДАРМОВ

Когда Ленину было двадцать шесть лет, он уже был всем известный революционер, и царское правительство боялось его, как огня.

Царь велел посадить Ленина в тюрьму.

И Владимир Ильич просидел в тюрьме четырнадцать месяцев.

А после этого жандармы выслали его в Сибирь. И там, в Сибири, Ленин прожил в деревне целых три года.

А это была глухая деревушка. Она стояла в тайге. И ничего хорошего там не было. Там протекала небольшая речонка Шушь. И там рос небольшой лесок, в котором даже деревьев было мало.

Но Владимир Ильич не огорчился, что его сослали в такую глушь. Он там много работал, писал революционные книги, беседовал с крестьянами и помогал им советами.

А в свободное время Ленин ходил на охоту со своей охотничьей собакой «Женькой», купался, играл в шахматы. Причем шахматы он сам вырезал из коры дерева. И вырезал очень хорошо, даже великолепно.

И вот время проходило незаметно. И протекло почти три года. И уже приближался конец ссылки.

Уже Владимир Ильич начинал обдумывать, куда ему поехать, чтоб снова продолжать революционную работу.

Но незадолго до конца ссылки в избу, где жил Ленин, пришли царские жандармы.

Они сказали:

— Вот что. Сейчас мы сделаем у вас обыск. И если найдем что-нибудь запрещенное царским правительством, то берегитесь. Тогда, вместо освобождения, мы оставим вас в этой глухой деревне еще по крайней мере три года.

А у Ленина были запрещенные книжки и

разные революционные документы. И все эти книги и документы лежали в книжном шкафу на нижней полке.

Вот один толстый, усатый жандарм встает у двери, чтоб никто не пришел и не вышел. А другой жандарм, маленького роста, но тоже усатый и свирепый, ходит по комнате и во все нос сует.

Он осмотрел стол, комод, заглянул в пенку и даже не пожелал влезть под кровать, чтоб увидеть, что там такое.

Потом он подходит к книжному шкафу и говорит:

— А это что у вас там в шкафу?

Ленин говорит:

— Это мои книги в шкафу.

Жандарм говорит:

— А вот я сейчас посмотрю эти ваши книжки и увижу, что это такое!

И вот жандарм стоит около этого шкафа и думает, с чего ему начать осмотр — с верхней полки или с нижней?

Жена Ленина, Надежда Константиновна Крупская, смотрит на этого жандарма и думает:

«Только бы он начал обыск с верхней полки. Если он начнет с верхней полки, тогда хорошо, тогда под конец обыска он устанет и последнюю полку не будет внимательно осматривать. Но если он начнет обыск с нижней

полки, тогда плохо — как раз на этой полке среди других книг имеются запрещенные».

Ленин тоже смотрит на жандарма и думает.

Вдруг Ленин, чуть улыбнувшись своим мыслям, берет стул и ставит этот стул к шкафу. И говорит жандарму:

— Чем при вашем маленьком росте тянуться, — встаньте на этот стул и начинайте проверять мои книги.

Маленький усатый жандарм, увидев такую любезность со стороны революционера, поблагодарил и влез на стул. Но поскольку он влез на стул, то он и, ясно, начал осматривать с верхней полки. То есть то, что и надо было Ленину.

И, глядя на жандарма, Владимир Ильич улыбался.

И Крупская тоже улыбалась, видя, что Ленин заставил жандарма сделать так, как ему было надо.

Вот жандарм роется на верхних полках, читает заглавия и перетряхивает каждую книжку. А время идет. Книг много. И за два часа жандарм едва успел просмотреть четыре полки.

Пятую полку жандарм стал осматривать уже не так внимательно. Тем более, что толстый жандарм, стоявший у дверей, начал вздыхать и хандрить. И даже сказал своему приятелю:

— Ох, как долго идет обыск. Я устал и кушать хочу.

Маленький жандарм говорит:

— Скоро пойдем обедать. Вот осталась последняя полка. Ну, да, наверно, и на этой пол-

ке у них ничего нет, раз во всем шкафе ничего не обнаружено.

Толстый жандарм говорит:

— Ясно, у них ничего нет. Пойдемте кушать.

Почти не осматривая нижнюю полку, маленький жандарм сказал Ленину:

— Выходит, что ничего запрещенного мы у вас не нашли. Честь имею кланяться.

И с этими словами жандармы уходят.

И когда закрылась за ними дверь, Владимир Ильич и Крупская начали весело смеяться над тем, как были одурачены жандармы.

ТОВАРИЩ ИВАНОВ

В июле 1917 года Временное правительство во главе с Керенским отдало приказ об аресте всех большевистских вождей.

Причем за арест Владимира Ильича Ленина правительство обещало высокую денежную награду.

Центральный Комитет партии и в особенности товарищ Сталин настояли на том, чтобы Ленин покинул Петроград.

Ленин так и сделал. Он уехал в Разлив и там поселился в доме одного рабочего Сестрорецкого завода.

Но и в Разливе долго оставаться было рискованно. Кругом дачи. Много народу. И тут могли Ленина узнать и о нем донести. Хотя некоторые меры предосторожности были приняты: Ленин сбрил бороду и усы.

Приходилось думать о более безопасном месте.

А время было сенокосное. И вот Ленин под видом косаря поселился на покосе за Разливом.

Тут место было глухое. И туда не без труда можно было попасть — следовало лишь переправиться через озеро на лодке.

Чтобы имелась видимость покосной жизни, рабочие скосили и уложили тут большой стог сена. И устроили Владимиру Ильичу шалаш.

И вот в этом шалаше Ленин спал и укрывался от дождя. А в хорошую погоду, сидя у шалаша, писал свою знаменитую книгу «Государство и революция».

В перерывах Ленин, взяв грабли, повертывал и сушил сено. Или же в озере ловил рыбу.

И такая жизнь ему удивительно нравилась. Он превосходно себя чувствовал и был весел и спокоен.

Но так долго не могло продолжаться. Наступала осень. Все чаще выпадали дожди. Рано темнело. Холодный северный ветер пронизывал даже в шалаше. И, кроме того, время сенокоса закончилось — оставаться здесь дольше стало невыносимо.

И вот решено было переправить Ленина в Финляндию. Для того надлежало перейти границу. А в то время переход через финскую границу был почти свободен, так как Финляндия считалась частью России.

Достаточно было иметь документ в порядке для того, чтобы пройти через границу.

Рабочие, которые посещали тут Ленина, дали ему удостоверение — пропуск на имя рабочего Сестрорецкого завода товарища Иванова, Константина Петровича.

Конечно, пропуск этот был фальшивый. Печать поставили в одном из комиссариатов незаконным путем. Для фотографической же карточки Ленину пришлось загримироваться. Надет был парик, потрепанная кепка и плохонькое пальтецо.

Итак, со дня получения этого пропуска Ленин стал именоваться товарищем Ивановым.

Рабочие стали обследовать все пути, по которым товарищ Иванов мог бы наилучшим образом пройти через границу.

Но дело это необычайно усложнилось.

Рабочие увидели, что пограничники с огромным вниманием и подозрительностью проверяют каждый документ. Причем тщательно сличают фотографию документа с лицом предъявителя. И больше того — в руках почти у каждого пограничника рабочие увидели фотографию Ленина.

Стало понятно, что пограничная охрана получила распоряжение задержать Ленина. Обещанная денежная награда за арест Ленина заставляла пограничников приложить к этому все старания.

Рабочие поняли, что товарищу Иванову с его фальшивым документом через границу не перейти. Надо было придумать что-нибудь иное.

И вот тогда рабочие договорились с одним машинистом. И тот согласился перевезти Ленина в Финляндию на паровозе.

Для этого надо было добраться до станции Удельная и там в назначенный день и час не-

заметно сесть на паровоз, который будет вести этот машинист.

Дело было, конечно, рискованное, но пришлось идти на этот риск.

Решили дойти от Разлива до Белоостровской ветки, там сесть на первый же поезд и доехать до станции Удельная, с тем чтобы заночевать на Удельной и на другой день сделать так, как было условлено с машинистом.

И вот вечером 14 августа четверо рабочих, из которых один был Ленин, или, вернее, товарищ Иванов, отправились в путь.

Знаменитый ленинский шалаш остался позади.

Сначала пошли через лес по узкой тропинке.

Но вдруг стало темнеть. Путники сбились с тропинки и потеряли ее. Пошли по звездам на восток.

Неожиданно запахло едким дымом. Видимо, где-то горел торф.

Едкий запах усиливался. Стало трудно дышать. Оказалось, что под ногами горел торф.

Один из рабочих сказал, что надо бы поскорей выбраться из пожарища, так как торф прогорает под землей и были случаи, когда верхний покров земли не выдерживал и люди проваливались в горящий торф.

Путники взяли левей, но пожарище, казалось, было повсюду.

Но вот дым стал слабее, и путники вышли к реке.

Это была речонка Черная. Летом свободно проходили через нее. А сейчас, после дождей, это была довольно солидная река, неизвестной глубины. И наши путники остановились перед ней, не зная, как поступить.

Ленин всю дорогу был удивительно спокоен. А подойдя к реке, он даже стал шутить и смеяться, говоря, что после пожара полезно принять холодную ванну. Он быстро разделся и, подняв одежду над головой, первым влез в воду.

Было удивительно смотреть, как сорокасемилетний Ленин с юношеским задором проходил речку вброд. Он уверенно шагал, хотя вода доходила ему до груди, а местами и до шеи.

Путники благополучно прошли через речку и, одевшись, снова тронулись в путь.

Но вот лес неожиданно закончился, и путники подошли к какой-то канаве.

Впереди железнодорожная насыпь. И влево виднелся станционный домик.

Это станция Дибунь.

Это была ближайшая станция от Белоострова. И тут, в пограничной полосе, следовало вести себя осторожно. В самом деле — на платформе ходили юнкера и вооруженная охрана.

Путники наши залегли в канаву и стали обсуждать, как им поступить — идти ли пешком до платформы Песочная, или ждать поезда.

Один из рабочих пошел на станцию купить билеты и узнать, когда пойдет поезд и пойдет ли он сегодня, так как было уже около часу ночи.

Но этого рабочего тотчас схватили юнкера. Они, как коршуны, налетели на него и поволокли к вокзалу.

Но у рабочего документы были в полном порядке, и за него можно было не тревожиться. Так и оказалось: утром, после допроса, его отпустили.

Между тем лежащие в канаве решили ждать поезда.

К счастью, поезд вскоре подошел, и Ленин с двумя спутниками благополучно вскочил в вагон.

Вагон был почти пустой, и товарищи удобно разместились на скамейках. Усталость была большая. Хотелось подремать. Но вдруг в вагон вошел кондуктор с фонарем и попросил предъявить билеты.

Дело могло закончиться плохо. Кондуктор мог сдать пассажиров охране на ближайшей станции. Но кондуктор попался наредкость добродушный малый. Узнав, что у пассажиров нет билетов, кондуктор почему-то развеселился и стал острить, говоря, что зайцы для него те же люди, что и остальные пассажиры, и что к зайцам он всегда относится хорошо, уважая их за храбрость.

Ленин стал смеяться, но смеялся сдержанно и даже одной рукой прикрывал свое лицо,

боясь, чтобы кондуктор не осветил его фонарем.

Кондуктор же пустился в политические разговоры и даже заговорил о Ленине, который, по его мнению, был немецкий шпион.

Рабочие разгорячились и стали доказывать кондуктору, что это ложь и сплетня, пущенная Временным правительством для того, чтобы опорочить вождя трудящихся.

Так, беседуя с кондуктором, наши путники доехали до Удельной.

Пожав руку добродушному кондуктору, Ленин со своими товарищами вышел на станцию и, никем не замеченный, отправился на ночевку.

Был третий час ночи, когда они пришли на квартиру, которая принадлежала одному из спутников Ленина.

Условно постучали. Дверь открыла женщина.

Ленин вошел в убогую комнатку рабочего. Стол, стул и бедная кровать — вот все, что там было.

Хозяин и хозяйка стали упрашивать Ленина лечь на их постель. Но Ленин отказался.

Вынув из кармана газеты, Ленин разостлал их на полу и, подложив пальто под голову, вскоре заснул.

Заснули и те, кто пришел с ним. И только хозяйка не спала — она караулила их сон.

На другой день к вечеру стали готовиться к новому, еще более опасному пути.

Машинист, согласившийся перевезти Ленина на паровозе, вел последний ночной поезд из Петрограда.

Необходимо было со всей осторожностью сделать посадку.

В 11 часов вечера Ленин в сопровождении двух товарищей направился к станции.

Решено было показаться на станции, только когда подойдет поезд.

И вот поезд прибыл.

Тотчас Ленин подошел к паровозу и быстро и легко влез по ступенькам. Он влез, как заправский кочегар. И никто не обратил на это внимания.

И через полминуты с паровоза слез настоящий кочегар, который должен был, по условию, перейти в вагон.

Этот кочегар спокойно и без суетни подошел к вагону и вошел в него. Теперь все было в порядке.

Рабочие, сопровождавшие Ленина, вздохнули с облегчением. До этого они стояли у первого вагона, сжимая револьверы в карманах пальто.

В случае неудачи решено было стрелять в тех, кто попытается задержать Ленина.

Но операция удалась как нельзя лучше.

Рабочие вошли в вагон вслед за кочегаром.

Поезд загудел и тронулся в путь.

Улыбаясь и показывая глазами на топку, машинист, старый финн с мужественным и суровым лицом, приказал Ленину заняться делом.

Открыв топку, Ленин стал подбрасывать дрова в огонь.

Машинист одобрительно покачивал головой.

В паровозном грохоте разговаривать было трудно да и по условию не полагалось. И только на одной из остановок машинист спросил Ленина, хорошо ли он тут себя чувствует. И Ленин ответил: великолепно.

Поезд благополучно подошел к Белоострову.

Началась проверка документов.

Закрыты были все двери вагонов.

Это усложнило дело. В случае беды товарищи были отрезаны от Ленина.

Но тут машинисту пришла хорошая идея.

Увидев, что к паровозу направляется охрана, машинист тотчас отцепил паровоз и полным ходом поехал за водой. И минут десять набирал воду.

Уже раздалось два звонка. Паровоз все еще находился у водопроводного крана. Наконец, с третьим звонком, паровоз подошел к составу.

Тотчас паровоз был прицеплен. И поезд тронулся.

Дежурный по станции, видя такой непорядок, погрозил даже машинисту рукой.

В самом деле — можно ли так поступать: торчать у крана десять минут и только в последний момент подойти к составу? Вот даже охрана не успела сделать то, что им было нужно.

Поезд шел, развивая ход.

Еще несколько десятков метров — и начинается Финляндия.

Открыв дверку топки, Ленин энергично подбрасывал дрова.

Через час поезд подходил к Териокам.

Конечно, осторожность и тут надо было соблюдать — финская полиция не дремала, но все же тут Ленин был в сравнительной безопасности.

Почти полтора месяца Ленин прожил в Финляндии, сначала в глухой деревушке у Териок, потом в Гельсингфорсе и, наконец, в Выборге.

Связь с Ленинградом налажена была хорошо. Все распоряжения Ленина быстро передавались. Но все же Ленину не сиделось в Финляндии. Он стремился в Петроград, потому что приближались решающие дни.

В конце сентября Ленин решил покинуть Финляндию.

Тот же машинист, который доставил Ленина сюда, снова переправил его на паровозе в Петроград.

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА

У Ленина было много врагов.

У него было много врагов потому, что он хотел заново переделать всю жизнь.

Он хотел, чтобы все люди, которые работают, жили бы очень хорошо. И он не любил тех, кто не работает. Он про них сказал: пусть они вообще ничего не кушают, если не хотят работать.

Это многим не понравилось. И враги Ленина непременно хотели его убить.

И они подговорили одну злодейку — убить великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина.

Они дали ей револьвер. Зарядили этот револьвер ядовитыми пулями. И сказали этой мерзкой злодейке: «Иди на завод. Там сегодня Ленин будет выступать с речью. И когда он закончит свою речь и выйдет из зала, ты подойди к нему и выстрели в него три или четыре раза».

И она так и сделала. Она оделась в черное платье, взяла револьвер и пошла на тот завод, где выступал Ленин.

И когда Ленин, после речи, выходил во двор, какой-то человек, переодетый матросом, нарочно упал у входа. И этим он задержал всех рабочих, которые шли за Лениным.

И благодаря этому Ленин один вышел во двор и один подошел к автомобилю, чтобы в него сесть.

Но в этот момент женщина в черном платье подошла к Ленину совсем близко и четыре раза выстрелила в него.

И из четырех пуль две пули попали в Ленина. И Ленин упал, тяжело раненный: у него было пробито легкое и ранена рука.

Женщина бросилась бежать, но ее задержали и отправили в тюрьму.

Рабочие подбежали к Ленину. И многие из них плакали. Они подняли Ленина и посадили его в автомобиль.

И когда автомобиль поехал, люди сняли с Ленина пальто и пиджак и веревкой перевязали руку, чтобы кровь не текла так сильно.

Машина въехала в Кремль и остановилась у подъезда ленинской квартиры.

Тяжело раненный, Владимир Ильич с огром-

ным трудом вышел из машины, и люди поддерживали его, чтобы он не упал.

Подбежали рабочие и хотели понести Ленина на руках в его квартиру.

Но Ленин не позволил им это сделать. Он сказал:

— Нет, не надо меня нести на руках. Моя сестра и моя жена увидят, что меня несут на руках, и подумают, что мне очень плохо. Не надо их тревожить.

И все окружающие поразились, что Ленин в такой страшный момент думает не о себе, а о других людях.

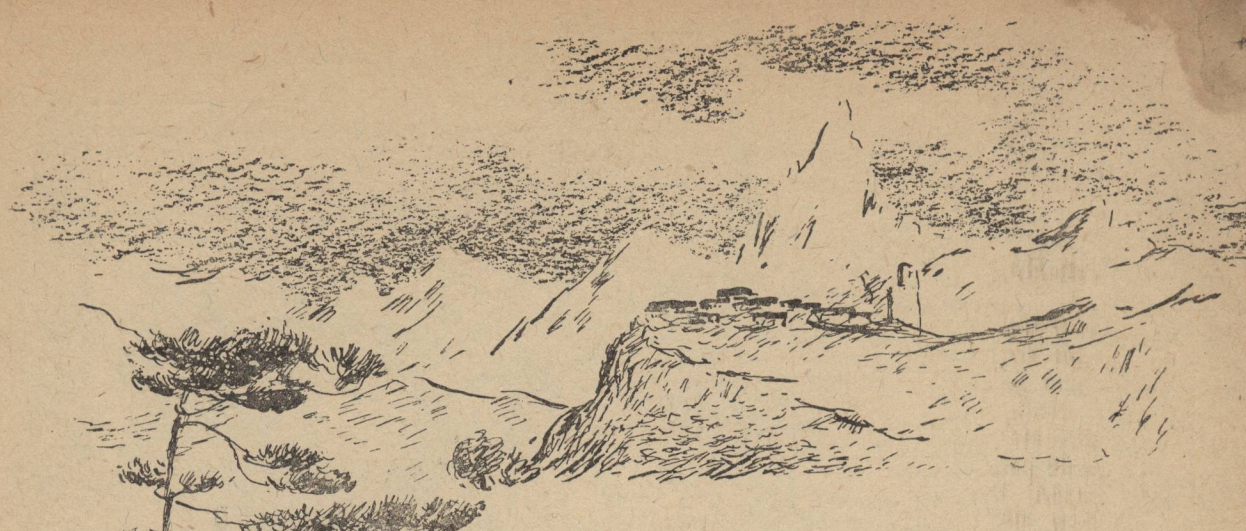
И вот Ленин по крутой лестнице сам поднялся в третий этаж. Правда, его поддерживали с двух сторон, но все-таки он шел сам.

Тут сразу вызвали лучших врачей. Но врачи сказали, что положение очень тяжелое, пули отравлены ядом и может быть заражение крови.

Но прекрасное здоровье Ленина помогло ему поправиться после смертельных ран.

И уже через полтора месяца Владимир Ильич Ленин снова стал работать.

ИЗ ЧЕЧЕНСКОЙ И ИНГУШСКОЙ ПОЭЗИИ

Поэзия Чечено-Ингушетии, автономной республики, входящей в РСФСР, очень молода. Ей немногим больше 20 лет; она ровесница письменности чеченского и ингушского народов, до Октябрьской революции не имевших ни школ, где преподавание велось бы на родных для этих народов языках, ни книг, ни газет, ни театров.

Литература Чечено-Ингушетии развивается теперь в обстановке дружбы народов Советского Союза; и чеченцы и ингуши любят своих поэтов и читают их стихи в книгах и газетах, издающихся на двух родных языках Чечено-Ингушской автономной республики.

В этом номере мы печатаем несколько стихотворений чечено-ингушских поэтов в переводе А. Тарковского.

СЕРДЦЕ

Почему с такою жадной
Это сердце рождено,
Что лететь за птицей каждой
Порывается оно?

Если б мог я птицей реять,
Я б слетел к сердцам людей,
И любую грусть развеять
Мог бы песнею своей.

И тогда б я стал чудесней
Птиц, поющих по весне, —

Как я был бы счастлив песней,
Зародившейся во мне!

Все, забыв свои печали,
Полюбили б голос мой,
На ладонях бы держали
Этот трепет золотой.

Потому с такою жадной
Я на светлый мир смотрю
И слежу за птицей каждой,
Улетающей в зарю.

Джемалдин Яндиев.

ГОРДОСТЬ НАРОДА

Ты, свод небесный, не гордись пред нами
Далекими горящими звездами
Затем, что ярче блещут пред глазами
Большие звезды, созданные Сталиным.

Ты не гордись, моя земля, терпением,
С которым жизнь даешь своим растениям,
Бессильна мощь твоя пред вдохновителем
Людей могучих, выращенных Сталиным.

Ты не гордись, ключей вода живая,
Героям нашим силы придавая,
Затем, что гаснет жажда огневая
При звуке слов, произнесенных Сталиным.

И вы пред нами не гордитесь, горы,
Тем, что видны вам дальние просторы.
Вот наша гордость, наш отец, который
И вас превыше: он зовется — Сталиным.

Мусит Актемиров.

РОДИНА

Родина! Люблю тебя, как душу;
Мы взрастали под твоим крылом;
И теперь твои моря и сушу,
Как зеницу ока, бережем.
Потому люблю тебя, что силы
И мои нужны тебе; что нас
Учат всех отцовские могилы
За тебя сражаться в грозный час;
Потому, что всей земли народы,
Видя твой неугасимый свет,
Рвутся к воле; потому что годы —
Только шествие твоих побед!

Хаджи Бекир Муталиев

ЗИМА

Бабочками кружатся
Крупные снежинки,
Замерзает лужица
И растет ледок;
Долги ночи темные,
Занесло тропинки,
И метель бездомная
Воет, как щенок.

Наш ручей, вчера еще
Певший, точно птица,
Словно засыпающий,
Дышит подо льдом;
Всходит солнце красное,
А светить — скупится,
Облака ненастные
Обступили дом.

Щебета веселого
Стихли отголоски,
Ветви леса голого
Рады поскрипеть.

Залегая на зиму,
Лапу вместо соски
По большому разуму
Сунул в пасть медведь.

Выглядели весело
Шумные селенья;
Белым их завесила
Снежная зима, —
Видишь, как сугуляются
Хмурые строения,
Поседела улица,
В шапках все дома.

Сани за воротами, —
Много дел на брата,
Зимними работами
Занят наш колхоз.

Машут рукавицами
На катках ребята,
Всех их краснолицыми
Сделал дед мороз.

Арби Мамакаев.

Отлично учиться — долг пионера!

РЕБЯТА!

В нашей стране — тридцать пять миллионов школьников. Это значит, что один школьник приходится на каждые пять человек населения Советского Союза. Это значит, что у нас одних школьников почти столько же, сколько всех жителей во Франции.

Ни в одном государстве мира нет такого количества школ, как у нас, и нигде школы не имеют такого великого значения, как в нашей стране.

Ведь оттого, как будут работать наша школа, школьный комсомол, пионерские отряды, зависит будущее нашей родины.

Государство наше может быть сильным и могучим только тогда, когда вместе с фабриками, заводами, колхозами и совхозами, высшими учебными заведениями будет хорошо работать и школа.

Но можно ли сказать, что все наши школы работают хорошо? Что все ребята-школьники хорошо учатся? — Нет! В школьном деле еще много серьезных недостатков, и наша Коммунистическая партия требует, чтобы школа учила и воспитывала ребят лучше, чем это она делала до сих пор.

Вот почему X пленум Центрального комитета комсомола, собиравшийся в конце декабря 1939 года, целиком был посвящен вопросам школы.

К пленуму долго и тщательно готовились. Ближайшие помощники товарища Сталина, секретари ЦК партии товарищи Андреев, Жданов, Маленков, много помогли Центральному комитету комсомола: они советовали, как лучше провести пленум, как лучше комсомолу и наркомпросу организовать школьную жизнь.

Кроме руководящих работников комсомола, на пленум съехались наши лучшие педагоги, среди которых было много орденосцев, депутаты Верховных Советов союзных и автономных республик, писатели Маршак, Чуковский, Фадеев, Кассиль, украинская писательница Иваненко, грузинский писатель Коркия и другие; на пленуме был руководитель ленинградского ТЮЗа народный артист РСФСР орденосец Брянцев, автор кинокартин „Семеро смелых“, „Комсомольск“ и „Учитель“ С. Герасимов, были композиторы, художники и другие знатные люди нашей страны.

Все они горячо обсуждали, как лучше помочь вам, ребята, стать самыми образованными, самыми умными, самыми идейными людьми в мире.

На пленуме обсуждалось также, какой порядок должен быть в школе, что надо сделать, чтобы каждый из ребят мог легко найти себе любимое дело, чтобы больше было хороших книг, пьес и кинокартин для детей.

После пяти дней работы вот что решил X пленум ЦК комсомола:

Во-первых, о школе должен заботиться весь комсомол, и должен он делать это лучше, чем до сих пор. Это — его самое важное государственное дело. Весь комсомол должен помогать учителям в их огромной работе.

Учитель — доверенное лицо советского государства. Это самый уважаемый человек в нашей стране: он вооружает молодежь наукой, он воспитывает в молодежи любовь к родине, честность, храбрость, чувство товарищества, любовь к труду — лучшие человеческие качества.

Советский учитель — ваш верный друг, ваш старший товарищ.

Вот почему каждый из вас, а в особенности комсомолец или пионер, должен всеми силами стараться помочь учителю.

Вы поможете учителю, если будете честно учиться, непрерывно повышать в себе чувство ответственности за свою учебу.

Вы должны помнить, что аттестат школьника, его табель, — это **государственный документ**.

Отметка показывает, как школьник, юный гражданин Советского Союза, выполняет свой долг перед страной — отлично, хорошо, посредственно или плохо.

Отвечая учителю по подсказке, списывая контрольную работу, ученик обманывает не только учителя, — он обманывает все Советское государство. Уважающий себя советский школьник никогда не будет отвечать по подсказке; подсказка не совместима с его достоинством.

Быть внимательным, во-время готовить уроки может и должен каждый школьник, особенно же школьник-комсомолец. Поэтому X пленум потребовал, чтобы каждый комсомолец стал примером для всех своих товарищей.

Будущий боец Красной Армии, будущий инженер, врач, учитель, начальник полярной зимовки должен с детства привыкать к точности, исполнительности, выносливости, вежливости и опрятности.

Школьник должен так же четко выполнять распоряжения учителя, директора, как летчик, танкист выполняют команду своего начальника.

Уже сейчас, в школе, каждый из вас, ребята, должен стремиться походить на бойцов-красноармейцев, на стахановцев.

Вот, например, известный всей стране стахановец Иван Иванович Гудов за одну смену сделал столько деталей, сколько раньше не могли сделать 80 человек вместе! У него не пропала даром ни одна секунда!

А у вас, ребята? Подсчитайте-ка, сколько вы теряете в день учебного времени? Из 45-минутного урока сколько вы действительно занимаетесь?

Если на каждом уроке вы потеряете 5 минут на приготовление к уроку, на разговоры с товарищем, то за день это составит 25 минут. В месяц в среднем — 600 минут, то есть свыше 13 уроков!

Сосчитайте, сколько же времени вы теряете за год?

За всю десятилетку вы теряете таким образом больше целого учебного года! Сколько интересного, полезного могли бы вы узнать за этот, потерянный по собственной недисциплинированности, год!

Теперь вы понимаете, какое государственное значение имеет дисциплина на уроке.

Пленум потребовал также, чтобы каждый школьник берег школьное и всякое другое государственное и общественное имущество. Ведь оно создано трудом народа, а советский школьник любит свой народ и уважает труд.

Добиваться, чтобы у всех школьников была отличная дисциплина, чтобы все школьники старательно учились, должна комсомольская организация школы и пионерский отряд каждого класса.

Пленум рассмотрел и одобрил правила юных пионеров и новый текст торжественного обещания, а также одобрил проект устава школы. Устав — это закон школьной жизни, который каждый школьник должен будет неуклонно выполнять.

Кроме того, пленум решил организовать добровольное спортивное общество для школьников. У взрослых есть „Динамо“, „Спартак“, а у ребят до сих пор своего спортивного общества не было. Теперь на футбольном поле, на беговой дорожке школьники будут защищать честь своего спортивного общества.

А лучшие спортсмены — члены добровольного спортивного общества — летом этого года съедутся в Москву на Олимпиаду детского творчества, которую решил организовать X пленум ЦК комсомола. Кроме спортсменов, на Олимпиаду поедут лучшие конструкторы, авиамоделисты, фотографы, стрелки, санитары, музыканты, плясуны, лучшие самодеятельные детские коллективы.

Но только тот сможет стать участником всесоюзного смотра, кто хорошо учится и ведет себя отлично. Школа, которая даст высокие показатели по успеваемости и дисциплине к концу учебного года, получит право послать своих представителей на Олимпиаду. А лучший пионерский отряд поедет в Москву в полном составе.

Добиться высокой чести — рапортовать товарищу Сталину, руководителям партии и правительства о своих успехах в учебе и общественной работе — задача каждой школы, каждого класса, каждого пионерского отряда и каждого школьника.

Так Ленинский комсомол по заданию партии берется теперь за новую, почетную и огромную задачу — воспитание всего молодого поколения нашей родины.

*Учительница 3 школы Фрунзенского р-на Ленинграда,
депутат Верховного Совета РСФСР М. КРОПАЧЕВА.*

ОГНАМ РАМАТ

Е. БОРОНИНА

Рисунки Н. ПЕТРОВОЙ

ПОИСКИ ДРУГА

1

Анна Федоровна положила портфель на столик, раскрыла классный журнал, просмотрела его, потом начала объяснять спряжение немецких глаголов.

Это была уже немолодая, высокая женщина, с простым и милым лицом. Глаза у нее были серые, пытливые и грустные.

Заметив, что Анна Федоровна не смотрит в его сторону, Саша стал оглядывать класс. Как похож он на старый... Такие же светлые стены, такие же колпаки на лампах, такие же изрезанные ножами парты... И шкаф, и учительский столик, залитый лиловыми чернилами, и табель успеваемости у двери...

Как похож он на старый... И все же Саше казалось, что он никогда не привыкнет к нему. Саша был застенчив, а застенчивость мешала ему быстро сходиться с товарищами. С сожалением он вспоминал школу на Кировной, где остались все его приятели.

Собственно, настоящих друзей в старой школе у него и не было. Но теперь, когда он чувствовал себя одиноко и неудобно, ему представлялось, что там, на Кировной, у него были друзья.

Рассеянно слушая Анну Федоровну, Саша обдумывал, с кем бы он здесь мог подружиться.

С соседом по парте Васей Морозовым? — Нет. Не успеет учитель задать вопрос, как перепачканная чернилами рука щуплого Морозова взлетает будто на пружинке и не опускается до тех пор, пока учитель не заметит. Выскокка.

Коля Гаврин? — Он, это по всему видно, — тупица. Второгодник... На переменах Гаврин исподтишка таскает девочек за косы. Противный.

Толстый краснощекий Несвижский? — Вечно меняет тетради, карандаши, резинки, ручки... Меняла! Саша даже поморщил нос.

Он перебрал еще с десяток мальчиков и пришел к печальному выводу: пожалуй, ни с кем из них ему дружить неохота. Разве с девочками? Ни за что! Хотя девочки то и дело заговаривали с ним, Саша их сторонился. Не сумев с первого дня сойтись с мальчиками, Саша боялся дружбы девочек. Он думал, что мальчики начнут презирать его.

Когда Тамара Бесперчая, звеновая классного отряда, спросила Сашу, не хочет ли он записаться в санитарный кружок, Саша покраснел и ответил: «Нет».

Тамара тряхнула косами, скривила губы и насмешливо сказала: «Ну и цаца!»

Саша еще раз обвел глазами класс. Оставался один Петя Соболев. Да, Соболев ему подходит. С ним он хотел бы подружиться.

Саша сразу заметил, что в классе уважают этого веснушчатого кареглазого мальчика и многие даже побаиваются его насмешливого языка.

На переменах Соболева окружала толпа поклонников. Он необыкновенно похоже изображал учителей и одноклассников. Передразнивая Несвижского, Соболев, точь-в-точь как тот, выпячивал губы и жалобно хныкал: «Новая резинка пропала». Несвижский злился и бросался с кулаками на обидчика. Но поклонники Соболева дружно оттесняли от него оскорбленного.

С таким же успехом Петя показывал «духовой оркестр». Он один был одновременно и трубой, и барабаном, и литаврами.

Дружить с Соболевым было бы лестно...

Но к большому огорчению Саши как раз Петя-то Соболев и не обращал на него внимания. За все десять дней, что Саша учился в новом классе, Соболев ни разу не заговорил с ним. А между тем Соболев охотно трещал решительно со всеми...

Спокойный голос Анны Федоровны вывел Сашу из раздумья.

— Василевский! Пожалуйста, повтори, что я сказала.

Краснея и запинаясь, Саша пролепетал что-то невразумительное, хотя он неплохо знал немецкий язык.

Вася Морозов тотчас же поднял руку и зашевелил пальцами.

«Выскачка! Дурак!» — злился Саша.

— Василевский, садись и слушай внимательно.

Саша сел на место. Тотчас же Соболев показал ему язык и рожки. Все хихикнули.

— Соболев! Проспрягай haben!

Застигнутый врасплох, Петя встал, поперхнулся, растерянно заморгал. Потом, сделав вид, что ему все нипочем, громко спел глагол на мотив «Все выше и выше» и при этом наврал во втором и третьем лицах единственного числа.

Класс, обрадованный неожиданным развлечением, громко захохотал, а Анна Федоровна сидела растерянная, не зная, рассердиться ей или рассмеяться.

— За прекрасное концертное исполнение я попрошу преподавателя пения поставить тебе, Соболев, отлично. Ну, а за немецкий я поставлю тебе плохо, — нашла она выход из положения.

— Ему в дьяконы нужно итти, — сострил Гаврин.

— Сам ты дьякон, — огрызнулся Петя. — Перед испытаниями хлеб с молитвами ел...

Гаврин замолчал.

В самом деле, перед испытаниями бабушка Гаврина закатала в хлеб листок из молитвенника и велела внуку съесть.

Внук, хотя в бога ни капельки не верил, хлеб на всякий случай съел. Вдруг поможет! Оказалось, что не помогает. На второй год он все же остался.

Когда шум стих, Анна Федоровна сказала:

— Соболев! У тебя есть время исправиться до конца четверти. Учи получше уроки.

Петя сел и стал хмуро смотреть в книжку. Самолюбие его было уязвлено. «Я пошутил, а она — плохо».

Аня Смирнова, соседка Тамары Бесперчей,

обернулась к Пете, состроила злорадную гримасу и ядовито сказала:

— Что, получил на орехи!

2

Возвращаясь из школы, Саша увидел, как по другой стороне улицы шел Петя Соболев, размахивая старым портфельчиком. Кепка была надета козырьком назад.

Соболев остановился у сторожки больничного сада и как с добрым знакомым заговорил со сторожем.

Прячась за спину толстой старухи, Саша перешел улицу и будто случайно столкнулся с Соболевым.

— Ты на этой улице живешь?

— На этой.

— Гаврин — дурак.

— Дурак.

— Ловко ты спел...

— Угу. А ты почему раньше в нашей школе не учился?

— Мы раньше на Кирочной жили. Теперь папе дали квартиру в новом доме.

— В этом? — Петя показал на дом напротив больничного сада...

Мальчики замолчали. Разговор не клеился. Сейчас Соболев уйдет.

Неожиданно для самого себя Саша сказал:

— Я летом в Крыму был. На Ай-Петри лазил... — И сейчас же понял, что глупо похвастал.

Соболев свистнул.

— Подумаешь, Крым! В Крым каждый может поехать. А я на самой границе жил. У меня бабушка там.

— Где?

— Где? Так я тебе и сказал! Государственная тайна.

— А шпионов ты видел?

— Видел! Сам ловил...

— Не врешь?

— Я-то вру? Целых двух на заставу привел.

Петя быстро заработал языком. И в эту минуту он был уверен, что на самом деле все так и было, как он рассказывает. Способность верить в свои фантазии была отличительной чертой Пети. Это был тот самый мальчик, который, будучи в первом классе, двадцать три раза смотрел кинофильм «Чапаев». Когда же контролерша спросила его, почему он так часто смотрит картину, Петя хитро улыбнулся и ответил: «А может быть, Чапаев выплывает».

Наконец, Петина фантазия иссякла. Тогда Саша, осмелев, принялся рассказывать, как однажды его мама приняла дельфина за утопающего человека и бросилась к нему на помощь.

— Ну, мне пора! — внезапно оборвал беседу Петя. — Пойду обедать.

Кивнув Саше, он перешел улицу и скрылся в воротах серого шестиэтажного дома.

Саша раздосадованно смотрел ему вслед. Заинтересовать Соболева не так-то легко. Дельфином его не удивишь... Никаких подвигов Саша не совершил и ему нечем было похвастать.

3

Саша позвонил у дверей своей квартиры. Никто не открывал. Саша потянул за ручку. Дверь открылась.

«Где же Филимоновна?»

Из столовой послышался испуганный старушечий голос:

— Кто там?

— Я, Саша!

— Иди сюда, Сашенька. Он, проклятый, меня не пускает.

«Вдруг вор забрался?»

— Иди, иди, он тебя, может, не тронет, — просила Филимоновна.

С опаской Саша приоткрыл дверь в столовую. Глазам его предстало странное зрелище.

Старая Филимоновна, с половой щеткой в руках, сидела на обеденном столе под большим желтым абажуром. А под столом лежала овчарка, молодая, темно-серой масти. Заметив Сашу, собака вскочила и насторожила уши.

Саша попятился. Собака опять легла. Кусаться она, видимо, не собиралась.

— Откуда собака?

Филимоновна, вероятно, сочла Сашу достойным защитником. Кряхтя, она слезла со стола и затараторила:

— Папаша привел. Только хотела я дверь за ним закрыть, а пес как бросится на меня. Схватил за щетку и не пускает. Ну, я и влезла на стол. До смерти боюсь собак.

Саше стало смешно. Пес вовсе был не страшен. Ведь он еще щенок. Лапы большие, неуклюжие... Просто он хотел поиграть с Филимоновной.

— Чего смеешься-то! — укоризненно заворчала старушка. — Сам, небось, тоже напугался.

На всякий случай Филимоновна поспешно удалилась из столовой.

«Зачем папа привел овчарку? Наверно, подарит. А вдруг нет? Как ее зовут?»

Саша осторожно погладил незнакомку. Овчарка в знак одобрения шевельнула ушами. Саша погладил еще раз. Овчарка вильнула хвостом. Дружба налаживалась.

С таким псом не стыдно гулять по улице — не дворняжка. Пусть кто-нибудь тронет его. Собака им задаст! Все будут завидовать... Даже Соболев. Конечно, Петя позавидует.

Заметив Сашу, собака насторожила уши.

Подумаешь — был на границе! И никаких шпионов Петя не поймал. Наврал, наверно... А собаки-то у него нет!

Мечты Саши о том, как он с помощью овчарки завоюет Соболева, были прерваны звонком в передней.

Сегодня отец и мать, вопреки обыкновению, не опоздали к обеду. Они всегда были заняты. Особенно отец — известный ленинградский хирург. Отца Саша не видал иногда по два-три дня. Обыкновенно Саша уже спал, когда отец возвращался домой. Мать Саши, Софья Ильинична, врач-рентгенолог, уезжала с передвижной рентгеноустановкой в длительные командировки на далекий Север лечить больных. Вместе они проводили время только летом на даче.

За обедом тайна собаки открылась. Два дня тому назад ее купил завхоз института, где работал отец Саши. Купил ее для научных опытов. Собаку продала какая-то женщина за двадцать пять рублей. Она сказала, что хозяин собаки, старый пенсионер, умер и ее некуда деть.

Сергей Дмитриевич решил, что такого породистого пса жалко брать для опытов.

— Хочу подарить моему ассистенту. Он давно мечтает приобрести овчарку.

— Оставь ее! — с отчаянием в голосе упрашивал Саша.

— Нет, нет! — твердил отец. — Филимонов-

не некогда возиться с собакой. Кто будет гулять с ней? Собака не игрушка. До обеда ты в школе.

Мать поддержала отца.

Помощь пришла неожиданно. За Сашу вступилась Филимоновна, ненавистница собак.

— Вы, Софья Ильинична, с Сергеем Дмитриевичем весь день пропадаете. А мальчик один остается. Вы бы его пожалели. Ему вроде как товарищ будет.

— Хорош товарищ! — засмеялся Сергей Дмитриевич.

После обеда отец все же согласился:

— Ну, так и быть. Пусть остается.

Нужно было придумать кличку собаке. Как ее зовут — завхоз института забыл спросить у женщины.

4

Расчеты Саши оказались правильными. Петя сдался перед собакой. Как только Саша послал на одном из уроков записку: «У меня есть овчарка. Приходи ко мне. Нужно дать ей имя», — Петя немедленно ответил: «Приду, как пообещаю». Соблазн был слишком велик, чтобы продолжать «не обращать внимания» на Василевского.

Не обращал же внимания на него Петя не случайно.

Василевский показался ему гордым и себе на уме. В первый же день появления Саши в классе Петя заметил, что девочки шушукаются насчет «хорошенькой» внешности новичка и его «умного лица». В перешептываниях Петя, во-первых, усмотрел намеки на свою собственную внешность, слишком обыкновенную, а во-вторых, заподозрил неповинного Сашу в желании «воображать себя умнее Аристотеля».

После разговора у больничного сада Петя изменил мнение о Василевском. Ему полстисло, что Саша так доверчиво развесил уши. Неожиданное приглашение в гости окончательно разбило Петину недовольство. К тому же — настоящая овчарка!..

В шесть часов он был у Саши.

Первые минуты Петя, смущаясь перед Сашиним отцом, чувствовал себя неловко. Он то и дело одергивал рубашку и старался говорить как можно учнее, то есть, вместо того, чтобы сказать: «Какая породистая собака», он говорил: «В конституции собаки есть все признаки породы». Наконец, Сергей Дмитриевич не выдержал столь ученой беседы и предложил заняться подысканием клички для овчарки.

Но найти кличку оказалось нелегко. На память приходили самые скучные имена: Кадо, Полкан, Трезор, Амур. Выход из затруднения нашел Петя: взять книжку, открыть на любой странице, ткнуть пальцем в какую-нибудь

строчку и назвать собаку по одному из слов этой строки.

Сергей Дмитриевич достал с полки книгу.

— Какая страница?

— Тридцать третья.

— Какая строка сверху?

— Пятая.

В строке было написано: «рам. Причем они думали, что им придется заниматься также...»

Ни одного имени существительного! Ничего не вышло...

— Нет, вышло! — закричал Петя. — Рам!

«Рам» — был перенос с предыдущей строки от слова «офицерам».

Предложение было встречено с восторгом всеми, кроме самой крестницы. Она упорно отказывалась признавать новое имя.

Внезапно «крестины» были прерваны телефонным звонком. Профессора вызывали на консультацию. Экстренный случай. Обязательно требуется его присутствие.

— Ничего не поделаешь, — развел руками Сергей Дмитриевич. — Такая у меня специальность.

Филимоновна ворчала:

— Покоя не дают. Режь да режь... Будто сам не человек.

После ухода Сергея Дмитриевича разговор переключился на хирургические темы.

— А твой папа может новый нос пришить, если на войне отрубят? — спросил Петя.

— Он не только нос сделать может, а даже горло.

— Ну, не ври! — недоверчиво заметил Петя.

— Я-то вру! Вот папа придет, так сам у него спроси.

Петя был потрясен.

— Ты, Сашка, тоже хирургом будешь!

— Ни за что на свете! Я крови боюсь. Лучше кем-нибудь другим буду. А ты кем?

— Я? Я военным хочу быть. Летчиком или пограничником. Собаку себе заведу. Таковую, как Рам.

— Интересно. — одобрил Саша. — Петя, а у тебя папа есть?

Петя вдруг покраснел, как рак.

— Нету. Он умер.

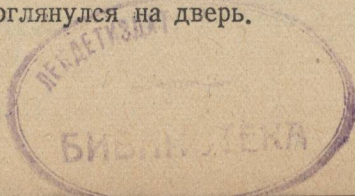
— А кто он был?

Застигнутый врасплох вопросом, Петя собрался было ответить так, как он отвечал всем в классе: «Он был штурман дальнего плавания», но, взглянув на Сашу, он передумал. Слишком пытливы были Сашины глаза.

— Дай честное слово, что никому не скажешь?

— Честное! — поспешно ответил Саша.

— Никому? — шопотом переспросил Петя и оглянулся на дверь.

— Говорю же — никому...

Петя помолчал. Заметно было, как он пере-
сильвает себя. Потом тихо сказал:

— Он был растратчик...

Спеша и недоговаривая от волнения слова,
Петя рассказал правду о своем отце.

Отец его был шофер. Он часто катал Петю на
машине. Потом отец стал заведывающим гара-
жом. С тех пор все и началось.

Однажды зимой за ним пришли два милли-
онера и увели его. Больше Петя не видел
отца. Он растратил казенные деньги. Когда
отец отбыл наказание, он умер. Мать сказала,
что он попал под поезд...

Открыв свою тайну, Петя почувствовал, как
тяжесть свалилась у него с сердца. Эта тай-
на мучила его несколько лет. Мучила с тех са-
мых пор, как девчонка на дворе, разозлившись
на Петю, крикнула: «Вор вора видит издалека».

Мальчики молчали.

— Петя, хочешь, я почитаю тебе мои сти-
хи? — смущенно спросил, наконец, Саша. Он
должен был отплатить за откровенность.

Стихи были тайной Саши. Он писал их уже
года два, но стыдился кому-нибудь говорить
об этом. Особенно трудно было открыться
Пете. Еще утром, когда на уроке русского
языка учительница прочла «Выхожу один я на
дорогу», Петя спросил у Саши: «Нравится
эта мура?» — «Ничего себе», — с нарочитой
развязностью ответил Саша и перевел раз-
говор на другую тему.

И все же желание отплатить Пете дове-
рием оказалось сильнее смущения. К тому же
он мог выиграть в глазах нового товарища
своим талантом.

Саша вытащил из кармана куртки запис-
ную книжку в красном переплете, видно, не-
давно купленную, подсел к лампе и прочел
негромко, но отчетливо:

М о р е

Люблю, когда море бунует
И светя о кренкий гранит,
Ко да оно дико ликует
И злобно и глухо шумит.
Когда сетью тонкой сплетаюсь,
Блестящие брызги висят.
На солнце огнем загораясь,
Над бездною гордо парят.
Люблю также звуки прибоя,
Он песней чарует меня,
Не знает он счастья покоя,
Как счастья не ведаю я.

— Я их летом в Крыму написал...

— Да ты ловко пишешь! Совсем как Пуш-
кин!

— До Пушкина мне далеко, — скромно воз-
разил поэт.

— А ты про войну пишешь?

— Нет. Пока не выходит.

— Жалко. Я бы в стенной газете напеча-

тал. Я ведь ответственный редактор. Хочешь,
напечатаю?

— Да что ты? — испугался Саша. — Ни за
что в жизни. Папа, и тот не знает. Я и так
боюсь, как бы кто не подсмотрел...

— Не хочешь — не надо. Я как рыба буду
молчать.

Петя вплотную пододвинулся к Саше и
шепнул:

— А я знаю одну штуку...

Часа два мальчики сидели, склонившись
над красной записной книжкой. Они таин-
ственно переговаривались и что-то писали
в ней. Потом Саша вырвал из книжки три
первых страницы и сжег в печке.

Пробило девять.

— Слушай, а ты немецкий выучил?

— Немецкий! — Петя хлопнул себя по лбу.

— Завтра Анна Федоровна тебя опять
спрашивать будет.

Петя сморщил веснушчатый, курносый нос
и точно таким же голосом, как Анна Федо-
ровна, сказал:

— Соболев! Проспрягай глагол haben.
Ну, я пойду зубрить, — заторопился он. —
Завтра будем Рама обучать.

ГЛУПОЕ ПАРИ

1

На кухне полилась из крана вода. Зашипел
примус. Сейчас мама придет будить его.
Дверь скрипнула.

— Вставай, Петр Никитич, чай готов...
Ну, ну, не притворяйся.

— Опять выспаться не даешь...

Так каждый день начиналось утро.

— Уроки выучил?

Петя пробурчал:

— Выучил...

— А где ты вечером был! Опять на дворе?

Петя вскочил, как будто бы его дернуло
электрическим током. «Хотел в семь встать.
Дурак, осел! Проспал!..»

Как только мать вышла из комнаты, Петя
сунул под подушку руку и вытащил учебник
немецкого языка.

«Двусложные существительные женского
рода, женского рода, — твердил он, оде-
ваясь, — имеют во множественном числе окон-
чание n или en: Die Klasse — die Klassen...
Die Klasse — die Klassen...»

«А еще глаголы!» На сердце у Пети стало
беспокойно. Он ничего не знал.

Вчера, возвращаясь от Саши, у ворот до-
ма он столкнулся с компанией мальчишек,
приятелей по двору. Мальчишки были старше
Пети. И Пете льстило, что они почти взрос-
лые, а его не гонят прочь, как мелюзгу.

Здесь же болтался и Гаврин. Гаврин жил в том же доме, где и Петя.

Вскоре компания отправилась «развлекаться» к телефону-автомату в булочную на угол. Денег на переговоры не требовалось, так как мальчишки знали особый секретный способ обходиться и без них. Мальчишка, по прозвищу «Рыжий конь», раз пять набирал один и тот же номер телефона и передавал трубку Пете. А Петя, так как голос у него еще был тонкий, похожий на девчонкин, спрашивал:

— Можно к телефону Зину?

Когда сердитый мужской голос отвечал:

— Зина больна. Я же вам говорил. Кто ее просит?

Петя, хихикая, пицал:

— Ее подруга, Матрена Пупсикова, — и вешал трубку.

Мальчишки глупо смеялись и хвалили Петю.

Наконец, Гаврин предложил позвонить старушке из их дома.

— Квартира двенадцать? — пробасил он. — Телефон работает? Сейчас будут чинить линию. Пожалуйста, замотайте ваш аппарат мокрой тряпкой. Необходимо для ремонта. Иначе не отвечаем за последствия.

Кончилось тем, что кассирша булочной позвала заведующего и вывела всю «компанию» на улицу.

Вечер же для немецкого языка был потерян.

— До звонка пятнадцать, — считал Петя, — потом перемена. Еще пять. Всего двадцать. Может, успею...

У большого сада Петя нагнал Аню Смирнову и Несвижского. Толстые и краснощекие, они удивительно подходили друг к другу.

— Что это ты летишь, как настеганный? — добродушно спросила Аня Смирнова.

— Надо — и лечу! — буркнул Петя. — Опять дразниться собираешься?

— Чего распетушился! Наверно, немецкий не выучил!

— А тебе какое дело?

— Не думаешь ли ты и сегодня кошачий концерт Анне Федоровне устроить. Эх, ты, заслуженный артист республики! — Аня презрительно передернула плечами.

Немедленно Несвижский подлил масла в огонь.

— Печковский местного значенья!

— А вот Анна Федоровна и не подумает меня спрашивать! — вызывающе сказал Петя, хотя сам не представлял, почему бы так могло случиться.

Аня вытаращила глаза:

— Не подумает?

— Не подумает!

Счастливая мысль озарила Петю. Глаза у него лукаво заблестели.

— Держу пари! — он протянул Ане руку. — Не спросит сегодня. Ставлю три стакана семечек.

— Как бы не так! — Аня отвела руки за спину. — Нужны мне твои семечки... Сам ешь!

Несвижский тотчас сообразил, что, пожалуй, держать пари с Соболевым дело выгодное, но осторожности ради он спросил:

— Соболев! А с урока ты не удерешь?

— Честно, не удеру.

— А на что спорим? Ставишь вечное пари? — осведомился Несвижский.

— Идет! А ты что?

— Я? — Несвижский задумался. Как бы не прогадать! — Хочешь толстую тетрадь?

— Больно хитрый! Поставь-ка лучше свисток...

Свисток у Несвижского был костяной на медной цепочке и вполне мог пригодиться для обучения Рама.

Несвижский возмутился:

— Не жирно ли будет?

— Жирно? Что, моя ручка хуже? — Петя вытащил из портфеля пеструю зеленую ручку. — Даю два запасных пера в придачу.

— Ну, по рукам! Разними, Аня.

Аня со всей силы ударила спорщиков по рукам ребром ладони.

— Полегче не могла!

В это время чей-то голос сзади окликнул:

— Петя! Подожди!

Жмурясь на ярком сентябрьском солнце, у парадной стоял Саша. Он только что вышел из дому.

Воспоминание о вчерашней откровенности неприятно кольнуло Петю. «Может быть, я зря рассказал об отце? Вот чепуха!» — упрекнул он себя и побежал навстречу Саше.

— Нового дружка завел! — недовольным тоном сказал Несвижский. — Пошли, Аня, чего их ждать! В школу еще опоздаем...

Петя немедленно посвятил Сашу в свое пари с Несвижским.

— Понимаешь, я обязательно должен выиграть. Я им покажу, какой я Печковский! — Петя погрозил кулаком.

Маленькая девочка, шедшая навстречу, приняла угрозу на свой счет и шархнула в сторону.

— Проходи, проходи, пигалица! Я не тебя! — снисходительно заметил Петя.

Саша недоумевал:

— Как же ты устроишь, чтобы Анна Федоровна тебя не вызвала?

Петин план был донельзя прост. Как только Анна Федоровна явится на урок, он ловко «заведет» ее, то есть начнет задавать каверз-

ные вопросы о немецком языке. Пол-урока Анна Федоровна будет отвечать на них. А потом ей некогда будет спрашивать: придется объяснять дальше по программе.

— Ты помоги мне вопросы потруднее придумать. Ребята я живо подговорю. Мешать они не будут...

Петя мигом забыл, что главной и корыстной причиной в желании «сорвать» немецкий было, в сущности, то, что он не приготовил урока. Теперь он был захвачен одной мыслью: как он надует Несвижского и выиграет пари.

Мальчики помчались в класс.

2

Как только близорукий преподаватель геометрии подходил к доске, чтобы объяснить теорему, Петя быстро менялся местами с соседями. Пока геометр вычерчивал треугольники и окружности (издали казалось, что он водит по доске не мелом, а носом), Петя нашептывал на чужих партах о своем пари с Несвижским.

Первым решил поддержать Петю Гаврин. Для Гаврина любой скандалчик в классе был лучшим развлечением в жизни. Вторым неожиданно согласился старательный Морозов. Вечером у Морозова болели зубы, и немецкий он не выучил.

К концу урока мальчики были «обработаны».

Пока Петя путешествовал по партам, Саша придумывал «хитрые» вопросы для Анны Федоровны. За сорок минут он составил вопросник в двенадцать пунктов.

Главное было сделано, оставалось уговорить на перемене девочек.

— Теперь твоя очередь, — заявил Петя Саше. — Девчонки знают, что я бузотер. Испугаются. Ты их лучше сагитируешь. Они думают, что ты «тихоня». Раз тихоня уговаривает — значит, ничего страшного. Сперва ты Тамару Бесперчую обработай. Она Несвижского терпеть не может, и ее все девчонки уважают.

Саша смутился. Она же «цадой» его назвала. Но отступить было поздно. Петя подумает, что он трусит.

Тамара оказалась не такой уж несговорчивой. Что, она хуже мальчишек? Испугается? Ничего подобного. Проучить Несвижского стоит. Ну, и вид же у него будет, когда ему придется отдавать свисток!.. Девочек она уговорит.

Несвижский, заподозрив неладное, приставал ко всем с расспросами, но в ответ все только хихикали. Наконец, Гаврин пригрозил Несвижскому:

— Не приставай, а то отколочу.

Кулаки у Гаврина были тяжелые, и Несвижский поспешил убраться подальше.

— Очистите класс! — вдруг заорал Гаврин. — Надо проветрить.

В этот день Гаврин был дежурным.

Как только класс опустел, Гаврин бросился в угол, где стоял человеческий скелет, принесенный для урока анатомии. Он привязал к железному стержню, на котором держался костяк, длинную веревку и протянул ее к своей парте. Веревку Гаврин уложил вдоль стены так, чтобы она была не заметна.

Раздался звонок.

Шумя и толкаясь, пятиклассники расселись по местам.

— Ну и штучку я приготовил! — шепнул Гаврин Пете. — Пальчики оближете! — И шмыгнул в коридор.

— Тихе! Анна Федоровна идет! — сейчас же оповестил он.

Тридцать человек ребят смирно сидели за партами в надежде повеселиться.

— Здравствуй! — сказала Анна Федоровна.

— Здравствуй! — необычайно дружно ответил класс.

Как только Анна Федоровна положила на учительский столик портфель и раскрыла классный журнал, Петя поднял руку.

— Соболев, что ты хочешь спросить?

— Анна Федоровна, пожалуйста, скажите мне, сколько всего слов в немецком языке?

Анна Федоровна удивленно посмотрела на Петю. Вид у нее был усталый, под глазами темные круги.

— Около пятидесяти тысяч. Почему ты заинтересовался этим вопросом?

Петя бойко соврал:

— Я хотел узнать, сколько всего составит километров, если написать все немецкие слова подряд?

Несколько человек фыркнуло.

— Ш-ш-ш-ш! — зашикала Тамара Бесперчая. Гаврин поднял руку.

— А ты о чем хочешь узнать? — Анна Федоровна внимательно оглядела класс. Почему такая необычная тишина?

— Я хочу узнать, какое немецкое слово самое длинное? — ухмыляясь, спросил Гаврин.

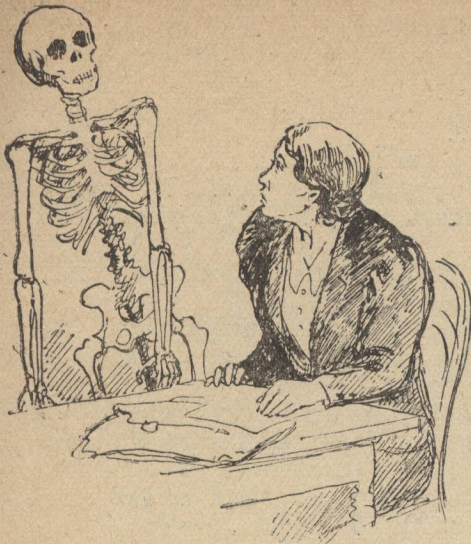
— Они нарочно вас спрашивают! — захныкал Несвижский, только что узнавший о заговоре против него. Аня Смирнова, соседка Несвижского, не выдержала и проболталась.

— Не нарочно! Несвижский врет! Нам интересно! — раздалось с разных концов класса.

— Не кричите все вместе! — в голосе Анны Федоровны послышалось раздражение.

Но веселье уже овладело классом. Лица у всех сияли самыми милыми улыбками.

Скелет двигался на Анну Федоровну.

— Во сколько часов можно выговорить пятьдесят тысяч слов?

— Есть ли в немецком языке слова с тремя «е» на конце, как в русском слове: длинношнее?

— А почему кучер по-немецки тоже кучер?

— Как по-немецки дурак? — заглушая всех, выкрикнул Гаврин.

— Я же говорил, что они нарочно! — опять захныкал Несвижский.

Анна Федоровна встала.

За ее спиной что-то зашуршало. Анна Федоровна оглянулась.

Из-за шкафа прямо на нее рывками двигался скелет.

Гаврин, захлебываясь от смеха, тянул его за веревку.

Все завyli от восторга. Несвижский, и тот не отставал от других.

— Прекратите безобразие! — срывающимся от волнения голосом крикнула Анна Федоровна.

Скелет продолжал двигаться. Потом он нагнулся и с грохотом упал на пол.

В классе наступила тишина.

Все увидели, как Анна Федоровна закрыла глаза руками и заплакала. Плакала она беззвучно, вздрагивая плечами.

— Урок окончен. Можете идти домой, — не отрывая рук от лица и сдерживая рыдания, едва слышно сказала Анна Федоровна.

Тридцать человек, не подымая глаз, молчали.

Анна Федоровна взяла портфель и вышла из класса.

— Пошла жаловаться! — стараясь за развязностью скрыть смущение, заявил Гаврин.

— Дурак! — со злобой крикнул Петя.

Саше не спалось. Он встал, приоткрыл дверь в прихожую и позвал шопотом:

— Рам! Рам!

Собака, стуча когтями по полу, подошла к Саше. Он погладил ее.

— Ну, иди, иди.

Пес лизнул Сашину руку и ушел. Было слышно, как он возился в темной прихожей, устраиваясь на подстилке. Саша опять лег. Закрыв глаза. Непокорно задремал... «Она, совсем как мама, плакала, также тихо... Гаврин — подлец. Мы сами — дураки. Затеяли чепуху...»

Собака твякнула.

— Филимоновна! Ужинать не буду. Устал. Софья Ильинична спит? — сквозь сон услышал Саша голос отца.

Дверь в соседнюю комнату пискнула.

— Соня! Еще работаешь?

— Почему так поздно?

— Дежурил у лейтенанта, раненного на границе перебежчиками. Положение тяжелое. Вчера извлек у него три пули: две из брюшной полости.

Саша прислушался. «Почему пули?»

— А как он сейчас себя чувствует? — спросила мать.

— Если не будет воспаления брюшины, все в порядке.

— Родные в Ленинграде?

— Да. Мать. Она сейчас в больнице, очень милая. Удивительно мужественно держится. Я ей так сказал: «Вы, товарищ Карташева, сами герой».

Саша надел на босую ногу ботинки, накинул одеяло.

«Карташева... Неужели она?»

— Ее фамилия Карташева? — неожиданно появляясь в дверях отцовского кабинета, переспросил он.

— Ты почему не спишь? — сердито сказал отец.

— Она преподает немецкий?

Отец потер щеку ладонью, — он всегда делал так, когда был чем-нибудь удивлен.

— Ну да... немецкий...

— Что мы наделали! — сказал Саша. — У нее умирает... А мы...

В два часа ночи Саша уснул тревожным сном.

«Третий, четвертый, пятый... А вдруг он уже ушел?» Саша перевел дыхание. Здесь. Квартира тридцать два.

— Петя Соболев дома?

Молодая женщина в белом берете открыла Саше дверь.

— Дома. А ты не Саша Василевский?

— Саша.

— Входи, пожалуйста.

Из комнаты Соболевых слышался голос Пети:

— Ich habe, du hast, er hat...

Петя учил немецкий. Одновременно мальчики сказали:

— У Анны Федоровны есть сын. Он ранен... Он пограничник...

— Ты знаешь? — Саша был поражен, а в глубине души разочарован. — Откуда?

Петя взглянул на мать.

— Мама в этой больнице сестрой работает.

— В какой больнице?

— Да напротив.

— Ну да, напротив. Я только что с дежурства. Дежурила у Карташева всю ночь, — подтвердила Екатерина Петровна.

— А как он? — со страхом спросил Саша.

— Он спит. Анна Федоровна в шесть утра домой ушла, — торопливо сообщил Петя, боясь, что мать перебьет его.

— Ни за что не хочет пропустить уроков. Как я ее ни уговаривала, — сказала Петина мама. — Обязательно, — говорит, — надо сегодня быть в школе. У меня вчера неприятность в одном классе вышла. Трудный класс попался. — Нет, вы только подумайте, мальчики, какой замечательный сын у Анны Федоровны! — сказала Екатерина Петровна восхищенно. — Тяжело раненный, он сперва сделал перевязку бойцу, вдвоем с которым они уничтожили пятерых перебежчиков, а потом уже вспомнил о себе... И сегодня ночью после операции ни разу не застонал. Стиснет зубы и молчит. Как будто из железа сделан.

Петя взволнованно слушал мать.

— Да вы в школу не опоздайте! — спохватилась вдруг Екатерина Петровна.

— Пойдем, Саша.

Петя быстро закинул в портфельчик тетради и книжки.

Выйдя на улицу, мальчики побежали что есть силы к школе.

— Нужно всем сказать, какой я дурак, — бормотал на ходу Петя. — Я еще вечером понял... Гаврин скелет придумал... А она даже маме ничего не сказала.

Торопливо сняв в раздевалке пальто, мальчики бросились в класс. Класс был пуст. Слишком рано.

Стрелка на часах в коридоре едва двинулась, минуты тянулись томительно.

Первой пришла Тамара Бесперчая. Узнав ужасную новость, она, как бывает многим свойственно, забыла, что вчера вместе с дру-

гими принимала участие в «бузе». Тамара принялась грозно обличать Петю.

— Говорила тебе, Соболев, говорила. Вот что теперь вышло. Выдумал какую глупость...

Тамара всхлинула.

— Распустила нюни... Ты лучше скажи, что делать теперь. Сейчас урок Анны Федоровны.

— Делать, делать! Сам придумай!

— Да не реви ты!

— Ясно что. Извиниться надо.

— Сам знаю, — буркнул Петя. — А как извиняться?

Но добиться от Тамары ответа было нельзя. Она без толку суетилась и ругала Петю.

Один за другим являлись пятиклассники. Они требовали все новых и новых подробностей.

Одни ахали, жалели Анну Федоровну, предлагали сейчас же собрать деньги и послать лейтенанту апельсинов. Другие предлагали послать не апельсины, а цветы. Третьи — написать письмо. Аня Смирнова предложила по очереди дежурить в больнице...

Толстый Несвижский приставал к Пете с расспросами:

— Где это случилось? Сколько было перебежчиков? Был ли у лейтенанта наган?

Петя собрался было обстоятельно ответить на все вопросы, но девочки велели ему умолкнуть.

— Опять наврешь с три короба!

За справками они предпочитали обращаться к Саше.

Саша был полон гордости. Ведь его папа, а не кто другой, оперировал лейтенанта. Давая справки, он больше не испытывал чувства смущения и неловкости. Наоборот, настроение у него было приподнятое.

— Я предлагаю дать Анне Федоровне обещание учить немецкий на «отлично», — предложил он.

— Согласны! — закричали кругом.

— Пограничников я уважаю! — вдруг выпалил Гаврин.

— Помолчал бы лучше, — накинулся на него Петя. — Не в пограничниках дело. Вот осел!

Гаврин смущенно умолк.

Прозвучал звонок. Шум в классе прекратился.

Тридцать человек смирно сидели за партами, с тревогой поглядывая на дверь. Поскорей бы! А вдруг не придет? Лейтенанту стало хуже?

Анна Федоровна вошла в класс.

Класс поднялся. Почему так тихо? Неужели опять шалость? Нет, не похоже.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответил дружный хор.

— Что же вы не садитесь?

Все продолжали стоять.

Петя поднял руку.

— Соболев, что ты хочешь сказать?

Петя мотнул головой и запинаясь начал:

— Анна Федоровна! Мы просим за все прощения... За все... За все... вчера...
нее... Мы больше не будем...

Голос у Пети сорвался на писк.

Но никто не шелохнулся. Никто не улыбался.

— Это я все придумал... Я пари держал...

Анна Федоровна улыбнулась. Улыбка у нее была какая-то грустная.

— Пожалуйста, передайте привет вашему сыну... Мы теперь будем учить немецкий на «отлично»...

— Мы пятьдесят тысяч слов выучим! — крикнул Гаврин.

— Вот и хорошо, мои дорогие! — сказала Анна Федоровна.

Саша почувствовал, как на душе у него стало легко. «Не подарить ли Рама лейтенанту?» — подумал он. Сейчас же он утешил себя: «Наверно, у лейтенанта есть собака лучше моей».

— Закключаем мир навеки? — спросила Анна Федоровна.

— Навеки! — подхватил класс.

5

Лейтенант поправлялся. Опасность воспаления брюшины миновала. Операция была сделана превосходно.

Между Петей и Сашей шло соревнование: кто первый расскажет утром в классе новости о лейтенанте.

Мальчики иногда даже ссорились.

— Я скажу! Я скажу!

— Нет, я! — кипятился Петя.

Но Саша каждый раз одерживал верх. Его сведения были самые точные и самые научные.

Как же, ведь его папа — хирург. Хирург должен лучше знать, как поправляется лейтенант. К тому же Петя непременно приврет, — решил класс.

Популярность Саши росла с каждым днем. И он сам чувствовал себя самым главным в классе. Петя отошел на второй план. Теперь на переменах слушатели собирались не вокруг Пети, а вокруг Саши. Петя героически переносил потерю своей популярности. Он знал, что настанет день, когда он вернет свое первенство.

Этот день, наконец, настал.

Отец Саши, Сергей Дмитриевич, перестал бывать в больнице, где лежал лейтенант. В этом не было больше необходимости, а профессор был слишком занят другой работой у себя в институте.

Как Саша ни сердился на отца и как он ни умолял его еще раз зайти к лейтенанту или просто позвонить в больницу, отец был непреклонен:

— Пойми ты, пожалуйста. Теперь больной не нуждается во мне. Его лечат другие врачи.

Саша смирился. Петя восторжествовал над другом. Он задумал даже навестить лично лейтенанта.

— Мама! Попроси, чтобы меня пустили к нему, — приставал он к Екатерине Петровне.

— Нет, нельзя. В городе грипп. В хирургическое отделение можно занести инфекцию. Анна Федоровна, и та не ходит к сыну.

— А какой у него вид?

Екатерина Петровна умоляла Петю отстать от нее.

— Какой вид? Обыкновенный человеческий.

— Мама! А тебе нравится лейтенант? — продолжал он приставать к матери.

Екатерина Петровна сердито отвечала:

— Да не трещи ты, как сверчок. Голова от тебя болит.

— А ты все-таки скажи! — не унимался Петя.

— Ну, нравится!

Однажды, придя вечером с дежурства, она сказала:

— Послезавтра лейтенант выписывается. Обещает прийти к вам в школу. Расскажет о пограничниках. Можешь своим товарищам сообщить.

— Мама! Пригласи его к нам в гости. Пожалуйста, пригласи! — снова пристал Петя к Екатерине Петровне. — Ну что тебе стоит!

— Хорошо, позову! — ответила Екатерина Петровна.

Следующий день был выходной. С раннего утра, как только Екатерина Петровна ушла на дежурство, Петя принялся убирать комнату. «Вдруг мама и в самом деле пригласит лейтенанта в гости». Он привел в порядок книги на этажерке, сунул в стол растрепанный учебник немецкого языка, отточил карандаши и поставил их в граненый стаканчик. Сменил на своем столе бумагу и даже повесил на стенку, там, где было грязное пятно, карту Южной Америки, предварительно вырвав ее из учебника географии.

Он с удовлетворением оглядел комнату и отправился к Саше рассказать новости и заняться обучением Рама. За последнее время воспитание собаки было заброшено.

— Сидеть!
 — Пост!
 — Апорт! — кричали наперебой мальчишки. Овчарка с лаем металась по Сашиной комнате.

На полу валялись диванные подушки, какие-то палки, волейбольный мяч, растерзанное чучело белки.

Пух и перья носились в воздухе.

Саша, красный, взъерошенный, прыгал на диване, одетый в материнский купальный халат. С ожесточением он отбивался от Рама и Пети, изображавших храброго пограничника и знаменитого Джульбарса.

Дверь приоткрылась. Филимоновна обрушилась на мальчиков.

— Оглашенные! Прости меня, господи. Да что вы тут сотворили?..

Сердитый окрик Филимоновны привел мальчиков в чувство.

— Понимаете, Филимоновна, мы должны показать Рама лейтенанту. Он завтра выписывается. Нельзя же неученую собаку представить пограничнику, — объяснял Саша.

Тяжело дыша, мальчики начали приводить в порядок комнату и закидывать под диван весь реквизит, служащий для обучения Рама высшим тайнам собачьей науки.

— И что это Сергей Дмитрич не идет, — вздохнула старушка. — Обед готов. Хоть бы раз все вместе пообедали.

Мальчики и собака взгромоздились на окно. Из окна была видна улица и больничный сад.

— Как только папа подойдет к дому, мы дадим вам, Филимоновна, сигнал. Наливайте тогда суп, — сказал Саша.

Минут через пять мальчики увидели, как из больничного подъезда вышел военный.

Рам заметался и отрывисто залаял.

— Да что ты?

Рам продолжал лаять.

Военный сел в автомобиль и уехал. Сергей Дмитриевич все не шел. Он вернулся, когда обед подходил к концу.

— Укатил ваш лейтенант, — сказал он, раздеваясь в прихожей. — Приезжал ко мне в институт прощаться. Очень спешил. Вечером, говорит, выезжаю в Москву, вызвал нарком. А надо еще к маме заехать.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — Петя был в отчаянии. — Так это мы его видели в саду!

Поздно вечером Петя опять пристал к матери с расспросами о лейтенанте.

— Раз вызвали — значит, надо, — сказала Екатерина Петровна и перевела разговор на другую тему.

Петя рассказывал Саше новости.

Через два дня в газетах было опубликовано, что указом Верховного Совета СССР старший лейтенант Карташев Николай Николаевич награждается боевым орденом Красная Звезда «за геройство, проявленное при защите границы».

Анна Федоровна сообщила классу, что лейтенант уехал из Москвы отдыхать на Кавказ. В Ленинград он вернется месяца через два-три.

Петя долго строил планы, как он тоже поедет на Кавказ и там встретится с лейтенантом. Но как поехать? Где взять деньги? Несовершеннолетних не принимают. Остался один путь — выиграть путешествие на Кавказ в лотерею Осоавиахима.

Поспешно Петя приобрел себе билет. Но розыгрыш кончился, а Петя ничего не выиграл.

Последняя надежда рухнула. Зато он мог вволю мечтать о тех разговорах, которые он будет вести с лейтенантом, когда тот вернется с Кавказа. Петя придумывал тысячи вопросов. Он даже отвечал за лейтенанта и спорил с ним.

ОГНАМ РАМАТ

1

Со времени этих событий прошло два месяца.

Мокрый снег падал за окном. В больничном саду было пусто. Одинокая ворона и несколько воробьев прыгали под окнами больничного корпуса, подбирая хлебные крошки, выброшенные большими.

Воробьиная стайка испуганно взлетала на деревья, как только ворона приближалась к полю их действия. Ворона нагнала. Едва воробья слетали вниз, она опять вспугивала их.

Саша поспешно надел пальто и шапку.

— Пошли, Рам!

За два месяца Рам из большого щенка превратился в почти взрослую собаку. Но воспитание его было далеко не закончено: прежде чем пес последовал за хозяином, и ворона и воробьи улетели.

— Ну, и сиди дома! Прозевал охоту! — раздосадованно крикнул Саша на Рама и взглянул на часы: — Десять минут одиннадцатого. Успею еще до отъезда сходить к Пете.

Саша сунул в карман красную записную книжку и отправился.

В этот день пятый класс уезжал в зимний лагерь на каникулы. Вместе с классом уезжала и Анна Федоровна. Теперь она была воспитательницей пятого класса. Многие изменилось с того дня, когда Петя держал свое глупое пари. Забота класса о здоровье лейтенанта сблизила ребят с Анной Федоровной. Теперь пятиклассники не могли себе даже представить, что еще совсем недавно Анна Федоровна была для них чужим, посторонним человеком, преподавателем, который учил их немецкому языку и о котором они вспоминали только в те минуты, когда должны были учить этот самый немецкий язык.

Когда Саша пришел к Соболевым, у них кончалась утренняя уборка. Петя, вооруженный щеткой, мел в комнате пол. Екатерина Петровна в синем, выцветшем халате гладила Петину рубашку. Догладив, ушла на кухню.

— Ты принес? — спросил Петя.

Саша вытащил из кармана красную записную книжку и листочек.

— Прочти!

Вполголоса Петя прочел листок и одобрительно щелкнул языком:

— Здорово! Давай перепишем.

Но в это время Екатерина Петровна вошла в комнату. Саша торопливо сунул книжку и листок в карман.

— Потом, в поезде! — шепнул он многозначительно.

— Пора собираться, ребятки, — сказала Петина мама. — Ты, Сашенька, иди домой за Рамом. Не забудь надеть на него намордник. Подожди нас на улице...

Рам ехал в лагерь. После долгих просьб пятого класса Анна Федоровна разрешила взять собаку с собой.

2

В вагоне было шумно и весело. То и дело открывалась дверь и вместе с облаком морозного воздуха появлялся новый пассажир. Пришел Гаврин в только что купленной меховой ушанке. Так как долго никто не обращал внимания на обновку, Гаврин сказал:

— Папаша подарил за успехи по немецкому.

Несвижский сейчас же оборвал его:

— Подумаешь — успехи! Получил раз в жизни удочку, а расхвастался, как будто в Артек едешь...

Анна Федоровна, в беличьей серой жакетке и такой же круглой шапочке, то и дело выбегала на платформу посмотреть, не идут ли Саша и Петя.

До отхода поезда оставалось пять минут:

Анна Федоровна опять вышла на площадку.

— Опоздали, как миленькие! — злорадно заметил Несвижский, жуя ириску.

На него накинулась Тамара Бесперчая:

— А ты и рад чужой беде. Сам в этом месяце два раза в школу опоздал.

— У нас часы отставали...

— Часы отставали... — передразнила Тамара. — Проспал, наверное.

— Нет, не проспал.

— Проспал.

— А я говорю — не проспал...

В это время Вася Морозов, прильнувший к начинающему замерзать окошку, крикнул:

— Соболев и Василевский пришли!

Тамара ехидно сказала:

— Ну, что? Опоздали? — И показала Несвижскому нос.

Запыхавшись, Петя и Саша влезли на площадку, таща за собой овчарку.

Екатерина Петровна, тоже запыхавшаяся, о чем-то спрашивала Анну Федоровну, подталкивая Рама.

Поезд дрогнул. Проводник сердито заворчал на Екатерину Петровну:

— Отойдите, гражданка, от вагона.

Екатерина Петровна мелкими шагами быстро шла рядом с вагоном. Потом она начала отставать.

Проводник захлопнул дверь.

Все громче стучали колеса. В последний раз мелькнула рука Екатерины Петровны в яркой деревенской varejke.

— Идите, идите в вагон! — заторопила Анна Федоровна мальчиков. — Простудитесь на площадке. Почему так поздно?

Усевшись на скамейку, мальчики, перебивая друг друга, начали рассказывать о своем приключении.

— Пусть, пожалуйста, кто-нибудь один. А то вы, как Бобчинский и Добчинский, трещите! Ничего понять нельзя.

Скрепя сердце, — все-таки собака не его, — Петя уступил Саше право рассказа.

Оказалось, что как только они сели в трамвай, на второй же остановке Рам выскочил из вагона. С лаем он помчался за похоронной процессией. Хорошо, что Петя во-время схва-

тил собаку. Как нарочно, под самым носом ушел и следующий трамвай. Пришлось долго ждать.

Взглянув на собаку, Анна Федоровна не совсем уверенно сказала:

— Кажется, овчарка! Конечно, овчарка! — повторила она.

— Что вы говорите? — спросил Саша, думая, что из-за шума в вагоне он не расслышал конца фразы.

— Я вспоминала, какая собака пропала этим летом у сына, — ответила Анна Федоровна. — Мне казалось, что эрдель-терьер, а взглянув на Рама, я вспомнила, что не эрдель, а овчарка. Сын рассказывал, что он купил щенка на выставке. Месяца через два его у него украли.

— Где его украли? — спросил Петя с живейшим любопытством.

— Кажется, на пляже, когда Николай Николаевич купался. Он даже подозревал одного старика.

В глазах у Пети появился особый блеск, который всегда служил предвестником того, что Петю посетила новая, блестящая идея.

— А как звали овчарку?

— Не знаю. Сын не писал мне.

Петя потянул Сашу за рукав.

— Пойдем! Я тебе скажу что-то, — шепнул он.

— Опять секреты разведут! — недовольно сказала Тамара. — Вечно шепчутся по закоулкам.

В последнее время на каждой перемене Петя и Саша забирались за шкаф в школьном коридоре и там таинственно обсуждали свои дела.

О чем они разговаривали за шкафом, никто в классе не знал. Однажды только Несвижский подсмотрел, как Саша и Петя разглядывают красную записную книжку.

Мальчики прошли в противоположный конец вагона. В отделении сидела всего одна пассажирка в старомодной бархатной шляпке, с чемоданчиком и плетеной кошелкой.

— Ты, Саша, говорил, что Рама привела в институт какая-то женщина. Женщина сказала, что старик, хозяин собаки, умер?

— Ну да! — не догадываясь, к чему клонит Петя, подтвердил Саша.

Петя сделал большие глаза и сказал:

— Наврала! Да неужели ты не понимаешь?

— Что? Что?

— Понимаешь! Ведь Рама это и есть пропавшая собака лейтенанта. Ее украли у лейтенанта старик, а его жена продала Рама в институт. Старик крадет собак. Жена продает. Факт.

Саша растерянно посмотрел на друга. Неужели правда? Нет, чепуха. Опять Петька чушь придумал.

— А вдруг это не та собака? — усомнился он, хотя в душе был бы рад, если бы Петина догадка оказалась верной. Ведь как здорово они удивили бы всех!

— Обязательно та. Анна же Федоровна сказала, что лейтенант подозревает старика.

Саша все еще не верил. Мало ли стариков на свете? Он готов был посмеяться над Петей. «Увидит лейтенант Рама и скажет: — А вот, голубчики, вы и ошиблись. — Получится конфуз...»

И вдруг Саша вспомнил осенний сумрачный день. Он, Петя и Рама сидят на окне и ждут к обеду папу, Рама мечется и лает. Лаял?.. Ну да! Да! Рама залаял, когда увидел в большом саду лейтенанта... Пока лейтенант не сел в машину, Рама все время метался по окну... Ясно.

— Надо скорей Анне Федоровне сказать!

— Ты с ума сошел! Взять и сказать. Как бы не так! — Петя тотчас же изложил план дальнейших действий.

Лейтенант на днях возвращается с Кавказа. Они приготовят ему сюрприз. Никому, даже Анне Федоровне, они не должны говорить о своей тайне. Пусть все упадут в обморок, когда они вернут лейтенанту овчарку. Это — во-первых. Во-вторых, как только они приедут в лагерь, они сейчас же займутся всерьез обучением собаки. Лейтенант будет поражен знаниями овчарки.

Мальчики пошептались еще минут пять, потом вернулись к своим, внимательно осмотрели Рама со всех сторон и опять пришли на старое место.

Попрежнему в отделении никого не было, кроме старой женщины в бархатной шляпке.

Саша достал из кармана красную записную книжку и листочек.

— Начнем?

— Я буду диктовать, а ты пиши! — сказал Петя и передал Саше свое вечное перо.

За окном мелькали телеграфные столбы, полустанки, дачи на горюшке, промелькнул мост через замерзшую речку. Поезд постоял на станции, опять пошел. Мальчики все сидели, склонившись над записной книжкой.

Они не заметили, как Гаврин и Несвижский подкрались к ним.

Гаврин подмигнул Несвижскому и через высокую спинку скамьи заглянул в записную книжку, лежавшую у Пети на коленях. В вагоне был уже полумрак, и Гаврин, как он ни шурился, не мог разобрать ни слова. Тогда он пополз под скамейку. Едва не лопаюсь от смеха, Несвижский присел в проходе.

Одинокая пассажирка, увидев ноги Гаврина в больших валенках, торчащие из-под скамей-

ки, пододвинула к себе поближе чемоданчик и кошелку.

Несвижский не выдержал и фыркнул.

Петя и Саша оглянулись.

В тот же миг голова Гаврина в меховой ушанке вынырнула из-под скамьи около самых их ног. Гаврин протянул руку, схватил записную книжку и опять юркнул под скамью. Вагон сильно качнуло, и Гаврин уткнулся носом в пыльный холодный пол.

Петя схватил Гаврина за ноги и выволок из-под скамьи. Новая ушанка слетела с головы Гаврина.

— Саша! Держи его! — крикнул Петя и навалился на Гаврина. Тотчас же Саша схватил Гаврина за руку, в которой тот держал книжку.

— Несвижский! Помоги! — Гаврин барахтался, пытаясь сбросить с себя Петю.

Несвижский вскочил на Сашину спину, и вместе они рухнули на пол.

Маленький клочок бумаги, оторванный из записной книжки, полетел под скамейку.

Дверь из соседнего отделения открылась. Анна Федоровна, привлеченная шумом и криками, стояла на пороге.

Несвижский отошел в сторону и сделал вид будто он тут не при чем.

— Мальчишки! Позор какой!

Голос у Анны Федоровны был сердитый.

Мальчишки смущенно стояли перед Анной Федоровной.

— Я не дрался, — заискивающе сказал Несвижский. — Это Соболев напал на Гаврина.

— Да не ври ты! — Саша увидел, как Несвижский нагнулся и что-то поднял из-под скамейки.

— Как вам не стыдно. Сию же минуту помиритесь, — строго сказала Анна Федоровна. — На кого вы похожи?

У Пети была оторвана пуговица от пальто, с новой шапки Гаврина сыпались хлопья пыли.

— Не буду с ними мириться! — упрямо заявил Петя.

— Не хочешь и не надо! — огрызнулся Несвижский.

Поезд подходил к станции. Проводник объявил:

— Вам, гражданка педагог, выходить с детьми.

3

Сперва дорога от станции шла между дачами с заколоченными досками окнами, потом свернула в лесок, где ветви елей и сосен сгибались под тяжестью снега.

Анна Федоровна, раздумывая от мороза, оживленно разговаривала с пионервожатой, встретившей пятый класс на станции.

Петя и Саша шли позади всех. Саша с трудом сдерживал на поводке Рама, рвавшегося вперед.

— Соболев! Василевский! Не отставайте! — крикнула Анна Федоровна, окруженная девочками.

Мальчишки ускорили шаг.

Несвижский показал им язык и неестественно захохотал. Всю дорогу он подбегал то к одному, то к другому пятикласснику и что-то нашепывал им. Гаврин, как тень, ходил по пятам за Несвижским, неловко ступая большими отцовскими валенками.

Когда Саша и Петя догнали своих, Несвижский закривлялся и запел, как пели раньше татары-старьевщики на дворах:

— Халат! Халат! Огнам рамат! Огнам рамат!

Кругом все засмеялись.

Несвижский, дразнясь, повертел перед носом Саши клочком бумаги.

Саша едва удержался в снег. Так вот что он поднял в вагоне! Клочок из записной книжки, где они записывали...

— Я тебе покажу! — Петя грозно шагнул к Несвижскому. Несвижский спрятался за спину Гаврина.

— Огнам рамат! Огнам рамат! — продолжал он петь.

— Петя! Не дерись! — Саша схватил друга за руку.

Гаврин крикнул:

— Что, Огнам и Рамат, испугались?

Несколько девочек хихикнули. Одна Тамара Бесперчая вступилась:

— Ну, чего вы к ним пристали!

Остроносенький Вася Морозов, на всякий случай пустившись бежать, сказал:

— Да она влюблена в Василевского.

— Рам! Возьми его!

Овчарка кинулась за Морозовым.

— Ай, ай, ай! — пищал он, как мышь, барахтаясь по поясу в сугробе.

— В следующий раз не будешь!

Саша позвал собаку.

Вечером в лагере, возвращаясь из умывальни, Петя и Саша услышали, как мальчишки в спальне обсуждают вопрос, что такое Огнам рамат.

— Это имя и фамилия! — пробасил Гаврин.

— Ничего подобного! — ответил Морозов. — Рамат — это полное имя собаки Василевского.

— А Огнам ее фамилия, по-твоему?

— Эх, ты, капля! Вот я так знаю, — сказал Несвижский торжествуя.

Саша даже перестал дышать.

— Надо читать слова с конца в начало.

— Огнам — получается Манго! — воскликнул Гаврин, — то есть Манголия. Они хотят бежать в Манголию.

— Да не Манголия, а Монголия, — поправил Морозов.

— Ну и что же? — обиделся Гаврин. — Они сами ошибку сделали, а я верно говорил.

— Ой, осел! — злился Петя. — Я тебе дам ошибку!

— Манго — это поэма Пушкина, — предположил Морозов, хотя на самом деле поэма называется Монго и написал ее не Пушкин, а Лермонтов.

— Вовсе не поэма! — мрачно возразил Изя Друскин, лучший в классе знаток географии.

— А что же?

— Дерево. Растет в Азии.

— Марат? — неожиданно выпалил Гаврин. — Они убегут на Марат. Пересоставить буквы Рамат — получается Марат.

— По-твоему, они только и думают, куда бы им смыться? — съехидничал Несвижский. Несвижский сделал паузу.

— Рамат перевернуть — значит Тамар. Понимаете?.. Та-ма-ра.

— Бес-пер-чая... — в тон Несвижскому подхватил Морозов. — Я же вам говорил, что она влюблена в Василевского. А он в нее.

— Факт! — Гаврин глупо засмеялся.

Саша распахнул дверь в спальню.

Лежа в кроватях, мальчишки хохотали, дрыгая от восторга ногами.

— Дураки! Ломайте себе головы! Все равно не скажем! — Петя изо всех сил хлопнул дверью.

ИГРА НА МОРЕ

1

Был «мертвый час» после обеда. В комнате крепко спали. Несвижский во сне бормотал: «Ладно, ладно. Чего лезешь...»

Двенадцать кроватей стояли двумя рядами.

В соседней комнате девочки. Там тоже тишина.

Где-то внизу, на кухне, бренчат посудой.

Саша высунул голову из-под одеяла и чуть-чуть потянул за ногу Петю.

— Давай скорей, — прошептал он. — Наши проснутся...

Мальчики поспешно оделись.

— Бери простыню, Петя.

Петя снял с кровати простыню, свернул и спрятал под куртку на живот.

— Не заметно?

— Ничего. Сойдет.

— Ружье не забыть бы. — Саша надел через плечо самодельное ружье.

На цыпочках мальчики вышли из комнаты, спустились вниз.

В столовой у окна сидела Анна Федоровна и читала газету. Рам дремал подле печки.

— Куда вы? Почему не спите?

— Честное слово, выспались. Можно погулять с Рамом? Полчасика...

— Ты, Петя, не то вырос за эти дни, не то потолстел? — Анна Федоровна оглядела Петю с ног до головы.

— Поправился. Ем много. — Петя похлопал себя по животу.

— Ну, идите. Скоро чай пить будем. Не опоздайте.

— Рам! Рам!

Пригревшаяся у печки собака нехотя пошла за мальчиками.

В саду Петя и Саша устроили военный совет: где лучше играть — в лесу или на море.

— Ясно — на море. Подумаешь невидаль — лес! — авторитетно решил Петя.

Море, совсем не похожее зимой на море, начиналось за садом. Оно лежало под снегом — белое и ровное, как степь.

Иди, иди — конца ему не будет.

На всякий случай оглянувшись, не следит ли за ними кто, мальчики обогнули дачу и вышли из сада. Отойдя вдоль берега шагов двести, они двинулись прямо по морю.

— Ты будешь перебежчиком, — сказал Петя, — а я пограничником.

— Только не все время, — согласился Саша.

Подробности игры в «перебежчика и пограничника» были выработаны мальчиками заранее. Анна Федоровна сообщила им, что ждет сына со дня на день. Последнее письмо пришло уже из Москвы, где лейтенант остановился по делам. Поэтому Саша и Петя в ускоренном порядке заканчивали обучение Рама.

После ссоры с товарищами из-за Огнам рамат мальчики стали держаться особняком. Заметив это, Несвижский и Гаврин распустили среди девочек слух, что Саша влюблен в Тамару Бесперчую, а она в него. Когда Тамара разозлилась на сплетню, девочки окончательно уверились, что дыму без огня не бывает.

В конце концов Тамара, обиженная насмешками, боялась сказать Саше хоть слово. Опять-таки и этот факт был истолкован в пользу глупой сплетни: отводит другим глаза.

То и дело товарищи кричали мальчикам:

— Огнам и Рамат! Огнам и Рамат! Халат-халат!

Саша и Петя остались в одиночестве. Конечно, после долгого триумфа в классе осенью, когда лейтенант лежал в больнице, одиночество оскорбляло их. Но так как их

Простыня, как плащ, развевалась за его спиной.

головы были до отказа набиты разными тайнами и так как их тайны всех интересовали, то они мужественно и даже гордо переносили оскорбления по своему адресу.

Когда мальчики оказались далеко от берега, Саша надел поверх шапки и пальто простыню. Веревочкой Петя стянул простыню вокруг воротника.

— Ну, иди! Я отвернусь. Когда сосчитаю до полтысячи, буду искать.

Взяв Рама за поводок и поставив его мордой к берегу, Петя начал считать:

— Раз, два, три, четыре, пять...

Саша побежал. Простыня, как белый рыцарский плащ, развевалась за его спиной.

Метрах в сорока виднелась гладкая полоска льда. За льдом сугробы. Там он спрячется.

— ... Четыреста девяносто восемь. Четыреста девяносто девять. Пятьсот! — честно досчитал Петя и обернулся. Бр! Стоять на месте холодно.

Саши не было видно.

— Да вот же след! — На снегу были ясно видны следы Сашиних бурок.

Петя и Рам побежали по следу. Но вскоре след пропал. На ледяной глади ничего не видно.

— Ищи! Ищи!

Собака суетливо забегала. Потом, принюхавшись, помчалась к сугробам.

За большим сугробом на корточках сидел Саша, закутавшись в простыню. Он был едва заметен.

Завидя «пограничника» с собакой, он бросился бежать, ловко перескакивая через сугробы.

«Пограничник» отставал. «Ему что! Пальто короткое... А мне мама на рост сшила», — злился Петя.

— Стой! Стрелять буду! — Петя нацелился из ружья.

«Нарушитель» продолжал удирать.

«Пограничник» спустил собаку с поводка.

— Возьми его! Возьми!

Обрадованный Рам резво припустил за «перебежчиком». Догнал его, ухватил зубами за простыню.

— Ура! Наша взяла! — заорал Петя в восторге!

Прошло, должно быть, около часу с тех пор, как началась игра. Горизонт скрылся за серой, скучной мглой. Темные, распухшие тучи, казались, прижались к самой земле. Снежинки сперва робко, потом все смелее и сме-

лее закрутились над морем.

Друзья поменялись ролями. Петя стал «перебежчиком». Он подвернул злосчастное пальто, запихав полы за кушак, и сразу сделался похожим на извозчика в широкой поддевке.

Наконец, Петя был схвачен.

— Ой, как темно! Попадет нам от Анны Федоровны, — забеспокоился он. — Ну, пошли.

С решительным видом Петя двинулся вперед.

— Петя, нам в другую сторону. Берег там! — Саша показал в противоположную сторону. — Я хорошо помню.

Огней на берегу за густой пеленой снега не было видно.

— Нет, в ту!

— Нет, в эту!

Поспоров, Саша все же согласился идти туда, куда показывал Петя.

Мальчики пошли по ледяной площадке, запырошенной снегом.

— Тут должны быть наши следы, — заявил Петя.

Мальчики присмотрелись. Следов на сугробах не было. Значит, дальше. Они шли еще минуты три. Опять ничего нет. Снег здесь лежал ровно. Сугробы кончились. Мальчики напряженно вглядывались в даль. Ничего не видно.

— Петя! И так к чаю здорово опоздали. Давай поворачивать. Говорил я тебе, что в ту сторону.

Беспокойство овладело ими. Что они скажут Анне Федоровне? Пошли на полчаса, а сами застряли. Да еще наврали ей, что идут с Рамом прогуляться. Им было жарко и неудобно в тяжелых ватных пальто. Ноги глупо проваливались в снег.

Вскоре мальчики опять остановились. Ошиблись. Если бы берег был в этой стороне, они уже вышли бы к нему.

— Эх! Вот был бы у нас компас! — вздохнул Петя. — Тогда не заблудились бы...

Щеки пощипывал мороз. Тело остывало все больше и больше. Поднявшийся ветер швырял колочий снег прямо в лицо.

Тревога мальчиков росла.

— Ты не боишься?

— Я-то? — бодро ответил Саша. — Ничуточки.

Рам покорно бежал рядом.

Мальчики шли и шли. Сколько они прошли, они не знали. Может быть, три километра, может быть, пять...

Ветер свистит в ушах, вздымая облака снежной пыли. Мороз забирается под пальто, стынет спина. Ноют от холода руки, уши, нос...

Петя молчал. Его одолевали невеселые мысли. Вдруг они замерзнут? Он никогда-никогда не увидит ни своей квартиры, ни школы, ни больничного сада. Ничего... Даже Несвижского.

Он ясно вспомнил, как мама в белом берете стоит на платформе и машет ему, Саше и Анне Федоровне. Потом мама исчезла. Осталась только ее рука в яркой деревенской варежке.

Саша тоже молчал. Петя понял, что и Саша думает о доме.

— Нас ищут! — убежденно сказал он. — Мы же не вернулись к чаю.

— Они уже ужинают, — мрачно ответил Саша. — Несвижский и Гаврин ругают нас. Морозов поддакивает. Девчонки охают.

— Не ужинают, а нас ищут!

— Давай сожжем простыню! — предложил он. — Может, нас заметят.

— Ну да! Анна Федоровна за нее отвечать будет.

— Ну, рубашки!

— Рубашки фук! — И готово.

Опять они шли. Ни огонька, ни следа. Темнота, снег, ветер.

Мальчики останавливались, совещались, в который раз приказывали собаке:

— Ищи, Рам! Ищи!

Собака скрывалась в белой мгле, возвращалась и беспомощно вертелась у их ног.

— Дай голос! — просил Саша.

Рам послушно лаял густым басом.

— Ау! — кричали мальчики. Никто не отзывался.

— Вот если бы у нас была настоящая винтовка! Мы бабахнули бы... — Петя со злобой отшвырнул самодельное ружье. — Нужно оно нам...

Снег, снег, ветер...

Им казалось, что этому никогда не будет конца. Страх, который они до сих пор стара-

— Как холодно... Холодно, — бормотал Саша.

лись скрывать друг от друга, они больше не скрывали. Так было легче.

— Как холодно... Холодно, — бормотал Саша.

Вдруг он сел на снег.

— Я не пойду дальше. Все равно... — упрямо сказал он.

— Идем, Сашенька, идем. Ну, немножко, Сашенька... — просил Петя ласково. Так ласково он никогда не говорил с Сашей, да и считал бы стыдным для мальчика. Сейчас он не думал об этом.

У Саши стучали зубы и слезы навертывались на глаза. Он попрежнему сидел на снегу.

— Идем! Я тебе говорю! — нарочно сердито крикнул Петя и потащил товарища за рукав.

Размазывая по лицу слезы, Саша покорно поплелся за Петей.

2

Енезапно снег перестал итти. Ветер стих. Под ногами было твердое ледяное поле, на несколько сантиметров прикрытое только что выпавшим снегом. Влево и вправо, как заборы, тянулись торосы. Мальчики даже не пытались перелезть через них. Еле волоча ноги, они шли по гладкой улице, недавно проложенной среди моря ледоколом и схваченной морозом.

Мертвая, слепая тишина.

Пугаясь тишины, мальчики громко разговаривали. Саше казалось, что все это происхо-

дит с ними не на самом деле, а во сне. Нужно только закрыть глаза — и исчезнет снег, холод. Опять будешь дома...

Тучи уходили куда-то вправо. Сквозь разрывы облаков то показывалась, то исчезала луна. Небо прояснялось. Замерцали звезды. Белая снежная степь стала голубой.

Рам бросился в сторону. Вернулся, побежал в другую принохиваясь.

На пороше ясно виднелись следы чьих-то больших ног...

— Сашенька! Следы!

Следов было много. Здесь недавно прошло несколько человек.

Овчарка, низко наклонив голову, носилась вокруг мальчиков, обнюхивая следы.

Наконец, она помчалась к ледяному барьеру, вскарабкалась на него, спрыгнула по ту сторону и побежала по снежной целине.

Мальчики перелезли через торос и, проваливаясь по колени в снег, пошли за собакой.

На сверкающем при лунном свете снегу тянулись длинные узкие полоски от лыж. Две, четыре, шесть... Потом опять две. Лыжники шли гуськом, след в след. Должно быть, людей прошло много.

Надежда и силы вернулись к мальчикам.

Они бодро шагали по лыжному следу. Рам, поминутно принохиваясь, бежал впереди мальчиков.

Вдруг собака остановилась, начала разгребать лапами снег.

Что такое? Мальчики подбежали к собаке.

Под снегом лежала лодка, вмерзшая в лед. Нос лодки был сильно расщеплен. Видно, буря долго била ее о прибрежные камни.

На треснутом дереве виднелись какие-то буквы.

— Елма, — напрягая зрение, с трудом прочел Петя. — Так нашу молочницу зовут, — сказал он.

— Ну, пошли, пошли, — торопил Саша.

Минут через десять далеко-далеко мелькнул одинокий огонек. Берег!

Рам залаял, бросился вперед.

— Рам! Рам!

Собака продолжала бегать.

Неожиданно Саша подумал:

«Почему на лодке нерусское имя? Елма? Да здесь же близко граница. Как я раньше не вспомнил. Может быть, мы уже перешли границу? Нас схватят... Будут допрашивать. Сказать Пете или не сказать?»

Рам опять залаял. Ему ответил другой лай. Саша остановился.

— Петя! А вдруг там чужая страна? Вдруг мы перешли границу?..

Испуганно Петя посмотрел на друга.

— Перешли границу?..

Шагах в сорока от них из-за сугроба показались четыре лыжника в коротких полушубках, с винтовками за плечами. Они мчались навстречу мальчикам...

НОВЫЙ ГОД

1

В комнате тепло и уютно. На стенах карты. Тикают часы на этажерке. Суконные темно-зеленые портьеры плотно закрыты.

За письменным столом краснощекий, полный человек в синем морском кителе с золотыми пуговицами.

— Общайте их!

Он пристально взглянул на мальчиков.

Высокий военный, стоявший рядом, вежливо сказал:

— Раздевайтесь!

Мальчики замаялись.

— Поскорее! — строго сказал моряк за столом.

Саша и Петя сняли пальто, шапки, валенки, куртки. Высокий забрал в охапку их одежду и вышел из комнаты. Он сейчас же вернулся и накинул им на плечи колючие серые одеяла.

— Садитесь сюда! — военный за столом показал на стулья.

Похожие на привидения, мальчики сели против него. Моряк пододвинул лампу так, что свет упал прямо на их лица. Сам же он остался в тени.

— Ваша фамилия? — спросил моряк Петю.

— Соболев.

— Имя?

— Петр.

— Сколько лет?

— Двенадцать.

И еще: где родился, кто родители, где живет.

Потом то же самое спросил у Саши и записал на листочке.

— Двенадцать лет? — переспросил он.

— Да.

Помолчал. Взглянул на Петю.

— Как вы сюда попали?

Петя испуганно ответил:

— Мы заблудились на море. Играли в пограничников. Честное слово, заблудились!..

— А почему вы оба так испугались, когда пограничники нашли вас на запретной зоне? Отвечайте, Василевский!

— Я думал, что мы перешли границу и попали в чужую страну... И они совсем на пограничников не были похожи... — голос у Саши задрожал.

— Как не похожи? — моряк приподнял брови.

— У них шапки с ушами...

— Эх, вы, головы! В пограничников на море играли, а сами не знаете, какая форма у морских пограничников, — добродушно сказал моряк.

— Не... не... знали.

Моряк быстро записал что-то на листочке.

— А в запретную зону, к границе, вы не боялись ходить?

— Боялись.

— Учительницу вы обманули?

— Обманули.

— Хорошее это дело?

— Нет, — уже весело ответил Петя.

— А по-твоему, Василевский? — перешел моряк на «ты».

— Нехорошее. Пошлите, пожалуйста, телеграмму в лагерь. Нас, наверное, ищут, — попросил Саша.

— Товарищ Коротков! Как у вас дела? — крикнул моряк.

Высокий вошел в комнату.

— Вот все, что нашли. — Он высыпал на стол вещи, найденные в одежде мальчиков.

Моряк отложил в сторону Сашину записную книжку.

— Так! Пустая коробочка от спичек. Сломанная зажигалка. Рубль двадцать серебром. Кусочек сахара... — перечислял он. — Перочинный ножик. Французская булавка. Патрон для лампочки... Вечное перо...

Высокий положил на стол простыню.

— Откуда простыня? Зачем?

— Мы мансировались. То есть маскировались, — поправился Петя, — когда в пограничников играли. Мы ее в лагере взяли.

— Казенная? Посмотрим, есть ли клеймо.

Моряк развернул простыню и внимательно оглядел ее.

Один из уголков простыни был оборван. Клейма не видно.

— Это Рам оборвал. Наверное, здесь как раз и было клеймо, — сказал Петя тоном следователя.

Моряк испытующе посмотрел на мальчиков.

— Не врете?

— Да что вы!

— Посмотрим, что здесь! — военный потянулся за записной книжкой.

Саша толкнул ногой Петю.

— Товарищ начальник! Они знаки друг другу дают, — тотчас же сказал высокий.

— Сядьте порознь! — Лицо у моряка сделалось серьезным. Он бегло перелистал книжку. Потом начал внимательно читать одну из страниц.

Саша заерзал на стуле и оглянулся на Петю.

— Не оглядывайтесь, Василевский! — моряк испытующе посмотрел в глаза Саша.

— Чья книжка?

— Моя. — Саша покраснел до кончиков ушей.

— Что это значит? — и моряк, отчетливо произнося каждую букву, прочел: — П.С.Л.Н.Н.К. Огнам рамат коеро афояр римар злгюу аузя доудд...

Саша опустил глаза и пробормотал:

— Это так... Чепуха...

— Чепуха? — моряк поднял брови. — Будьте добры рассказать, что это за чепуха? — снова перешел он на «вы».

Саша окончательно смутился.

— Что же вы молчите?

Саша продолжал упрямо молчать.

— Может быть, вы, Соболев, скажете, что здесь написано?

«Саша не хочет, чтобы он узнал...»

— Я не знаю... — сказал Петя и также покраснел, как Саша.

Дальше произошло совсем ужасное. Моряк махнул рукой и приказал:

— Товарищ Коротков! Отведите их в изолятор.

«Изолятор!»

От страха мальчики не могли уже сказать ни слова. Они даже не заметили, как моряк, чтобы скрыть улыбку, отвернулся в сторону. Голова у Саши закружилась, и он, ничего не понимая, машинально пошел куда-то по коридору.

...Четыре беленых стены. Две железных кровати, аккуратно постланные пикейными одеялами. Лампочка у самого потолка. Столик. На нем две кружки с чаем, бутерброды с сыром.

Мальчики не притрагивались к еде.

— Он решил, что там шпионский шифр! — с ужасом в глазах сказал Петя.

— Постучи, Петенька!

Петя встал с койки, подошел к двери и тихонько постучал.

— Товарищ Коротков!

Никто не отзывался.

Минут через пятнадцать за окном раздался шум подъехавшего автомобиля.

— Это за нами. Повезут в тюрьму... — Саша был бледен. В отчаянии он уткнулся головой в туго набитую подушку, чуть пахнущую каким-то лекарством.

Со всех сил Петя забарабанил в дверь.

Ключ щелкнул в замке. Высокий спросил:

— В чем дело?

— Отведите нас к тому дяденьке, — умоляюще сказал Петя. — Мы ему все расскажем...

— Сейчас доложу.

Мальчики не отрывали глаз от двери. До чего медленно идет время!

Коротков вернулся. Приоткрыв дверь, он крикнул:

— Начальник занят! Подождите, хлопчи-

— Будьте добры рассказать, что это за чепуха? — сказал моряк.

ки! — и опять ушел. До мальчиков донесся сердитый собачий лай.

— Рам лает! — печально сказал Саша.

Лай овчарки совсем расстроил Петю. С тоскою он подумал:

«Нас увезут в тюрьму... Рам останется здесь... Да нет же, нет! Чепуха! — успокаивал он себя. — Нас выпустят, мы же не шпионы...»

С тех пор как мальчики попали в эту комнату, прошло всего полчаса, но им казалось, что они находятся здесь много-много часов. Сколько они успели передумать и вспомнить!

Петя подошел к окну. Ничего не видно. Стекло замерзло.

— Отойди, отойди, Петя!

Звонко щелкнул ключ в двери.

— Пошли, голубчики! — Коротков подмигнул мальчикам.

2

Моряк попрежнему сидел за столом. Саша на записная книжка лежала перед ним.

В углу, в мягком кожаном кресле, военный с зелеными петличками на воротнике. Он был высок и худощав. Волосы у него чуть вились.

Когда мальчики вошли, военный в кресле улыбнулся, но ничего не сказал.

— Садитесь! — моряк любезно показал на стулья. — Рассказывайте, что у вас за тарбарщина в книжке записана. Прошу вас.

— Мы записывали в книжку... — начали мальчики хором.

— Свои литературные произведения, то есть стихи, — закончил моряк.

Он засмеялся и отчетливо произнес:

— П.С.Л.Н.Н.К. Огням рамат коеро афояр... Язык сломаешь! Ну и стихи!

— Как вы узнали? — глаза у Пети стали совсем круглые.

— Подумаешь — фокус! Ах, какой сложный шифр! — моряк насмешливо оглядел мальчиков. — Хороши, хороши! Драть вас надо. Я сразу понял, с кем имею дело. Ну и фантазеры...

Военный в кресле поднялся.

— Мне в лагере все уши протрещали вашим «огням рамат». Вы, я вижу, отлично умеете морочить людям головы.

Он протянул Пете руку.

— Позвольте представиться: капитан Карташев!

— Сын Анны Федоровны! — мальчики застыли на месте.

— Как — капитан?.. Вы же лейтенант! — воскликнул Петя.

— Он самый. Вчера присвоили звание капитана. Раньше был лейтенантом.

Не помня себя от радости, Петя и Саша бросились к капитану.

— Как вы здесь оказались?

— Вернулся утром из Москвы и поехал к маме. А вас и след простыл. Пришлось на поиски отправиться... Всем обществом искали.

— И Несвижский искал? — спросил Петя.

— Искал и Несвижский. Даже весьма старлся. Потом позвонили отсюда с погран-

отряда. Так и так. Пусть придут за двумя ребятами...

Карташев схватил мальчиков в охапку и приподнял их.

Мальчики, как котята, барахтались в сильных руках капитана.

— Наверное, шифр Петя Соболев придумал? — спросил капитан. — Еще в больнице слышал я от Екатерины Петровны о твоих подвигах, — и он ласково потрепал Петю за вихор.

— А вдруг бы вы в самом деле перешли границу и попались бы со своей книжечкой? — моряк за столом укоризненно покачал головой. — Там бы с вами не церемонились. Живо в кутузку посадили бы. Ну, и мне в другой раз попадетесь, я вас тогда не в лазарете запру, а в местечке посерьезнее...

— Как, в лазарете? — Саша удивленно смотрел на моряка. — Вы же сказали: «Отведите их в изолятор».

Моряк фыркнул:

— Вот чудачки! Да у нас на заставе всегда лазарет изолятором называют. Я вас чуточку хотел проучить, чтобы таинственности на себя не напускали...

Как хорошо все кончилось! Петя забыл уже прежние страхи. Он был счастлив. Лейтенант, которого он мечтал увидеть целых два месяца, — здесь, рядом с ним. И он совсем такой, каким Петя его себе представлял: высокий, сильный, веселый! Только глаза другие — не серые, как у Анны Федоровны, а карие. Снова Петю занимала мысль о Раме. «Теперь сказать или потом?»

Капитан сам пришел ему на помощь.

— А где же ваша собака?

Мальчики таинственно переглянулись. Предстояла самая решительная минута. Сейчас он все узнает.

— Товарищ Коротков! Приведите-ка их милую собачку! — попросил моряк.

Волнение мальчиков достигло высшего предела. Глаза у Пети сверкали. Саша кусал ногти.

— Мы нашли вашу собаку, Николай Николаевич! — выпалил Петя.

— Она пропала у вас летом на пляже. Ее утащил старик. Жена старика продала ее в папин институт, — скороговоркой, боясь как бы Петя не опередил его, сказал Саша.

Мальчики с торжеством смотрели на капитана.

— Какая собака? Что вы говорите?

В это время Коротков ввел Рама. Рам радостно бросился к мальчикам.

Саша взял Рама за ошейник и сказал:

— Вот ваша собака!

— Да это не моя собака! — удивленно сказал капитан. — Моя же овчарка была кавказ-

ская, а ваша немецкая. Опять Соболев придумал!

Петя и Саша были сконфужены.

Какой скандал! Оказывается, собака вовсе не капитана!..

По дороге, в машине, мальчики упросили Николая Николаевича никому, кроме Анны Федоровны, не рассказывать о Раме. Слово свое он сдержал.

Через пятнадцать минут они уже были в лагере. Никто не спал. Все сидели в столовой и ждали известий от капитана.

Анна Федоровна, увидев Петю и Сашу живыми и невредимыми, расплакалась от радости.

3

Следующий день был кануном Нового года. За окнами мела метель. Гудел ветер в трубе. Рам весь день лежал у печки.

В лагере готовились к встрече Нового года. В столовой, в углу, стояла елка, убранная игрушками, хлопьями ваты и золотыми нитями.

Когда все уселись за празднично накрытый стол и красные, синие, желтые огоньки вспыхнули среди густых ветвей, капитан крикнул:

— Ура!

— Ура! Ура! — подхватили остальные.

Кухарка торопливо обносила горячим пирогом и какао.

Анна Федоровна в новом шелковом платье сидела рядом с сыном.

Наконец, с пирогом было покончено.

Анна Федоровна встала.

— Пожалуйста, уделите мне минуту внимания, — сказала она. Шум за столом стих.

— Мы встречаем сегодня Новый год. И прежде чем он наступит, я хочу, чтобы вы все помирились с Сашей Василевским и Петей Соболевым. Я знаю, что на днях между ними и вами произошла ссора. В этом одинаково виноваты обе стороны. Саша и Петя навдумывали нивесьть чего. От тайн у них закружилась голова, и они попали в беду. Вы же виноваты в том, что вместо того чтобы по-настоящему, по-дружески подойти к ним, начали дразнить их и распускать глупые сплетни. Пусть Саша и Петя сами расскажут вам, что такое «Огнам рамат».

— Ребята! — голос у Пети сорвался. — «Огнам рамат» — это шифр, которым Саша записывал свои стихи. Шифр выдумал я.

— Какой шифр? Какие стихи? — все повскакали с мест.

Петя объяснил, что первые буквы строк стихов они писали подряд, по пять букв в

каждое слово, потом вторые буквы строк, и так дальше.

— Ловко придумал! — восхищенно крикнул Несвижский. — А мы-то головы себе ломали...

Петя, как и в прежние дни, чувствовал себя на вершине славы.

— Пусть Василевский прочтет стихи! — крикнула Тамара Бесперчая и покраснела. Покраснел и Саша.

— Читай! Читай! — Петя толкнул Сашу в бок.

— Посвящается капитану Николаю Николаевичу Карташеву, — начал Саша. — П.К.Н.Н.К.

— А раньше было П.С.Л.Н.Н.К., — не удержался Петя, — то есть старшему лейтенанту.

— Да тише ты! — заворчал Вася Морозов. Звонко и просто Саша прочел:

О, край мой, — родные просторы,
Голубые твои небеса!
Не могут обнять тебя взоры,
А разве могу описать
Моря твои, снежные горы,
Раздольные степи, леса?
А флот и войска окружают
Могучей стеною тебя!
А люди твои прославляют
Трудом и искусством тебя!

Ему дружно захлопали.

— Вот так Манго Тамар! — Гаврин хлопнул Сашу по спине. — Здорово! Почитай еще.

Саша прочел «Море», которое он читал Пете в тот памятный вечер, и о первомайском параде в Ленинграде.

Опять первенство, как зыбкая почва, уходило из-под ног Пети. Пожалуй, стихи писать интереснее, чем выдумывать шифры. Ух, как хлопают Саше!

Николай Николаевич взглянул на часы.

— Прошу слова. Через две минуты наступит Новый год.

Он пригладил хохолок на голове.

— Посвящается капитану Карташеву, — начал Саша.

— Я хочу сказать, что дружба — это лучшая вещь на свете. Но есть еще очень важное для нас, людей, живущих в той стране, которую описал Саша Василевский в своем стихотворении. Это важное называется дисциплина. Каждый красноармеец, каждый летчик, каждый моряк, каждый пограничник знает, что без дисциплины, без порядка не могла бы существовать наша Красная Армия. Без нее не можете жить и вы.

Капитан поднял стакан с прозрачным виноградным соком.

— С Новым годом!

Петя и Саша переглянулись: они поняли, к кому были обращены слова капитана.

И в эту минуту те, кто сидел за столом, почувствовали, что они не просто ребята, попавшие случайно в один класс. Нет! Им предстоит жить вместе еще много лет. Не только учиться русскому языку, географии, немецкому, математике, а вместе, в дружбе, проводить свою юность.

ТАИНСТВЕННАЯ ЛУЖАЙКА

Мы в лесу. Жаркий день сменяется вечерней прохладой. Солнце еще не зашло, но его лучи уже не проникают в гущу леса. Мы выходим на лужайку и смотрим вверх, в бескрайнюю голубую высь. Небо чисто. Но вот показалось небольшое облачко. Оно плывет прямо на нас. Вот оно уже над нашей головой. И вдруг облачко сворачивает вправо, идет вдоль лужайки над лесом и, обогнув ее, несется дальше в прежнем направлении. И второе облачко, и третье,

и другие — все они, дойдя до лужайки, сворачивают в ту или другую сторону и обходят ее. Что за диковина?

Но вот приблизилось облачко побольше. Неужели и оно «побойится» пройти над этой таинственной лужайкой? Да, но оно развертывается на две половины: одна сворачивает вправо, другая влево. Миновав лужайку, обе продолжают свой путь. Что же это такое?

И ничего тут нет особенного. Дело в том, что земля нагревается

солнечными лучами неравномерно. На открытой лужайке, куда лучи солнца падают свободно, почва прогревается глубже и сильнее. В лесу земля поглощает меньше тепла, излучаемого солнцем. Поэтому, когда земля начинает отдавать поглощенное ею тепло, от лужайки поднимаются вверх более мощные потоки теплого воздуха. Эти-то потоки и образуют ту воздушную завесу на пути следования облаков, которая заставляет их идти в обход по краю лужайки.

Как сделать фотобарельеф

Вероятно, многие читатели «Костра» являются фотолюбителями. Вот с ними я хочу поделиться одним довольно простым способом получения оригинального фотоизображения, которое мне удалось сделать путем эксперимента.

Это изображение я назвал фотобарельефом.

Весь способ получения фотобарельефа заключается в том, чтобы сперва сделать с негатива такой же прозрачный (на стекле или пленке) диапозитив, а потом, сложив вместе по контурам изображения негатив и диапозитив, получить отпечаток на бумаге.

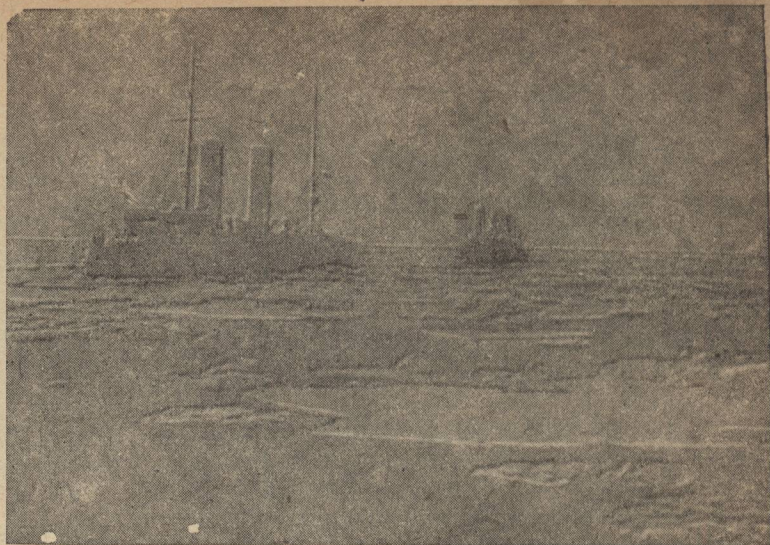
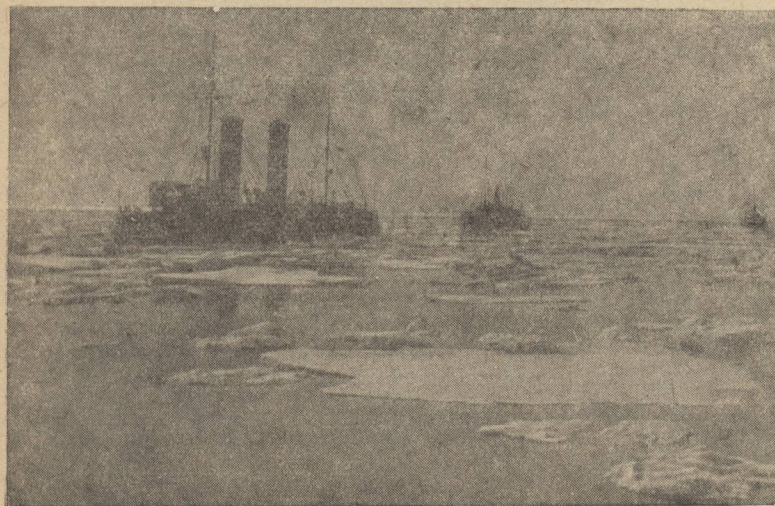
Диапозитив получается путем известной вам контактной печати с негатива.

Для этого вместо фотобумаги берут обыкновенную фотопластинку и прикладывают ее слоем эмульсии к слою эмульсии негатива и затем экспонируют на свету точно так же, как это делают на фотобумаге.

Фотопластинки лучше брать по возможности низкой чувствительности или специальные «диапозитивные» пластинки.

После получения диапозитива, когда он окончательно высохнет, его складывают опять с негативом эмульсиями вместе по контурам изображения и делают незначительный сдвиг, который заметен напросвет.

Дальше следует эту пару — негатив с диапозитивом — зажать в рамку увеличительного аппарата таким образом, чтобы не нарушить того незначительного сдвига контуров изображения, который был сделан заранее. Это следует делать особенно осторожно и тщательно, так как если сильно сдвинуть контуры или, наоборот, по неосторожности сделать так, что они совсем совпадут, то эффекта не получится вовсе.

После того как изображение спроектировано на экран и сделана наводка на фокус, обычным путем производится печать.

Напечатанный таким образом отпечаток и есть фотобарельеф. Резкие тени, полученные от некоторого сдвига контуров, как бы подчеркивают и оттеняют плоскостное изображение всего сюжета, общие тона которого нейтрализовались наложением световой части негатива на теневою часть диапозитива.

Удача этого способа (негативно-позитивного изображения) зависит в большой степени от правильно сделанного диапозитива. Он не должен быть ни слабее, ни сильнее негатива, что зависит от правильной экспозиции при печати и проявлении диапозитива.

Таковую же немалую роль в успехе получения хорошего фотобарельефа играет степень смещения контуров негатива с диапозитивом. Это нужно делать очень осторожно, наблюдая напросвет, в какую сторону лучше смещать — вправо, влево, вверх или вниз, — все это дает различные результаты, и тем самым получается разный эффект годового фотобарельефа.

Кроме того, различный сюжет снимка требует своего индивидуального подхода в передаче на фотобарельеф.

Надо сказать, что фотобарельеф можно сделать с любого снимка при хорошем качестве негатива.

На наших фотографиях помещены два отпечатка из серии арктических снимков «Ледокол «Красин» проводит караван судов в Карском море».

Наверху — фотобарельеф, внизу — обычный отпечаток с того же негатива. Это увеличения с кадра «Лейки».

Мы уверены, что этот способ получения фотобарельефа найдет широкое применение у фотолюбителей, читателей «Костра».

Попробуйте, ребята, сделать этим способом с ваших лучших негативов фотобарельефы и пришлите их в редакцию «Костра». Лучшие фотобарельефы мы напечатает в журнале с указанием, кто их сделал.

Н. Штерцер.

ТЕЛЕСКОП, ПРЕДСКАЗАННЫЙ ЖЮЛЕМ ВЕРНОМ

Я. ПЕРЕЛЬМАН

В романе „Из пушки на Луну“ Жюль Верн писал об исполинском телескопе, который позволил его героям следить с Земли за полетом алюминиевого снаряда на Луну. Семьдесят лет назад Жюль Верн мечтал об отражательном телескопе с вогнутым зеркалом пяти метров в диаметре.

Пророческая мечта Жюля Верна сбывается на наших глазах; в Америке успешно подвигается сейчас сооружение нового огромного телескопа с зеркалом как раз тех размеров, какие указаны в романе. Даже материал зеркала верно предсказан романистом. Жюль Верн писал о стеклянном диске, покрытом тонким слоем металла. Зеркало для сооружаемого сейчас телескопа изготовлено из особого сорта стекла, носящего название „пайрекс“. Замечательную особенность этого стекла составляет то, что оно весьма мало расширяется при нагревании. Если посуду из такого материала поставить на огонь, — она не растрескается; сняв с огня, можно погрузить ее в ледяную воду, не опасаясь за целостность посуды. Не трудно понять, как драгоценна эта особенность стекла „пайрекс“ для телескопического зеркала, малейшее изменение формы которого сильно портит изображение.

Работа по изготовлению телескопа-гиганта и по подготовке обсерватории, где он будет установлен, ведется уже 13 лет. Самая важная часть работы сейчас выполнена: удалось отлить стеклянный круг для пятиметрового зеркала будущего телескопа. Подыскано и подходящее место для обсерватории. В 1941 г. новый глаз человечества вступит в строй и начнет пронизывать бездонные глубины неба.

Новый телескоп будет увеличивать, правда, не в 48 000 раз, как ожидал Жюль Верн от инструмента с таким зеркалом, а в 10 000 раз. Однако и это раздвинет границы видимого нами мира втрое. Миллиарды новых звезд, прежде ускользавшие от наблюдений, теперь сделаются доступными зрению. Луна предстанет перед нами такою, какою мог бы видеть ее невооруженный глаз с расстояния всего сорока километров. В соединении с особым прибором, „электрофотометром“, этот телескоп смог бы уловить лучи свечи, зажженной в 15 000 километров от него, т. е. на расстоянии, большем, чем от полюса до экватора!

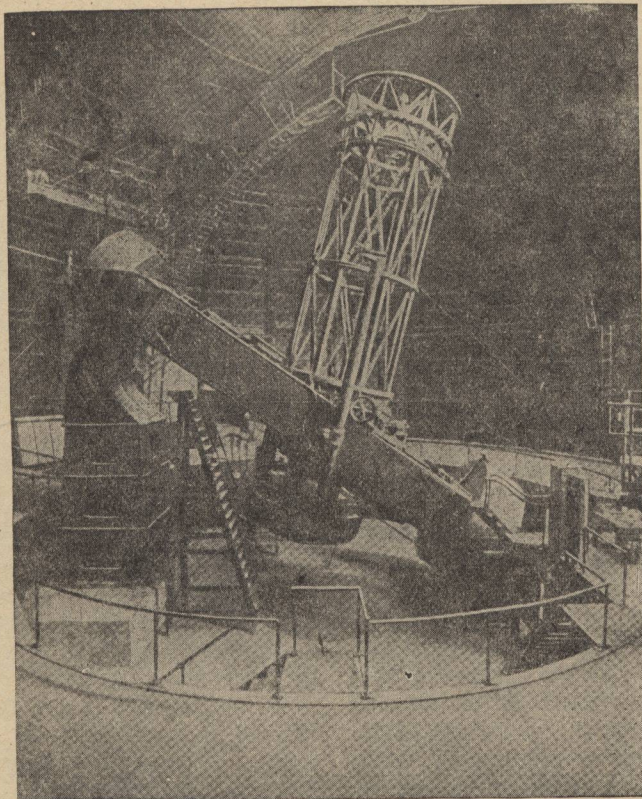
Жюль Верн писал о своем воображаемом телескопе, что „благодаря остроумным механизмам,

можно было управлять трубой с замечательной легкостью: вращать во все стороны, наводить на все точки неба и неуклонно следить за движением любого светила“. Подлинный телескоп-исполин в этом отношении не будет уступать воображаемому инструменту романиста. Несмотря на чудовищный вес самой трубы и подвижных частей ее установки — 300 тонн, телескоп, благодаря сложной системе электромоторов и искусно придуман-

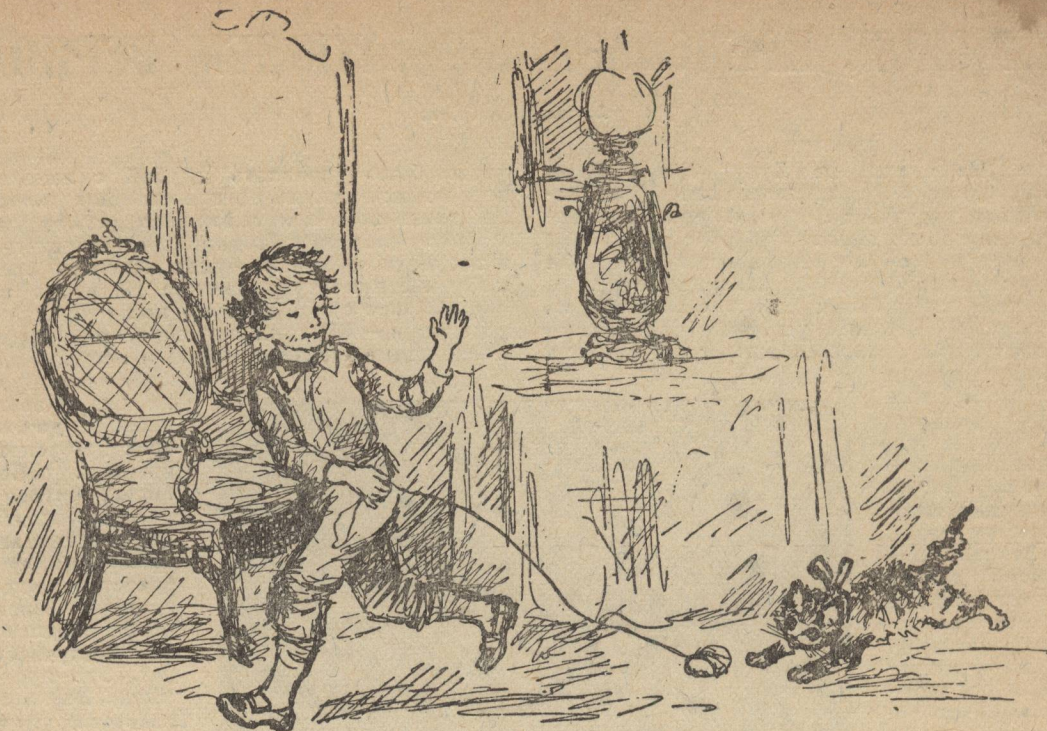
ной смазке, будет плавно, без малейших колебаний двигаться во всех требуемых направлениях. „Понадобились, — читаем мы в романе Жюля Верна, — вся энергия американских рабочих и вся изобретательность американских инженеров, чтобы довести дело до благополучного конца“. Это пророчество Жюля Верна осуществляется почти буквально: в разработке проекта установки нового телескопа участвовали крупнейшие механики-ученые и инженеры-практики Америки во главе с лучшим военноморским инженером США Мак-Дауэлом (между техникой установки телескопов и артиллерийских орудий есть много общего). Без сомнения, их усилия и искусство рабочих приведут к успешным результатам.

Как и предсказывал Жюль Верн, местом для будущей обсерватории выбрана горная вершина. „Когда обсерватория стоит на очень высоком месте, — правильно писал романист, — световые лучи могут проникать в трубу, не проходя через нижние слои атмосферы, т. е. через наиболее плотные и мутные, а потому поглощающие большой процент света“. Именно по таким соображениям новый телескоп будет установлен высоко в горах, — только не в Скалистых, как мечтал Жюль Верн, а в Южной Калифорнии, на вершине горы Паломар. Здесь, на высоте 1 800 метров, телескоп не будет страдать от пыли и туманов, а также от сотрясений, связанных с транспортом; место это удалено от железных и иных дорог и обеспечено от возникновения по соседству поселений.

Наконец, еще одна подробность, хотя и не предусмотренная Жюлем Верном, но вполне в его духе: при обсерватории предполагается устройство небольшого аэродрома для воздушного сообщения обсерватории с ее лабораториями близ города Лос-Анжелоса, в 150 километрах расстоянии.

Тони-растяпа

ОНОРЕ ДЕ-БАЛЬЗАК

Рисунки К. РУДАКОВА

Госпожа Жильбер, мать четверых детей, овдовела в сорок лет. Хотя муж ее и не оставил состояния, вполне обеспечивающего семью, но нужды они не знали. Образование — это капитал бедных молодых людей, поэтому госпожа Жильбер готова была на всякие лишения, чтобы должным образом воспитать своих трех сыновей. У госпожи Жильбер был брат, столь горячо любивший свою племянницу и племянников, что его иначе не называли, как «самый лучший дядюшка».

Младшему сыну госпожи Жильбер исполнилось семь лет, звали его Тони. Антуанетта, хорошенькая двенадцатилетняя девочка, старшая из детей, была его приемницей от купели, а «самый лучший дядюшка» — крестным отцом. Антуанетта, повидимому, понимавшая всю тяжесть положения матери, доставляла ей одни только радости. Жорж и Люсьен, старшие мальчики, которых поместили в хороший коллеж, знали, что дядя, состоятельный коммерсант, платит за них, и усердно учились.

Однажды «самый лучший дядюшка», заметив, что сестра его чем-то опечалена, осведомился о причине ее огорчения. Госпожа Жильбер не смогла привести сколько-нибудь правдоподобных объяснений, и брат ее, мысленно

перебравший все горести, выпадающие на долю матери, в конце концов решил, — хотя и был холостяком, — что виною этому дети. Поскольку Антуанетта была примерной девочкой, а старшие мальчики получали отличные отметки, дядюшка спросил:

— Не мой ли крестник набедокурил? Сто чертей и одна ведьма, — добавил он, обращаясь к Тони и страшно закатывая глаза. — Я отправлю тебя юнгой на коммерческом корабле.

Тони убежал.

— Что он такое натворил? — спросил дядя сестру.

— Я не могу решиться дурно говорить о своем сыне, — ответила госпожа Жильбер, — нужно думать, что он исправится, видя, как он меня огорчает. А вот кстати Гюбер, учитель детей, расспроси его.

И мать вышла из комнаты, чтобы отыскать Тони и послать его к дяде и учителю в сопровождении Антуанетты, которая и привела мальчика к обоим судьям.

Господин Гюбер, достойный старец, державший небольшой пансион для детей, сказал «самому лучшему дядюшке»:

— Сударь, боюсь, что этот мальчик никогда не выбьется на дорогу. То он сидит с не-

покрытой головой, — м-сье изволил где-то посеять свою фуражку, то он теряет подвязки, — чулки его спадают на башмаки и все забрызганы грязью. Он всю жизнь потратит, чтобы выбраться на дорогу. Когда все спокойно займут свои места, он прибежит запыхавшись и увидит, что его место занято.

«Часами он ищет свою книгу и начинает готовить уроки, когда остальные мальчики уже успели их ответить. Он переворачивает весь дом вверх дном, чтобы отыскать свои вещи. Ест завтрак простывшим. Бежит по грязи, через канавы, чтобы догнать своих товарищей. Он всегда опаздывает, ничего не успевает, его наказывают в присутствии всех учеников, которые над ним смеются. Недостатки, от которых не справишься в школе, становятся пороками у взрослого человека. Он стоит в углу в то время, когда его товарищи резвятся, и настолько привыкает к наказаниям, что укореняется в своих пороках. Его прозвали «Тони-растяпа». Будет очень прискорбно, если это прозвище за ним сохранится».

— Да, с этим шутить нельзя, — подтвердил дядюшка. — Я понимаю, почему г-жа Жильбер так печальна.

— Тони — добрый мальчик, не задира, услужливый, — вступилась за брата Антуанетта. — Право, он очень милый, а бранят его больше нас всех.

Спустя две недели по возвращении из поездки, предпринятой для спасения части своего состояния, на которую покушался один дурной человек, «самый лучший дядюшка» обещал племяннице и племянникам поехать с ними за город, не определяя точно дня поездки. Накануне дня, когда дядя должен был заехать за детворой, Тони, достойный своего прозвища, не поставил, ложась спать, оба свои башмака рядом, как делают все добропорядочные дети. Швырнув шутки ради один башмак в другой конец комнаты, он стал прыгать на одной ноге. Когда у него стали слипаться глаза, Тони бросился в постель и заснул, как сурок.

На следующее утро, когда пробили часы, напоминая школьникам, что пора вставать, Тони вскакивает с постели и находит только один башмак; он и не вспомнил, что накануне играл с другим. И вот он начинает раздвигать мебель, ложится ничком на пол, чтобы посмотреть под кровать, и рубаха его становится грязной. Ничего не найдя, он обвиняет братьев — у них в это время были каникулы — в том, что они запрятали его башмак, потому что растяпа только в крайнем случае признает себя виновником в произведенном им беспорядке. Происшествие это тем более было прискорбным, что госпожа Жильбер, побранив

— Что сделал ты с другим башмаком? — сказала мать.

сына за слишком быстрое изнашивание обуви, заказала ему две пары башмаков; сапожники же, известные своей неаккуратностью, и в этот раз не сдали работы в срок. Таким образом, на сегодняшний день у Тони была лишь одна пара башмаков.

В то время как Тони звал себе на помощь Габриель, единственную служанку в доме, радостные крики возвестили о прибытии «самого лучшего дядюшки». Его коляска уже громыхала на улице. Завтракать решили в Сен-Клу.

— Вот чудесно, мы будем кататься на лодке, пойдем на ярмарку!

Тони слышал, как его сестра и братья зовут друг друга; кто побегал за шалью и шляпой, кто за фуражкой. В доме поднялась суматоха, та радостная суматоха, когда ящики остаются раскрытыми, а дети воображают, что им все дозволено, лишь бы не потерять ни одной минуты веселья...

— А башмака-то нет, — твердил Тони, плача со стыда.

Он спускается вниз и из окна видит своих братьев, чистеньких, в безукоризненно вычищенных ботинках, в перчатках, разглядывающих коляску. Сестра, раздетая матерью, отплясывает под стать лошади, у которой над ушами тоже красуются розовые банты.

— Где Тони? — Тони!

Тони снова подымается к себе в комнату. Он надевает башмак то на одну, то на другую ногу, словно желая представить себе, что их два, но — увы! — всего лишь один! Тони заливается слезами. Наконец, надеясь, что ему удастся разжалобить дядю, мать, сестру и братьев и что его возьмут с собой таким, какой он есть, Тони спускается вниз, по-

Коляска удалялась по улице.

забыв о своем растерзанном виде, и появляется с грязными руками, в рваной рубашке, растрепанный, не одетый, красный от отчаяния. Его встречают возгласами:

— Ох, Тони! Тони!

— У него только один башмак! — воскликнул, рассвирепев, «самый лучший дядюшка».

— Что сделал ты с другим башмаком, несчастное дитя? — сказала мать. — Ох, Тони! Тони! — И она заплакала в свою очередь.

— Поищи же его, — посоветовал Жорж.

— Невозможно найти, — заявила Габриель, появляясь на пороге.

— Вот что, — предложил Люсьен, — у меня есть веревочные туфли, возьми одну из них.

— Нет, — сказал «самый лучший дядюшка». — Даю ему еще пять минут, чтобы быть готовым, а потом... до свиданья.

Вся семья принимается за поиски, но башмака нигде не найти. Собака, лая, суетится возле своей конуры, точно и она разделяет смятение, царящее в доме. В то время как мать в последний раз осматривает лестницу, Тони старается умиловить «самого лучшего дядюшку» и вопит:

— У меня будет все в порядке, я все беру, возьмите меня с собой!

Дядя неумолим. Племянник виснет на нем, тянет за жилет, цепляется за карманы. Чувствуя, что не может вырваться от мальчишки, дядя делает знак толстому кучеру, кучер

оттаскивает Тони. Растяпа должен остаться один дома с Габриелью.

— Присмотрите за ним, — сказала г-жа Жильбер. — Вот вам деньги, купите ему абрикосовое пирожное.

И, уезжая, мать, опечаленная тем, что с ней только трое детей, слышит плач Тони, в то время как коляска катится по мостовой. У Тони — можете в этом не сомневаться — сильно сжималось сердце при каждом

стуке колеса. Когда все стихло, он посмотрел на улицу. Коляска исчезла из виду, улица была пуста. Все уехали за город, и даже прохожие, — как казалось Тони, — тоже отправляются в Сен-Клу. Тони вернулся в свою комнату и сказал себе:

— Хорошо, если бы у меня был такой же порядок, как у Люсьена...

И вот он принимается убирать все свои вещи: книги, карандаши, коробку с красками, раскрашенные картинки и отдельно еще не раскрашенные, разорванным книжкам он старается придать кой-какой вид, ставя их на полку. Потом он прибирает все свое белье и платье в отведенный для этого шкаф. Наконец, наводит чистоту в комнате и испытывает то чувство удовлетворения, которое вызывает порядок.

Когда все было на своих местах, Тони вышел в коридор и взглянул на двор. Что же представилось его глазам? У самой морды собаки лежит его башмак, — собака, наверное, запрятала его в солому в своей конуре. Тони спускается во двор и видит по середине двора вчетверо сложенную бумагу. Так как он твердо решил не допускать никакого беспорядка, он поднимает бумагу, кладет ее в карман, отбирает башмак у собаки и читает ей нотацию. Потом возвращается к себе в комнату и, чтобы скоротать время своего вынужденного одиночества, принимается за книгу. Однако Тони начинает скучать, он ищет, чем бы ему развлечься, смотрит, все ли в порядке, и думает про себя: «А они-то в Сен-Клу!»

Придя в такое расположение духа, Тони не мог остаться равнодушным к внезапному появлению котенка, которого, как ему казалось, привлек сюда какой-то инстинкт, потому что котенок приблизился к нему, жеманясь, словно говоря: «Давай играть вместе».

Чтобы ответить на заигрывания котенка, Тони вытащил бумажку, положенную им

в карман, сделал из нее шарик, привязал к веревочке и стал подражать ловким уверткам мыши, ускользящей от кота, котенок же с удовольствием принял участие в этом небольшом поединке. Все шло прекрасно, Тони и котенок бегали взапуски друг за другом, как вдруг раздался стук колес коляски, и Тони увидел, что все семейство возвращается домой в волнении, можно даже сказать в замешательстве...

— Ах, мадам, — сказала Габриель, — м-сье Тони убрал свой шкаф и свою комнату.

— Да не в этом дело! — воскликнул «самый лучший дядюшка».

— Увы! — промолвила госпожа Жильбер, — у моего брата пропал чрезвычайно важный документ; если он его не найдет, то потеряет сорок тысяч франков. Этот дурной человек откажется ему уплатить их. Брат еще имел бумагу при себе перед отъездом, возможно, что она где-нибудь здесь.

Все принялись искать, но прошло полчаса, а бумаги найти не удалось.

— Боже мой! — сказала госпожа Жильбер брату, — для чего было устраивать этот

праздник, прежде чем не был внесен последний платеж. Я виновата в этой потере.

Тони, гордясь своими двумя башмаками, спускается вниз с бумажным шариком в руке. Узнав причину всеобщего волнения, он спрашивает дядюшку:

— Не это ли ты ищешь?

Дядюшка, развернув бумагу, убеждается, что это нужный ему документ.

Он целует Тони и говорит:

— Едем все в Сен-Клу. Но если я беру тебя с собой, так это не столько за то, что ты нашел бумагу, которая по твоей же вине выпала из моего кармана, а главным образом за то, что ты привел в порядок свою комнату, книги и шкаф.

И с тех пор, что бы вы ни одолжили Тони, он все возвратит вам в чистом виде, без единого пятнышка, не разорвав. Он первым приходит в школу. Он не теряет перчаток, поэтому больше не отмораживает рук. Матери его не приходится столько тратить на книги, — Тони обращается с ними бережно. Словом, он исправился!

Пер. с франц.

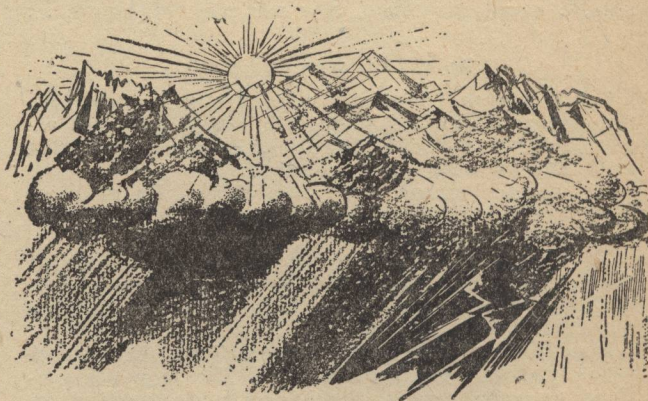
Э. Б. Шлоберг

ВЫШЕ ГРОЗЫ

В начале лета мы с братом решили подняться на гору Бештау и посмотреть с ее вершины восход солнца. Накануне мы вышли из города Пятигорска (Сев. Кавказ), к 9 часам вечера поднялись на седловину между главной и восточной вершиной и здесь заночевали. Однако ночлег вышел неудобный. Ноги и руки как-будто затекли и по ним все время бегали мурашки.

Задолго до восхода солнца мы стали подниматься в сплошном тумане облаков на главную вершину, но уже через 50—60 метров высоты облака поредели и над нами было темное утреннее небо. Подниматься было чрезвычайно тяжело. Мурашки в ногах и руках бегали все сильнее и сильнее. Посмотрев на брата, я увидел, что волосы у него неестественно вздыбились. Тогда мы поняли причину своего странного состояния. Просто мы были заряжены электричеством.

Расположившись немного недоходя до главной вершины на уступе почти отвесного склона, мы стали ожидать восхода солнца. Становилось все светлее и светлее. Вдали раздался и раскатился далеко во все стороны глухой удар грома. Мы с опаской смотрели на тучи, которые теперь были ниже нас. Положение наше становилось все хуже и хуже. Волосы, которые мы попытались причесать, трещали и сыпали искры. На камнях кругом появились белые огоньки электрических разрядов. Теперь мы почти не могли двигаться, так как каждое движение было сопряжено с болью. Мы даже пошучивали, что разряд начнется у кого-нибудь из нас на голове. Отчаянный холод и сырость ухудшали наше положение. Гром усилился; теперь раскат следовал за раскатом. Над океаном облаков островами подымались три вершины пятиглавого Бештау; маленьким пятнышком чернела вершина горы Машук и только на горизонте блестели снежные вершины Кавказского хребта, кое-где освещенные косыми лучами восходящего солнца.

И вот в той стороне, где острым пиком подымался Казбек, показалось солнце. Его яркие лучи осветили лениво двигавшиеся волны облаков и ослепительно заиграли на склонах двуглавого Эльбруса. Вдруг под нашими ногами что-то ярко вспыхнуло и ударил оглушительный треск громого раската. Начиналась гроза. Снизу мы услышали глухой шум. Внизу шел ливень. Ветер вырывал из облаков длинные клубы тумана, и они вставали в лучах солнца наподобие громадных призраков. Молнии металась у подножия нашего острова-вершины; поминутные раскаты грома нас оглушали. Но, очарованные сказочной прелестью этой картины, мы забыли даже про свою «электрическую» боль и холод. Мы находились выше грозы, на высоте 1400 метров над уровнем настоящего моря и по крайней мере на 400 метров над облачным морем, спускаться через которое при такой погоде нечего было и думать.

П. Печав.

ИЗ ОКОН ПОЕЗДА *

Я. СЕРГЕЕВ

Рисунки С. КАЛИНИНА

К Ч И Т А Т Е Л Ю

Очень многие склонны считать довольно скучным делом поездки по железной дороге. Просидеть два или три часа в вагоне поезда большинству людей кажется занятием весьма однообразным и тоскливым. Если спросить, отчего зависит их нелюбовь к поездам, они охотно объяснят вам: на железной дороге все слишком привычно, известно, знакомо и однообразно. Мелькает в окне знакомый пейзаж и будет мелькать целыми часами. Поднимаются и опускаются проволоки телеграфа, и будут также опускаться и подниматься. Грохот колес, остановки, свистки — все это видано-перевидано, известно и понятно. Что же тут может интересовать?

Если это действительно так, придется согласиться, что веселого в этом мало. Но нам кажется, что это далеко не верно. Нам кажется, наоборот, что на современной железной дороге гораздо больше непонятого, неизвестного и загадочного для пассажира, чем хорошо изученного. Большинству из нас железная дорога должна казаться похуже скорее не на надоедливом собеседника, вновь и вновь возвращающегося к навязчивым в зубах темам, а на таинственного человека, говорящего на неведомом нам языке.

Слов нет, беседа с таким спутником тоже не способна увлечь. Но ведь это только до тех пор, пока вы не научились его языку. А знаете ли вы «язык» нашего транспорта? Сомнительно!

Можете ли вы, например, сидя в вагоне, держа в руках часы и не видя километровых столбов установить, с какой скоростью идет ваш поезд? Можете ли

вы, не задумываясь, ответить, что означает промелькнувший за окном знак — вертикально стоящая большая белая доска, наискось перечеркнутая тремя широкими, в ладонь, черными чертами? Известно ли вам, для чего служат устроенные кое-где над рельсами на крупных станциях легкие железные арки со свешивающимися с них на цепях странными цилиндриками? Боимся, что все это представляет для вас, как говорится, китайскую грамоту. Но ведь это — три случайных вопроса из числа самых простых! Значит, вы не знаете языка железной дороги. Не удивительно, что вам скучны ваши поездки.

Между тем, современная железная дорога — такой огромный, сложный и важный организм, роль ее в мирной жизни страны и в ее обороне в военное время так невыразимо значительна, что плохое знакомство с ее работой может принести не малый вред и каждому из нас в отдельности и всей стране вообще.

Понятное дело, изучить эту работу нельзя с налету, при посредстве одной только статьи. Но положить начало такому изучению она может.

Если это произойдет с вами, — цель наша будет достигнута. Однако, чтобы это случилось, необходимо одно. Вы должны отказаться во время первой же вашей поездки от дремы за книжкой на вагонной скамье и попробовать по возможности выглянуть в окно идущего поезда. Вы должны научиться не только **смотреть**, но и **видеть**.

Из какого окна смотреть?

Войдя в вагон с нашим журналом в кармане, вы, конечно, захотите выбрать себе наиболее удачный наблюдательный пункт. Где вам обосноваться — у правых по движению окон или у левых?

На первый взгляд это безразлично. На деле же прежде всего надо узнать — однопутная или двухпутная ваша дорога.

На однопутной дороге имеется только одна пара рельсов. Поезда в обе стороны движутся по ней, и встречные расходятся лишь на специальных остановках-разъездах.¹

Иное дело двухпутная дорога. Здесь на полотно рядом уложены две пары рельсов. Поезда в обе стороны идут по разному пути. Они встречаются и на станциях, и на ходу. Нет разъездов, нет и ожидания встречи на разъездах.²

¹ Сколько поездов может пропустить однопутная в сутки? Это не трудно рассчитать. Делается это вот так: возьмем какой-нибудь перегон, т. е. кусок дороги между двумя соседними станциями или станцией и ближним разъездом. Пусть поезд проходит по этому перегону сперва в одну, а потом в другую сторону за 30 мин.; мы говорим тут, что одна пара поездов занимает перегон 30 мин., тогда в сутки, — а в сутках 60 · 24 = 1440 мин., — можно пропустить 1440 : 30 = 48 пар.

Это — пропускная способность перегона. Пропускная же способность всей дороги будет такой, как на том перегоне, где она всего ниже. Больше поездов по такой дороге пускать нельзя: все равно на этом перегоне образуется «пробка».

² Пропускная способность двухпутной дороги гораздо выше. Попробуем рассчитать и ее.

Пусть поезд по перегону, указанному выше, но двухпутному, отнимет в одну сторону 14 мин., в другую — 16, тогда в сутки (1440 минут) можно по одному пути пропустить 102 поезда (1440 : 14 = 102).

По другому пути — 90 поездов (1440 : 16 = 90).

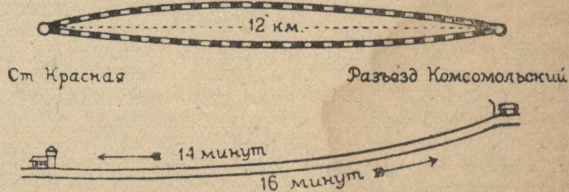
Теперь, судите сами, почему в СССР за последние годы целый ряд дорог превращен из однопутных в двухпутные.

При этом, однако, заметьте, что оба расчета построены в предположении, что на каждом пути между двумя станциями может

Какое, однако, все это имеет отношение к вопросу о наиболее удобном для нас окне?

Самое прямое. На однопутной дороге интереснее, пожалуй, смотреть из правых окон. Но из правых не по движению, а по направлению от начала дороги к ее

концу, от крупного центра к конечному пункту. Здесь чаще всего стоят километровые столбы и некоторые другие любопытные знаки.

одновременно находиться только один поезд (чтобы не произошло несчастного случая). Если же на середине расстояния устроить пост с семафором и телефоном, который отмечал бы проходящие поезда и мог бы их задерживать при необходимости, тогда пропускная способность повысилась бы. Такие посты не редки на наших дорогах.

* Печатаемый нами очерк выйдет специальной книжкой, издаваемой Ленинградским Домом занимательной науки.

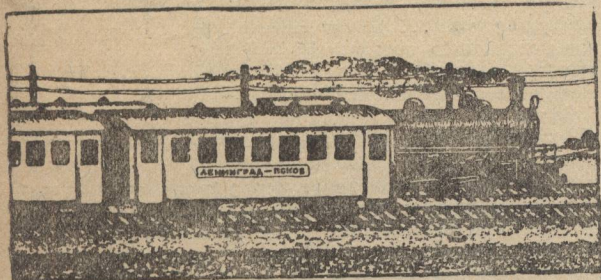

На двухколейке совсем иначе. Тут занято будет наблюдать и за встречными поездами. Значит, садиться тут стоит и у тех окон, которые выходят на между-путное пространство. «То есть у левых?» — говорите вы. — Как сказать!

Лево держи!

Посмотрите на эту картинку и скажите, все ли на ней благополучно. Не сделал ли рисовавший ее художник какой-либо грубой ошибки?

Внимательный читатель сразу обратит внимание на то, что встречные поезда на рисунке как-то странно расходятся. Они идут не по своей правой колее каждый, а как раз наоборот — по своей левой.

Вообразите, какая неразбериха поднялась бы на наших улицах, если бы часть шоферов, извозчиков, пешеходов вздумала поступать так! Это грозило бы ужасными катастрофами... Очевидно, — художник напутал.

Ничуть не бывало! В целом ряде стран — во Франции, Англии, Италии — движение на рельсовом пути (в Англии и на улице) происходит по правилу «лево держи». И, конечно, никаких аварий это не вызывает, поскольку так движутся все.

Да, но ведь на рисунке — советская железная дорога. На вагонах заметна даже надпись: «Ленинград — Псков». Значит, ошибка налицо?

И опять — ничего подобного! Ветка «Ленинград — Псков» Октябрьской дороги раньше являлась частью дороги Петербург — Варшава — Вена. Дорога эта таким образом соединялась с «левопутными» австрийскими дорогами. По этой причине ее тоже сделали «левопутной». Причина давно исчезла, но ее следствие осталось жить до сих пор.

Впрочем в Советском Союзе есть и вторая столь же «аномальная»¹ железная дорога: Москва — Рязань. Там движение тоже левопутное.

Следовательно, прежде чем избирать себе наблюдательный пост, надо установить, по какой именно дороге вы едете, по правопутной или по левопутной...

Железнодорожная каббалистика

Итак, поезд идет, а мы внимательно глядим с надлежащей стороны в окно. Первое, что поражает при этом, — множество мелькающих мимо нас столбов, высоких и низких, с укрепленными на них табличками, каких-то окрашенных в белый цвет камней (на них нарисованы крупные цифры от «1» до «10») и других таинственных значков. Неужели все они нужны здесь на дороге? И если — да, то для чего?

Разгляньте хорошенько рис. 1. На нем изображен достаточно длинный участок железнодорожного пути с теми знаками, о которых только что шла речь. Знаки эти, а также различные другие детали и приспособления полотна пронумерованы. Предположим, что поезд идет от № 1 к № 7. Спрашивается, что же дол-

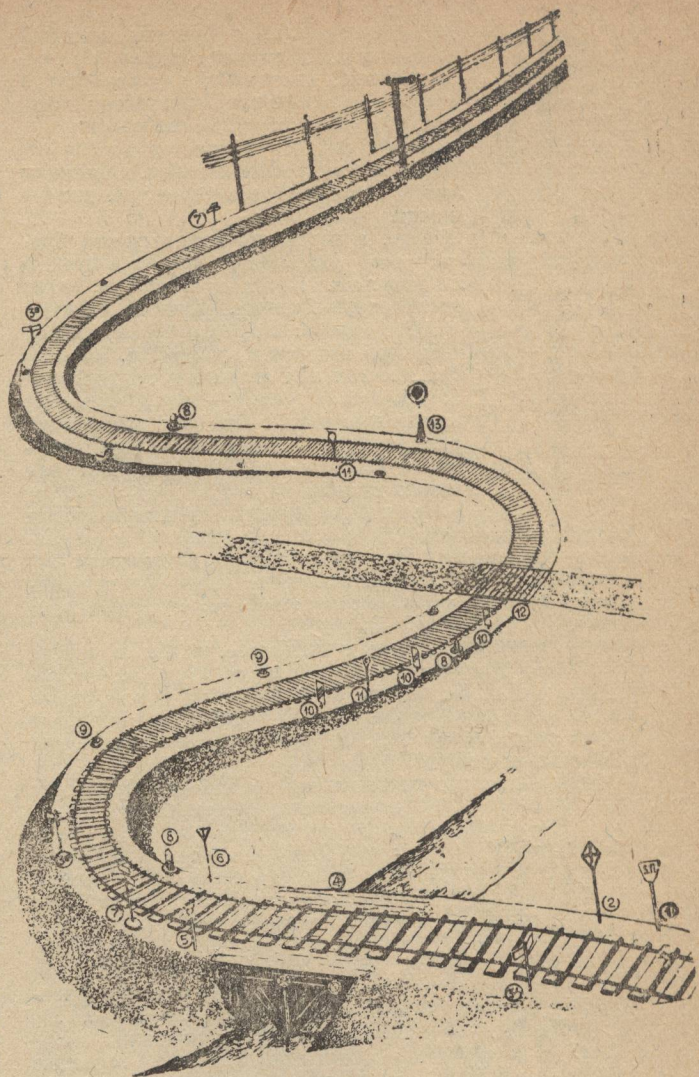

Рис. 1.

жен делать машинист при виде каждого из этих значков.

Увидев знак (№ 1) машинист закроет поддувало, усиливающее приток свежего воздуха в топку.

Знак напоминает ему, что впереди или мост с деревянным настилом или какое-либо другое горючее сооружение. При работе поддувала выкидываются из трубы искры, могут выпасть из нее на путь и горящие уголья. Во избежание пожара, поддувало в этих случаях лучше выключить.

Знак № 2, как и предыдущий, связан с находящимся недалеко мостом (№ 4). Он играет роль только зимой и относится к бригадам, обслуживающим поезд-снегоочистители.

Проходя его, машинист поднимает очистительные ножи. Они сидят на рабочем ходу очень низко; на мостах, стрелках, переездах есть риск сломать их о тот или другой выступ.

Миновал мост, машинист увидит другой значок. Он скажет ему, что опасность миновала: ножи можно снова опустить. Понятно, что каждый из таких знаков имеет

¹ Необычная.

значение лишь для бригады, видящей его на «своей» стороне, справа от себя. Знаки, находящиеся с противной стороны, относятся к машинистам поездов, идущих в обратном направлении.

Конец каждого километра дороги отмечен километровым столбом. Обычно на каждом таком столбе укреплены две дощечки.

Машинист (а значит, и пассажир) видит сперва ближайшую надпись: она указывает, какой километр кончился. Проехав столб, он видит контрольную цифру. Она на единицу больше первой: она говорит ему, какой километр начался в этом месте. На многих дорогах над этими двумя цифрами помещается третья — она выражает кратчайшее расстояние по железной дороге от данной точки до центра страны (в СССР — до Москвы). Вот вид такого столба.

Не следует думать, что километровые столбы устанавливаются только для удобства и развлечения пассажиров. Они очень нужны машинистам паровозов, чтобы те могли все время следить за скоростью пробега, выдерживая назначенное расписанием время.

Они необходимы еще и для того, чтобы в случае какой-либо аварии или повреждения пути, ремонтные рабочие могли бы быстро и точно найти пострадавшее место. Особенно важно это в военное время, когда дорога может быть каждая потраченная на поиски повреждения минута.

Чтобы возможно сократить такие поиски, на дорогах ставят знаки не только через каждую тысячу, но и через каждую сотню метров. Эти знаки обычно представляют собою белые известковые камни или куски рельсов (№ 8) — «десятки».

Если вы когда-либо заметите где-либо на перегоне развинченный или лопнувший рельс, лежащий на путях тяжелый предмет или еще что-либо, грозящее крушением, — указывайте точно место, сообщайте об этом на станцию или путевому сторожу так:

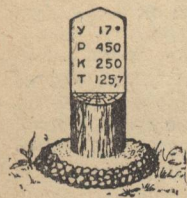
«Рельс лопнул на 231 километре, между 3-м и 4-м десятками».

Тогда исправление будет сделано быстро.

Маленький белый столбик стоит у края насыпи. На плоском срезанной личинке его выписано много цифр. Машиниста этот значок интересует потому, что им отмечено место, где началось закругление дуга. Цифры же выражают величину угла в градусах (у), длину закругления (к), длину радиуса кривой (р), расстояние от начала кривой до воображаемой вершины угла поворота (т). Машинисту эти данные нужны, чтобы правильно рассчитать допустимую скорость. Они необходимы

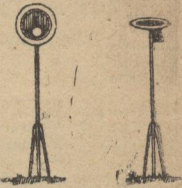
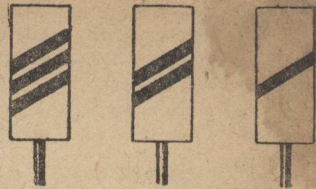
и при всякого рода ремонтах и реконструкции пути. Бешено несущийся поезд благополучно и плавно «вписывается» в правильную кривую, но малейшая ошибка в укладке рельсов может вызвать катастрофу.

Вот знак, — вернее, ряд знаков, — чаще всего удивляющий досужего пассажира. Внезапно мимо окна пролетает вертикально стоящая доска, наискось перчеркнутая тремя широкими черными полосами. Через

5—10 секунд за ней является вторая с двумя чертами и, наконец, третья. На третьей доске полоса уже одна.

Невнимательный пассажир будет долго и тщетно ломать себе голову — что это значит? Наблюдательный же человек скоро заметит, что вслед за такими досками обязательно появляется семафор (№ 13). Доски эти нужны там, где поезда ходят с большими скоростями, или где есть опасность, что машинист может не заметить семафора, если он закрыт каким-либо препятствием: краями выемки, лесом, туманом в плохую погоду... Доски заранее говорят водителю поезда: «Внимание!», «Смотри зорко!», «Может быть потребуется внезапная остановка!».

Буква «С», выведенная на круглой или иной формы табличке требует, чтобы поезд дал предупредительный свисток. По тому, как установлен этот знак, можно догадаться, что именно покажется в окне минуту спустя. Если он укреплен на основательно врытом в землю солидном столбе — вероятно, впереди переезд, не снабженный шлагбаумами (№ 12) (такие переезды устраиваются на проселочных дорогах с незначительным движением), или полотно пересекает постоянная пешеходная тропа (из деревни в отдаленную от нее школу, на реку, озеро). Если же перед вами воткнутый в балластный песок тонкий шестик с жестяной табличкой, — очевидно знак этот имеет временный характер. Он может стоять неподалеку от места ремонтных работ или перед каким-либо пионерским лагерем, расположившимся здесь на лето.

Человек, часто совершающий поездки по одному и тому же участку, может видеть каждую весной, как такие временные знаки вырастают один за другим на наших дорогах. Осенью они исчезают.

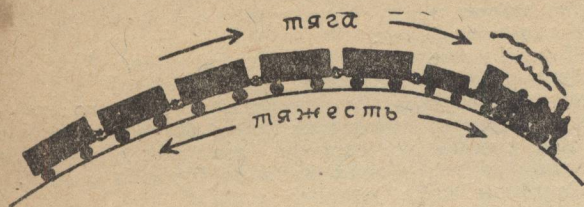
Из таинственных надписей, установленных вдоль полотна, чаще всего попадают на глаза пассажиру те, которые отмечают изменения профиля пути.

Железная дорога, как и всякая другая, извивается не только в горизонтальной плоскости, вправо и влево. «Извивается» она также вверх и вниз. Между тем подъемы и спуски для паровоза, тянущего за собою огромную тяжесть вагонов, скрепленных между собой сравнительно слабыми сцеплениями, гораздо более существенны, нежели для телеги на проселке или автомобиля на шоссе. Во-первых, поезд не может преодолевать очень больших уклонов. Полотно железной дороги строители выравнивают поэтому так, что зачастую не легко на-глаз заметить (особенно в темноте, ночью), где кончается спуск и начинается подъем. Они слишком отлоги. Машинисту же как раз очень важно знать это: даже незначительный уклон требует заметного изменения в работе паровоза; наряду с этим в тех, совсем нередких случаях, когда длинный состав оказывается во время движения на участке пути, на котором подъем и спуск следуют друг за другом, поезд как бы превращается в два эшелона, одновременно подверженных действию совершенно различных сил.

Взгляните на два наших рисунка, и вы без особого труда поймете, в чем тут дело. В первом случае в месте перелома профиля хвост поезда как бы настигает головные вагоны. При невнимательном управлении паровозом тут произойдет нечто вроде «внутреннего столкновения поездов». Неумелый машинист может поломать, побить вагоны. При излишнем усилии он может

порвать сцепки. Чем грозит второй случай, вы поймете сами из этого рисунка. Такие места на дороге называются «обрывными».

Значит, дорога должна особыми знаками держать машиниста в курсе того, по какому пути он в данный момент ведет состав. Все трудные пункты должны отмечаться. В опасных местах — точнее, перед ними — должны быть соответственные предупреждения.

К таким предупредительным знакам относится странное сооружение, нечто вроде перевернутой буквы А (№ 5), укрепленной на столбе. Ее можно видеть всегда около «обрывного» места.

Но хороший машинист хочет знать не только такие «опасные» места. На любом подъеме он ведет поезд не так, как на спуске или ровном месте. В зависимости от крутизны и пологости пути, от его подъема машинист увеличивает или уменьшает расход пара, прибавляет или убавляет скорость. Это придает плавность движению состава, экономит топливо, сберегает и путь и вагоны.

Чтобы облегчить задачу машиниста, все переломы пути на дороге означаются особыми метками.

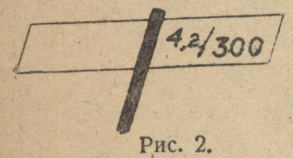

Рис. 2.

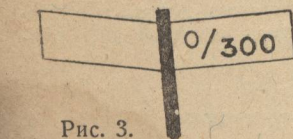

Рис. 3.

ровный участок пути — «площадку». На всех таких табличках выписаны цифры, имеющие вид дробей.

Что говорит, например, значок на рис. 4?

В том месте, где он расположен, железнодорожное полотно, идущее, в общем, все время по склону горы, меняет свой уклон. Направо спуск к этому пункту довольно отлог. На протяжении километра и ста метров полотно понижается на два и две десятых метра (или на 22 десятичных), считая на один километр. Левее спуск продолжается, но становится более крутым (рис. 5). Здесь, на длине в один километр, поезд спустился бы на 46 десятичных (на 4,6 метра). Но этот спуск короче километра, он равен лишь 600 метрам, а в его конце машинист увидит следующий знак, например такой (рис. 2) или такой (рис. 3).

В первом случае далее следует ровная трехсотметровая «площадка», во втором — довольно значительный, но короткий подъем. Если дощечка пуста, зна-

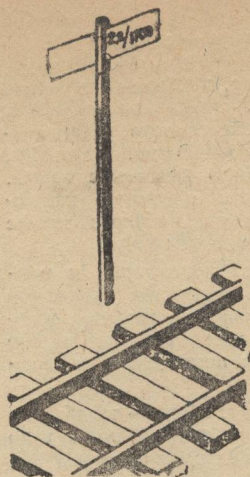

Рис. 4.

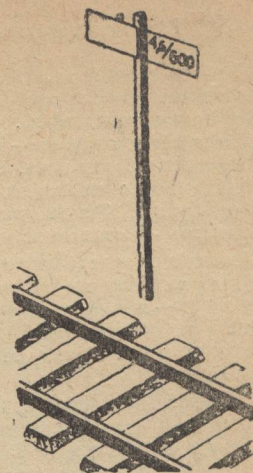

Рис. 5.

чит, надпись сделана с противоположной стороны: она предназначена для встречных поездов.

Вот, пожалуй, и все основные, важнейшие дорожные знаки. Но, кроме них, любопытный глаз может заметить из окна вагона немало других, более редких пометок, сигналов и надписей.

Порою он увидит низко укрепленную над землей дощечку со странной надписью: «место закладки хлопущек». «Петарды», или «хлопушки», — маленькие взрывчатые снаряды, которые можно положить на рельсы под колеса проходящего поезда. Услышав звук взрыва, машинист тотчас остановит паровоз. Петарды применяются не часто, обычно лишь в случае внезапной порчи пути или при таких явлениях в атмосфере (буран, густой снег, туман), которые могут скрыть от водителя закрытый семафор. Если поезд случайно и долго остановился на перегоне, его также ограждают петардами. Их укладывают в заранее намеченных местах.

Может статься, на глаза пассажиру попадутся дробные цифры, выписанные на телеграфных столбах, на фоне особых цветных кружков. Числитель представляет собою порядковый номер столба, считая от начала данного участка (каждый участок включает в себя обычно несколько сот столбов). Знаменатель такой дроби означает год, в котором установлен данный столб на месте обветшавшего своего предшественника.

Можно обратить внимание и еще на один род двузначных цифр, выбитых на каждой шпале, или же вытесненных на особых пломбочках, прикрепленных к шпале. Эти цифры — 29, 30, 35, 40 — означают год, когда положена данная шпала.

Все эти значки-сигналы нужны для четкой стахановской работы наших железнодорожников. Они нужны для того, чтобы поезда ходили быстрее, точнее, с меньшим расходом воды и топлива, без всяких аварий, с наименьшим изнашиванием подвижного состава. Они нужны для наиболее быстрого и удачного производства ремонтных работ. Они необходимы для нашей безопасности.

Изо дня в день железнодорожники следят за их состоянием, подновляют обветшалые, удаляют закрывающую их траву, делают их заметными для поездной бригады.

Дело каждого гражданина помочь этой важной работе своим бережным отношением к дорожным знакам.

«СЕМЕЙСТВО СЕМАФОРОВЫХ»

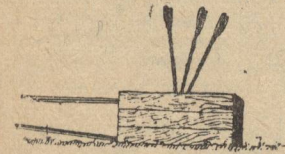
Внук оптического телеграфа — семафор

Лет сто с лишним назад, до того, как вошел в жизнь электрический телеграф Морзе, люди пользовались оптическим телеграфом. На высоком месте устанавливался особый аппарат — вышка с крыльями. Пластины, составляющие крылья, можно было двигать с земли. Каждое новое положение крыльев означало какую-либо букву. Такое приспособление носило название «семафор» — «знаконосец», «сигналоноситель».

Аппарат Морзе быстро вытеснил неуклюжий и медленный телеграфный семафор из ведомства связи. Но его внук — железнодорожный семафор — донныне здравствует на нашем транспорте. Более того, он за это столетие оброс целым семейством помощников и заместителей.

Семафор, наверное, видел всякий. Это — столб, или решетчатая балка, в верхней части которой укреплено подвижное крыло и фонарик. С крылом соединены два цветных стекла — зеленое и красное. Если крыло стоит горизонтально, — фонарик светит сквозь красное стекло. Поднятое крыло передвигает к фонарю зеленый фильтр. Таким образом, крыло, поднятое вверх на 45° днем, и зеленый свет ночью говорят машинисту подходящего поезда: «Проезжай! Путь свободен!». Наоборот, красный свет и лежащее крыло требуют «Стоп! Путь занят!».

Семафор сравнительно очень простой прибор. Приводится он в движение хотя и издали, но несложным по существу способом. Накручивая на железное колесо длинный километровый стальной трос, железнодорожники открывают и закрывают путь поезда.

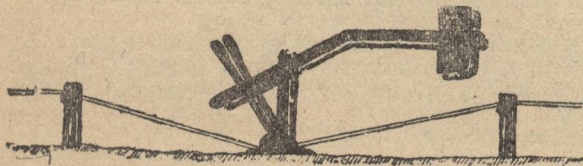

На станции в особой загородке или внутри специальной будки вы можете увидеть аппарат с большим железным рычагом. Это и есть начало линии, ведущей к семафору. Вдоль станционных путей тянутся вдали низенькие столбики (чаще сделанные из таврового железа) с укрепленными на них блоками и перекинутым по блокам тросом. Трос этот то идет открыто, над землей, то ныряет в какие-то деревянные желоба (например,

проходя под рельсами). Он и натягивает поворотное устройство наверху семафора.

Порою, однако, вы встретите на середине этого троса странное сооружение, как будто прерывающее трос. Но это вам только кажется. Это — компенсатор, подвижной груз, поддерживающий одно и то же натя-

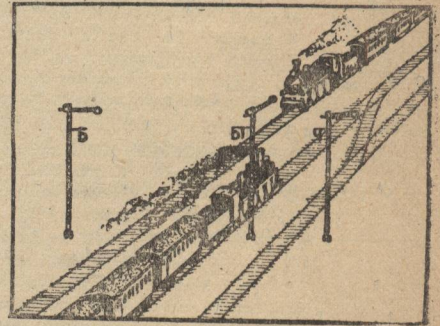
жение длинного троса во время атмосферных и температурных изменений. Как видите, простой способ передвижения крыльев семафора требует все же целого связанного с ним «хозяйства», разбросанного на значительном протяжении. От точной работы всех его частей и деталей зависят скорость, точность, благополучие движения поездов. Неожиданная поломка может вызвать аварию и даже катастрофу с человеческими жертвами.

Тем не менее часто можно видеть ребят, забавляющихся бросанием камешков в крылья семафоров, или взрослых, небрежно перебегающих через семафорные тросы без всякой мысли о том, к каким последствиям это может привести. Каждый из нас должен всячески бороться с этим.

Семафоры возле крупных станций нередко встречаются по несколько сразу. Но машинист знает, что к нему относится лишь тот из них, который стоит над нужным ему путем или справа по движению.

На нашем рисунке прибывающий на станцию поезд задерживается и стоит у закрытого входного семафора. Уходящий состав, наоборот, свободно минует открытый выходной семафор; крайний правый семафор на запасном пути также закрыт.

Что означают буквы, прикрепленные к семафорным мачтам? Это просто — собственные имена семафоров. Вместо того чтобы долго и запутанно объяснять: «Откройте тот входной семафор, который стоит на третьем запасном пути недалеко от моста» — начальник станции коротко прикажет: «Открыть семафор Ш». Обычно семафоры с одной стороны станции означаются первыми буквами азбуки, с другой — последними. Входные семафоры на станциях с многими запасными путями делаются многокрылыми, чтобы указывать точнее, на какой путь принимается поезд.

Брат уличного светофора

На дорогах с большим движением, где поездов много, а желательно пропускать их еще больше, на смену семафору приходит светофор. Железнодорожный светофор очень похож на светофор уличный. У него такие же три огня — красный, желтый, зеленый. Зеленый разрешает машинисту проходить мимо полным ходом, желтый предлагает идти дальше медленно, красный приказывает тотчас же остановиться.

На улице светофором управляет либо часовой механизм, расположенный неподалеку, либо сидящий в будке регулировщик. На железной дороге, на перегонах, регулировщиками являются сами проходящие поезда.

Проходя мимо первого светофора, поезд замыкает электрический ток в рельсах, и вместо зеленого огня над ним зажигается красный. Когда поезд минует сле-

дующий светофор, красный свет загорается здесь, а в предыдущем светофоре в этот же миг он заменяется желтым. Наконец, при проходе третьего по порядку светофора в самом заднем вспыхивает зеленый фонарь, а в среднем — желтый. (Иногда добавляется еще четвертый — огонь лиловый, регулирующий маневры).

Это устройство чаще всего соединяют с электрическим управлением станционными светофорами и стрелками из одного центрального поста. Такая система называется «автоблокировкой». Конечно, она вернее обеспечивает порядок на линии, чем ряды semaфоров, расположенных по пути и управляемых вручную, по телефонным приказам. В СССР сейчас оборудуются светофорами важнейшие дороги.

Помощник semaфора

Там, где поезда ходят с большой скоростью, около станций, расположенных внизу после длинного спуска, «под горой» или после заворота, в помощь semaфору придают еще сигнальный круг. Укрепленный на столбе, он может располагаться либо вертикально, либо горизонтально. В первом случае при этом открыт желтый огонь, во втором — молочнок-белый. Лежащий круг означает свободный путь, стоящий заставляя машиниста убавить ход: неподалеку впереди — закрытый semaфор.

Перед кругом бываюг расположены три уже знакомых нам перечеркнутых доски (см. рис. 1, № 10).

Очень часто пассажиры в вагоне негодуют на остановку поезда у закрытого semaфора. Но они умили бы свой гнев, если бы им пришлось когда-либо увидеть, что получается, если, проскочив случайно закрытый semaфор, поезд налетает на остановившийся почему-либо на перегоне предыдущий состав.

За опоздание, вызванное простоем у semaфора, машинист не отвечает, а проход закрытого сигнала считается крупнейшим проступком. И — правильно!

Жонглерский номер

Вы смотрите из окна. Поезд полным ходом несется по станционным стрелкам. Очевидно, остановки не будет. Вдруг вы замечаете вдали на платформе человека, подошедшего к самому ее краю. На вытянутой руке он протягивает навстречу паровозу какое-то проводное кольцо. На паровозе тоже заметно оживление. Один человек высунул из окна с таким же точно кольцом. Другой — вылез на подножку и протянул руку... Раз-два! Кольцо с платформы повисает на руке у кочегара, кольцо машиниста на полном ходу оказывается в руках начальника полустанка. Он тотчас же отворачивается с самым равнодушным видом, а вы, пролетая мимо него, видите на этом кольце какой-то металлический продолговатый стержень, спирально обвитый медными выступами. Для чего это?

Если бы обмена этими предметами не состоялось, поезд остановился бы, не выезжая за пределы станции. Помощнику машиниста пришлось бы слезать с паровоза, а начальнику станции бежать во весь дух к голове поезда... И все — потому, что вы едете по одноколейной дороге, а таинственный медный предмет — очень важная вещь — станционный проездной жезл.

На таких дорогах на каждом перегоне разрешается быть только одному поезду, иначе возможна страшная вещь — столкновение. Здесь на одни semaфоры полагаются опасно. Поэтому установлено правило: машинист не имеет права покидать станции, не передав ее служащим жезла, привезенного с предыдущей остановки, и не получив взамен нового. (Он его отдает на следующем полустанке).

Вот какими сложными способами приходится ограждать безопасность перевозимых по дороге пассажиров и грузов.

Вот как много интересного и нового можно увидеть, внимательно смотря из окна поезда. Попробуйте же при первой своей поездке по железной дороге взять с собой этот номер «Костра» и проверить рассказанное в нем на практике.

ГНЕЗДО ИВОЛГИ

Иволга — одна из самых пугливых и осторожных птиц. Скрываясь постоянно в самой густой листве, она лишь громким криком дает знать о своем присутствии, оставаясь недоступной для наблюдения. И совершенно особый прием применяет иволга при устройстве своего гнезда. Она вьет его в гуще листвы, поближе к верхушке дерева и подальше от ствола, там, где ветки настолько тонкие, что даже белке едва ли удержаться на них. Гнездо не имеет под собой опоры, а как бы подвешено наподобие колыбели между двумя ветками, очень близко к углу образуемой ими вилки. Никакого признака гнезда на дереве! Тем более, что сами птицы нередко целыми часами остаются вдали от гнезда, если заметят присутствие «посторонних» или их слуха коснутся подозрительные, хотя бы едва слышимые звуки.

Но если даже и удастся как-нибудь случайно найти гнездо иволги, все равно до него не добраться, ибо, как сказано, висит оно высоко, на тонких веточках, далеко от ствола, то есть в совершенно недоступном для человека месте.

Не легче и сфотографировать такое гнездо. Однако одному ловкому фотографу все же удалось это. Вероятно, он, влезши на дерево, осторожно спилил несколько сучьев и открыл таким образом вид на гнездо. Сделанный им снимок (см. фото) показывает на ретушированном фоне нетронутое гнездо иволги с сидящим в нем птенчиком.

ЭССИПАТЛ И ВЛАДЫКА ТРОЗНЫЙ ЧЕРВЬ

Шотландская сказка

Рисунки В. КОНАШЕВИЧА

авным - давно жил-был на севере Шотландий один фермер. У него было семь сыновей. Старшие сыновья носили самые обыкновенные шотландские имена, которые и вспоминать не стоит. А младшего, седьмого, люди прозвали Эссипатл. Это очень странное прозвище, оно значит: «тот, кто валяется в золе».

Пожалуй, Эссипатл заслужил свое прозвище, потому что он и в самом деле любил валяться на куче золы, во дворе фермы.

В длинные летние дни, когда пчелы сонно жужжат и крошечные букашки замирают в дремоте, он лежал там по целым часам, пересыпая золу между пальцами, как песок на морском берегу. Греясь на солнышке, он сам себе рассказывал сказки, и на уме у него были только тролли да великаны, эльфы да гномы.

А старшие братья в эти часы усердно работали в поле. Они насмешливо показывали пальцами на маленького мечтателя и говорили друг другу, что он настоящий Эссипатл, совсем никудышный малый.

Возвращаясь домой с работы, они толкали его и дразнили. Они нарочно заставляли его таскать мусор на свалку, торф из торфяной кучи и воду из ручья, вообще исполнять всякую грязную и неприятную работу, за которую никто из них не хотел браться.

И Эссипатл послушно таскал торф, черпал воду, а сам все время думал о троллях или мечтал о великих подвигах, которые он совершит, когда вырастет.

Сгибаясь над полным ведром воды, он говорил старшим братьям: «Когда я вырасту,

не надо будет таскать воду из ручья, она сама побежит в рукомоийник. Уж я придумаю, как это сделать».

И старшие братья смеялись над ним.

* * *

Как-то раз королевский гонец проскакал во весь дух по стране, разнося повсюду страшную весть. Накануне вечером рыбаки, выехавшие на лодках в море, увидели издали Мастера Стуруорма, то есть Владыку Грозного Червя, а все знают, что это — самый большой, самый главный и самый прославленный из всех Морских Змеев. Живи он в наши дни, хвост его протянулся бы до Исландии, в то время как морда касалась бы Нордкапа.

Повернув морду к берегу, страшное чудовище открывало пасть и зловеще зевало, как бы желая сказать, что оно очень голодно, и если его не накормят, погубит все живущее на земле — человека и зверя, птицу и ползучих тварей.

А дыхание змея — это все знали — было так ядовито, что опаляло точно огнем все, на что он дышал. Если бы страшному чудовищу вздумалось поднять голову и только один раз дохнуть губительным паром на сушу, цветущая страна тотчас превратилась бы в пустыню.

Вы легко можете себе представить, что все люди помертвели от ужаса при одной мысли о страшном несчастье, угрожавшем стране.

Король созвал на торжественное совещание всех своих советников и спросил их, не могут ли они придумать такого способа, который предотвратил бы опасность.

Целых три дня совещались важные, боро-

дательные люди. Они высказали множество предложений, произнесли невероятное количество самых мудрых слов, но — увы! — ни один из них не мог придумать, как прогнать Владыку Грозного Червя.

Наконец, к вечеру третьего дня, когда надежда уже покинула всех, дверь зала открылась, и вошла королева.

Надо вам сказать, что эта королева была второй женой короля. В народе ее не любили за высокомерие и заносчивость. Она плохо обращалась со своей падчерицей, принцессой Джемделавли, и вечно шепталась со знаменитым волшебником, которого все боялись.

Степенные советники неодобрительно взглянули на королеву, она же смело вошла в зал совета, стала у трона и заговорила громким, ясным голосом:

— Вы думаете, что вы храбры и сильны, о старейшины, что вы способны защищать народ! Может быть, это и так, когда вам приходится сталкиваться со смертными. Но вы не способны бороться со змеем. Перед ним ваше оружие все равно что солома. Не силою рук, а только одним колдовством можно его победить. Итак, выслушайте мои слова, хотя я и женщина. Посовещайтесь лучше с волшебником, от которого ничто не скрыто. Он знает все тайны земли, воздуха и моря.

Ни королю, ни его приближенным не понравился этот совет. Они ненавидели волшебника, считая, что он оказывает дурное влияние на королеву. Но так как сами они ничего не могли придумать, то волей-неволей пришлось послушаться королевы и послать за колдуном.

Колдун тотчас явился на зов, этот длинный, тощий, страшный человек: борода его доходила до колен, волосы окутывали его, как мантией, а лицо его было блее, чем известь. Казалось, что он всю жизнь просидел в темноте, боясь показаться на солнечный свет.

Советники и король смотрели на колдуна с отвращением и страхом. Но ведь никто другой не мог им помочь. Поэтому они рассказали волшебнику все и просили у него совета и помощи. Он же, важно взглянув на них, объявил, что будет думать до завтра, а завтра придет и скажет, что надо делать.

На другой день волшебник пришел к королю и подал такой совет, что волосы у придворных поседел от ужаса.

— Можно умиловать Великого Змея, — сказал злой волшебник, — но для того, чтобы он пощадил страну, необходимо каждую субботу бросать ему на съедение семь молодых девушек, самых красивых, которые только найдутся, — иначе спасения нет. Испробуйте это средство раз или два, и если оно не смягчит Грозного Червя и не побудит его удалиться, тогда можно будет применить другое, уже последнее средство, — но оно так ужасно, что пока не стоит и говорить о нем, чтобы не потрасти всех сердец.

Что было делать королю и советникам? Они ненавидели и боялись волшебника. Совет его был ужасен. Но, чтобы спасти страну, пришлось послушаться колдуна. Король поневоле издал жестокий приказ.

И вот каждую субботу королевские слуги хватали семерых прекрасных, ни в чем неповинных девушек, приносили их на берег связанных по рукам и ногам и оставляли одних на утесе, вдававшемся в море. Чудовище протягивало свой длинный раздвоенный язык и слизывало их себе в пасть, а весь народ смотрел на это с вершины высокого холма. Вернее, смотрели мужчины, с застывшими, окаменелыми лицами, а женщины закрывались передниками и громко рыдали.

— Неужели нет никакого другого средства?! — кричали они. — Неужели нельзя спасти страну как-нибудь иначе?

— Я не боюсь Владыки Грозного Червя! — крикнула Эссипатя.

Но мужчины только стонали и качали головами.

— Нет другого средства, — говорили они, — нет.

Но вот как-то раз негодующий, детский голос прозвучал в толпе:

— Разве нет среди вас ни одного настоящего мужчины, который сразился бы с чудовищем, убил бы его и спас бы жизнь девушкам? Если нет, за это возьмусь я. Я не боюсь Владыки Грозного Червя!

Это крикнул мальчик Эссипатл, и все оглянулись на него, пораженные, а он смотрел на громадного Морского Змея, гневно стиснув пальцы, и голубые глаза его сверкали, полные сострадания и возмущения.

— Бедный малый сошел с ума. Разум у него помутился от этого зрелища, — перешептывались люди. Они окружили мальчика, стараясь приласкать его и успокоить, но тут подошел старший брат Эссипатла и со всего размаха ударил его по голове.

— Тебе сразиться с Грозным Червем! — презрительно крикнул он. — Похоже на то! Ступай домой, заройся в свою золу и перестань болтать чушь.

Он схватил Эссипатла и потащил его прямо домой.

Но и вернувшись домой, Эссипатл не переставал твердить, что он убьет Грозного Червя. В конце концов братья так рассердились за хвастовство, что начали бросать в него камнями, и мальчику пришлось спастись бегством.

Но и этого мало.

В тот же вечер шестеро братьев молотили рожь в амбаре, а Эссипатл, как всегда, лежал в золе и думал свою думу, пока не пришла его мать и не приказала ему сбежать к братьям и позвать их ужинать.

Мальчик послушался, но едва он вошел в амбар, братья в отместку за то, что он убежал от них днем, набросились на него, сшибли его с ног и так завалили соломой, что если бы не отец, пришедший из дому узнать, почему они так замешкались, Эссипатл, наверное, задохся бы.

За ужином, когда мать бранила старших сыновей, говоря, что только труссы набрасываются скопом на ребят, которые моложе и меньше их, Эссипатл поднял глаза, опущенные в миску с овсянкой.

— Не огорчайся, мать, — сказал он. — Ведь я мог бы сразиться с ними, если бы захотел; и уж поверь, что я их отколотил бы.

— Что же ты не попробовал? — закричали все братья, давась от смеха.

— Я знал, что мне понадобятся все мои силы, когда я пойду сразиться с огромным

Грозным Червем, — серьезно ответил Эссипатл, — и не хотел тратить их попусту.

Тут уж не только братья, но и отец и мать захохотали громче прежнего.

А время все шло. Каждую субботу Грозному Червью бросали семерых девушек на съедение. И, наконец, в народе заговорили, что больше так продолжаться не может: ведь скоро в стране не останется ни одной девушки.

Король опять созвал своих старейшин, и после долгого совещания они решили, что надо еще раз призвать волшебника и спросить у него, какое другое, последнее, средство он знает.

— Какое бы это ни было средство, — говорили старейшины, — оно не может быть ужасней того, которое мы применяем теперь.

Но они не знали, до какой степени жестокая королева ненавидела свою падчерицу, принцессу Джемделавли, а злой волшебник знал это очень хорошо. Знал он и то, что королева непрочь совсем избавиться от падчерицы, и вот он придумал способ угодить королеве. Он явился в Совет и, притворяясь очень огорченным, сказал, что единственное, что остается сделать, — отдать принцессу Джемделавли Грозному Червью. Тогда уж он наверное уплывет.

Как только он это сказал, — страшное безмолвие воцарилось в зале. Все закрыли лица руками, потому что никто не решался взглянуть на короля.

Король нежно любил свою дочь, она была ему дорога, как зеница ока, но он был справедлив и сознавал, что нехорошо щадить свое родное дитя и заставлять других отцов жертвовать дочерьми ради спасения страны. Не помня себя от горя, он подал знак рукой.

И вот престарелый законовед, глава Совета, встал и, тяжело вздыхая, хотел уже произнести приговор принцессе. Но не успел он вымолвить слова, как королевский оруженосец выступил вперед.

— У каждого гада есть хвост, — сказал оруженосец, — а приговор, который собирается произнести наш законовед, поистине, — ядовитый гад. И хвост у этого гада — злой волшебник. Если Владыка Грозный Червь не удалится тотчас же после того, как поглотит принцессу, следует угостить его не девушкой нежной и юной, а этим жестоким, тощим волшебником.

При этих словах раздались столь громкие возгласы одобрения, что злой волшебник весь съезжился, и его бледное лицо позеленело.

Итак, глава Совета произнес оба приговора: один — принцессе, другой — волшебнику. Но король повелел, чтобы приговор над принцессой был приведен в исполнение не рань-

ше как через три недели. Он хотел выиграть время и за эти три недели отправил во все соседние королевства послы с воззванием, в котором говорилось, что если какой-нибудь храбрец возьмется прогнать Грозного Червя и спасти принцессу, он получит ее в жены.

В приданое за принцессой обещали дать все королевство и, кроме того, прославленный меч, который в древние времена принадлежал скандинавскому богу Одину. Этим мечом Один сражался и побеждал всех своих врагов.

Меч назывался «Сиккерснеппер», что значит «Верноразящий», и ни один человек не мог устоять против него.

Когда в соседних королевствах узнали про воззвание короля, все молодые храбрецы встали на его защиту, им казалось, что убить морское чудовище совсем не так трудно, а прекрасную жену, цветущее королевство и добрый меч найдешь не каждый день. Ведь никто из этих удалцов не видал Владыки Грозного Червя.

И вот тридцать шесть воинов прибыли в королевский дворец. Каждый из них твердо надеялся завоевать обещанную награду.

Но король послал их всех посмотреть на огромного Грозного Червя, лежавшего в море, на его необъятную открытую пасть. Увидев змея, двенадцать воинов внезапно занемогли, а двенадцать так испугались, что пустились бежать без оглядки и ни разу не остановились, пока не добрались до своих родных мест. Таким образом, только двенадцать из тридцати шести храбрецов вернулись в королевский дворец, но и эти были так подавлены зрелищем, что от их храбрости не осталось следа. Ни один из них не решился даже сделать попытку убить Грозного Червя.

Три недели прошли, и вот наступил вечер накануне того дня, когда предстояло пожертвовать принцессой. В тот вечер король решил хоть на час отогнать тяжелые мысли, терзавшие каждого во дворце. Вот почему он устроил торжественный ужин.

Но вы легко представляете себе, какой это был невеселый пир: все только и думали о том, что должно совершиться завтра, и никто не мог ни есть ни пить.

Когда ужин окончился, король позвал к себе своего старого оруженосца, вернулся в главный зал и медленно взойдя на свой трон, стоявший на высоком помосте. Этот трон был не похож на теперешние: это был просто тяжелый ларь, в котором король хранил все самые дорогие свои сокровища.

Дрожащими руками отодвинул старый король железные засовы, поднял крышку ларя и вынул чудесный меч Верноразящий, принадлежавший некогда славному богу Одину.

Преданный оруженосец, бывший вместе с королем в сотнях битв, следил за ним глазами, полными сострадания.

— Клянусь, — сказал старый король, скрестив большие пальцы обеих рук на Верноразящем, — что и меч и я — мы погибнем прежде, чем упадет хоть волос с головы моей дочери. Ступай, мой старый товарищ, и прикажи приготовить мою ладью, поставить на ней паруса и повернуть ее носом к морю. Я сам пойду сражаться с Грозным Червем и, если я не вернусь, поручаю тебе защищать мою возлюбленную дочь. Быть может, моя жизнь спасет ее жизнь.

* * *

Между тем воззвание короля дошло и до самых глухих уголков королевства. Весь народ горевал, жалея принцессу Джемделавли. Горевал и фермер, и его жена, и шестеро их сыновей — все, кроме Эссипатла, который сидел в золе и не говорил ни слова.

В роковой вечер на ферме улеглись спать рано, потому что наутро все домашние собирались взойти на вершину холма у моря, чтобы видеть, как Грозный Червь поглотит принцессу. Все, кроме Эссипатла, которого решили оставить дома, стереж гусей.

Мальчик так огорчился этим, что не мог спать: ведь он задумал большое дело. И вот, лежа в углу на золе и перевертываясь с боку на бок, он услышал, как его отец и мать разговаривают, сидя на огромной кровати-ларе. Прислушавшись, он понял, что они ссорятся.

— До холма над морем очень уж далеко, — говорила мать. — Боюсь, что мне ни за что туда не добраться. Пожалуй, мне лучше остаться дома.

— Пустяки, — возразил отец. — Подумай, как будет интересно: ведь там соберется все побережье. Ты поедешь сзади меня в седле на моей доброй кобыле Быстроногой.

— Мне не хочется утруждать тебя этим, — сказала жена, — потому что мне кажется, что ты разлюбил меня.

— Да ты помешалась! — в досаде крикнул фермер. — Почему ты думаешь, что я тебя разлюбил?

— Потому что ты перестал мне рассказывать свои тайны, — ответила жена. — Да вот недалеко ходить — возьмем, к примеру, хоть эту самую лошадь Быстроногую. Целых пять лет я умоляла тебя сказать мне, почему, когда ты сам едешь на ней верхом, она летит быстрее ветра, а если кто другой сядет на нее, она тащится, как убогая кляча.

Муж рассмеялся.

— Я не потому скрывал это, хозяйка, что мало любил тебя, — сказал он, — а потому,

что мало тебе доверял. Ведь женский язык болтает безудержу, а я не хотел, чтобы другие люди узнали мою тайну. Но если мое молчание ранит твое сердце, я скажу тебе все. Видишь ли, когда я хочу остановить Быстроногую, я один раз хлопаю ее по левому плечу. Когда я хочу заставить ее бежать, как другие лошади, я два раза хлопаю ее по правому плечу. Когда же я хочу, чтобы она летела, как ветер, я свищу в гусиное горлышко. Но ведь я не знаю, когда мне понадобится, чтобы она летела, как ветер, и потому всегда ношу с собой гусиное горлышко в левом кармане куртки.

— Значит, вот как ты управляешься с этой лошадкой, — сказала жена фермера, очень довольная тем, что узнала тайну, — и вот куда подевались все мои гусиные горлышки. Ну, ты хитрый малый, хозяин. А теперь, когда я все узнала, можно мне и заснуть.

Эссипатл уже не перевертывался с боку на бок в золе. Он сидел во мраке, щеки у него горели и глаза сверкали.

Мальчик понял, что наконец-то пришел его час.

Он терпеливо ждал, пока не догадался по храпу родителей, что они заснули. Потом подкрался к отцовской одежде, вытащил гусиное горлышко из кармана куртки и бесшумно выскользнул из дому. Очутившись на дворе, он стрелой помчался к конюшне, оседлал и взнуздывал Быстроногую, перекинул повод ей через шею и вывел ее из ворот конюшни.

Добрая кобыла, непривычная к новому конюху, становилась на дыбы, лягалась, рвалась вперед, но Эссипатл, помня об отцовской тайне, хлопнул Быстроногую по левому плечу, и она тотчас стала как вкопанная. Тогда он вскочил на нее, хлопнул ее два раза по правому плечу, и добрая лошадь с громким ржанием резво пустилась в путь.

Необычный звук, раздавшийся в ночной тишине, поднял на ноги весь дом. Фермер и шесть его сыновей, спотыкаясь, помчались вниз по лестницам, крича друг другу в волнении, что кто-то увел Быстроногую.

Фермер первый добрался до двери, и когда он увидел при свете звезд, как любимая его лошадь бежит по дороге, он крикнул во весь голос:

— Стой, прабитель, стой! Тпру, Быстроногая, тпру!

Услышав голос хозяина, Быстроногая остановилась. Все, казалось, погибло — потому что фермер и его сыновья бежали во всю прыть, и Эссипатл, неподвижно сидевший на спине Быстроногой, решил, что сейчас они доберутся и до него.

Но, к счастью, он вспомнил о гусином горлышке, вынул его из кармана и свистнул.

Быстроногая резво пустилась в путь.

Добрая кобыла тотчас же рванулась вперед и одним скачком перемахнула через холм, оставив погоню далеко позади.

Заря уже занималась, когда мальчик увидел море. Там впереди, на воде, лежало громадное чудовище, и Эссипатл подумал — непременно надо убить его. Всякий сказал бы, что глупо было даже мечтать о такой попытке. Ведь Эссипатл был щуплый, безоружный юнец, а Владыка Грозный Червь был так велик, что, как говорили люди, длина его равнялась четверти земной окружности.

Однако Эссипатл не испугался: под его лохмотьями билось сердце героя.

«Мне только надо вести себя осторожно, — подумал мальчик, — и разумом достичь того, чего я не могу добиться силой».

Он соскочил с Быстроногой, привязал добрую лошадь к дереву и пошел прочь от нее, внимательно присматриваясь ко всему окружающему, пока не подошел к маленькому коттеджу, стоящему на опушке леса.

Дверь была не заперта. Войдя, мальчик увидел старуху-хозяйку, крепко спящую на кровати. Он не стал ее беспокоить, сам снял с полки чугунок и внимательно осмотрел его.

— Это мне пригодится, — сказал он, — а старушка наверное не рассердится, когда узнает, что я взял чугунок, желая спасти жизнь принцессе.

Потом он вытащил из полупотухшего очага плитку рдеющего торфа и пошел своей дорогой.

Внизу, у самой воды, он увидел королевскую ладью с поставленными парусами, повернутую носом в сторону Владыки Грозного Червя. Ладью сторожил один единственный лодочник.

— Какое холодное утро, — сказал ему Эссипатл. — Неужто ты не замерз, просидев здесь всю ночь? Если хочешь, пойди на берег и пробегись, чтобы согреться, а я сяду в ладью и посторожу ее до твоего возвращения.

— Чепуха, — возразил лодочник. — А что скажет король, если он сейчас придет и увидит, что я оставил его славную ладью под охраной такого сопляка, как ты? Пожалуй, мне тогда не сносить головы.

— Как хочешь, — равнодушно ответил Эссипатл, шаря между скалами. — А я поищу хороших ракушек и зажарю их себе на завтрак.

Собрав ракушки, мальчик начал рыть ямку в песке, чтобы положить туда рдеющий торф. Лодочник с завистью смотрел на него: ему тоже захотелось есть.

Но вдруг мальчик дико закричал и подпрыгнул высоко в воздухе.

— Золото, золото! — кричал он. — Клянусь Тором, кто подумал бы, что здесь найдется золото?

Тут уж лодочник не выдержал. Позабыв об опасности, грозившей его голове, он выскочил из ладьи и, отпихнув Эссипатла, начал рыться в песке изо всех сил.

В это время Эссипатл схватил чугунок, вскочил в ладью, оттолкнул ее от берега и успел проплыть по морю полмили, прежде чем лодочник, который, конечно, не нашел никакого золота, понял, как его одурачили.

Лодочник очень рассердился, а старый король рассердился еще больше, когда он, окруженный придворными, спустился на берег,

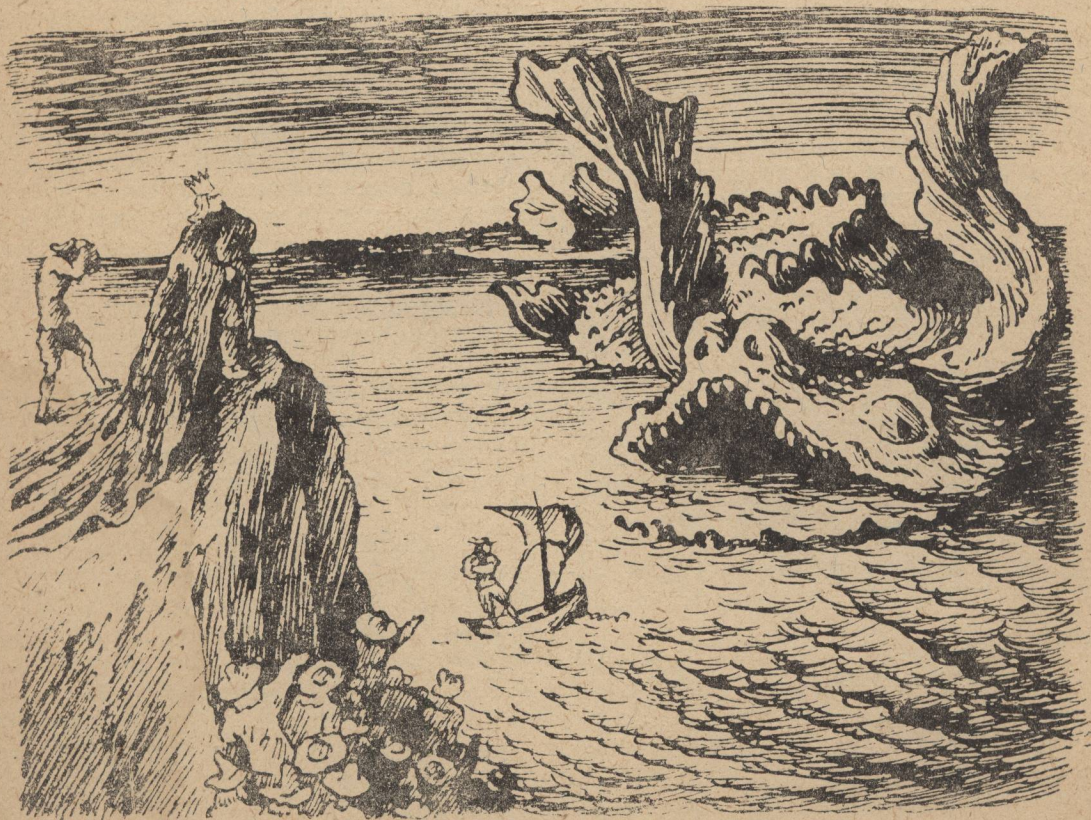
держа наготове славный меч Верноразящий и лелея тщетную надежду, что ему, слабому, дряхлому старику, удастся каким-то образом победить чудище и спасти дочь.

Но теперь, когда ладья уплыла и эта надежда пропала, королю оставалось только стоять на берегу вместе с быстро собиравшейся толпой подданных и смотреть на то, что произойдет.

И вот что произошло!

Эссипатл, медленно плывший по морю и внимательно смотревший на Владыку Грозного Червя, заметил, что страшное чудище время от времени зеваает, словно ждет-недождется своей недельной кормежки. Когда оно зевало, громадный поток морской воды устремлялся ему в глотку, затем снова выливался наружу через огромные жабры.

И вот храбрый мальчик, спустив парус, направил нос ладьи прямо в пасть чудища. Как только чудище опять зевнуло, ладью вместе с мальчиком втянуло в пасть, и они провалились через глотку Грозного Червя прямо в темные полости его тела. Ладья плыла все дальше, пока вода не стала убывать, выливаясь из громадных жабер. Наконец, ладья очутилась как бы на суше. Эссипатл выскочил из нее с чугунком в руках и вскоре добрался до печени чудовища. Помня, что

Эссипатл направил ладью прямо в пасть чудовищу.

рыбья печень очень жирна, он прокопал в ней дырку и сунул туда тлеющий торф.

Ай-ай-ай! Какой начался пожар! Эссипатл едва успел во-время вскочить в ладью. Владыка Грозный Червь, сведенный судорогой, отпрыгнул ладью, и, выскочив из его пасти, она, целая и невредимая, вылетела на сушу.

На море поднялось такое волнение, что и королю, и его дочери (она к тому времени сошла на берег, одетая, как невеста, в белое платье), и всем придворным, и всем деревенским жителям пришлось искать убежища на вершине холма и оттуда, с безопасного места, смотреть на то, что произойдет дальше.

Вот что произошло дальше.

Страшный Владыка Грозный Червь метался во все стороны, извиваясь и корчась. Он высунул из воды отвратительную голову, язык его выпал и с такой силой ударил по земле, что прорыл огромную трещину, в которую хлынуло море. Эта трещина образовала кривой пролив, который теперь отделяет Данию от Швеции и Норвегии.

Потом у чудища выпало несколько зубов. Оставшись на поверхности воды, они образовали острова, которые теперь называются Оркнейскими островами. Немного погодя выпало еще несколько зубов, и они сделались островами, которые мы теперь называем Шетландскими.

После этого зверь свернулся в комок и издох. Этот комок превратился в остров Исландию, и огонь, зажженный Эссипатлом при помощи рдеющего торфа, все еще горит там внутри. Вот почему в Исландии есть горы, извергающие пламя на эту холодную страну.

Когда все, наконец, поняли, что Владыка Грозный Червь действительно мертв, король, не помня себя от радости, обнял Эссипатла, поцеловал его и назвал своим сыном. Он снял свою королевскую мантию, надел ее на мальчика и прикрепил ему к поясу свой добрый меч Верноразящий. Затем позвал к себе дочь, принцессу Джемделавли, и, вложив ее руку в руку Эссипатла, объявил, что когда придет время, она станет женой Эссипатла, а тот будет правителем всего королевства.

Тут все сели на коней — причем Эссипатл ехал верхом подле принцессы — и среди общего ликования вернулись в королевский дворец.

Но когда они подъезжали к воротам, прислужница принцессы выбежала им навстречу,

сделала знак принцессе поклониться и прошептала ей что-то на ухо.

Лицо у принцессы потемнело, она повернула лошадь и подъехала к отцу. Она передала ему слова прислужницы, и лицо короля тоже потемнело, как грозовая туча.

Вот что оказалось; жестокая королева, радуясь мысли, что она навсегда избавится от падчерицы, все утро пиновала со злым волшебником, пользуясь отсутствием короля.

— Его надо тотчас же казнить! — воскликнул король. — Такого поведения простить нельзя.

— Трудно тебе будет найти его, — сказала принцесса. — Вот уже час, как он бежал вместе с королевой на самых резвых конях, которые только нашлись в конюшне.

— А я найду его! — крикнул Эссипатл, помчался, быстрый, как ветер, на своей доброй кобыле Быстроногой.

Вскоре он завидел беглецов, вынул меч и громко крикнул, приказывая им остановиться.

Они услышали крик, обернулись и расхохотались, увидев, что за ними гонится только тот мальчик, что всегда валялся в золе.

— Дерзкий мальчишка! Я отрублю ему голову! Я проучу его! — крикнул волшебник и поехал назад к Эссипатлу. Он никогда не был воином, но знал, что обычное оружие не может повредить его заколдованному телу, и ничего не боялся.

Но он не знал, что у Эссипатла в руках тот самый меч, которым славный бог Один убил всех своих врагов, — а перед таким волшебным оружием и колдун бессилён. Одним ударом меча мальчик разрубил его тело так же легко, как если бы это было тело кролика, и волшебник, мертвый, свалился с коня.

Тут подъехали приближенные короля, тоже пустившиеся в погоню, но ехавшие медленнее Эссипатла, так как их лошади не могли угнаться за Быстроногой. Они схватили за повод коня королевы и отвели его вместе со всадницей назад во дворец.

Королеву привели в Совет, судили и приговорили к пожизненному заточению в высокой башне.

Что касается Эссипатла, то, когда наступило время, он женился на принцессе Джемделавли, и свадьбу сыграли очень торжественно: все пиновали и ликовали. А когда старый король умер, молодые заступили его место и много лет правили королевством.

*Перевод с английского
М. Кондратьевой.*

Несчастный случай

В. ВОЕВОДИН и Е. РЫСС

рисунки Н. РАДЛОВА

Новый председатель районного потребительского общества оказался отчаянным человеком. Он был еще молод. До того, как попасть в глухое северное становище, работал механиком на ленинградском заводе и совершенно не желал считаться со специфическими условиями заполярья. Фамилия его была Рубакин. Когда его подзатерло с гужевым транспортом и выяснилось, что олени, имевшиеся в его распоряжении, не справляются с перевозками, он съездил в Мурманск и с боем вырвал где-то четырех лошадей. На брюгу (пристань), к которой причалила баржа с насмерть перепуганными животными, собрался народ полюбоваться невиданным зрелищем. Пока лошади, храпя и кося глазами, выбирались на суровый берег, выдавшие виды поморы посасывали трубочки, сплевывали и порожались. С самых давних времен было известно, что из млекопитающих в этих местах могут прожить только киты да олени. Лошади казались удивительным и рискованным нововведением.

Рубакин суетился и командовал выгрузкой, делая вид, что не замечает неодобрительного молчания поморов. Тем не менее, он, время от времени, с опаской косился на Кононова.

Надо сказать о Кононове несколько слов. Кононов Александр Афанасьевич — самый старый житель становища — вырыл здесь землянку еще тогда, когда на сто километров вокруг не было ни одного даже самого маленького домика. Сейчас Кононов насчитывал, по общему убеждению, больше ста лет, мог предсказать погоду на месяц вперед, нюхом угадывал, куда пошли косяки, где рыба будет сегодня брать ярус и зайдет ли этой весной в губу сельдь.

Одним словом, это был самый уважаемый человек в становище. Кононов стоял, опираясь на палку, курил, и по лицу его никак нельзя было угадать, одобряет ли он четвероное новшество или издевается над вздорной идеей неопытного мальчишки.

К лошадям довольно скоро привыкли. Они возили бревна, ржали и ели овес и сено совершенно так же, как где-нибудь под Воронежем. Разница заключалась только в том, что в Воронеже сена было сколько угодно, а в становище не было совсем.

Сено везли сначала по железной дороге, потом на пароход. На рейде его перегружали в баржу, с баржи — на брюгу. Во-первых, это было дорого и хлопотно. Во-вторых, в плохую погоду перегружать сено на рейде было невозможно, и лошади голодали. Рубакину стали снится по ночам сеновалы, и он просыпался с криком. Тогда он пошел к Кононову за советом. Кононов чинил сеть, сидя на бревнышке. Рубакин присел рядом, и оба долго молчали.

— Как посоветуешь, Александр Афанасьевич, насчет фуража? — сказал, наконец, Рубакин равнодушным голосом.

— А что? — спросил старик.

— Да вот, понимаешь, лошадей кормить нечем.

— Сено давать надо, — сказал старик.

— Возить трудно.

Кононов усмехнулся.

— А ты посеи траву, — сказал он, — а потом высуши.

Рубакин посмотрел на старика. Старик явно издевался. Тогда Рубакин схватил его руку и крепко пожал.

— Спасибо тебе, дед, — сказал он взволнованным голосом. — Большое тебе спасибо. Верно говорят, что у старого человека ума на двух молодых хватает.

Сказав это, он ушел, оставив старика в состоянии полной растерянности.

Через два дня райпотребсоюз объявил набор рабочей силы для сельскохозяйственных работ. Это вызвало много споров и сомнений. Рубакин, однако, на собрании объявил, что сеять траву в становище решено по совету Кононова. Это произвело впечатление. Все взоры обратились на старика, который молчал, сопел и фыркал. Учитывая известную всем молчаливость поморов, это было принято за подтверждение. Если лошадей еще можно было представить себе в становище, то траву уж никак. Луга на берегу Ледовитого океана! Самые слова: пахота, сев, косьба казались здесь такими же нелепыми, как, например, вывозка снега в Сахаре.

Участок выбрали в ложбинке между двумя каменными грядами. Черные утесы защищали ложбинку от ветра.

Участок был засеян. Шло время. Часто, поздним вечером, когда ярко светило солнце и боты, удовлетворенно фыркая, привозили добычу из океана, можно было видеть бородатых рыбаков, забегавших до ужина поглядеть на черную, впервые перепаханную землю.

И вот, наконец, земля покрылась зеленым дымком. С каждым днем трава становилась выше и ярче. Пролетевшие мимо птицы, завидя ее, начинали беспокоиться: не заблудились ли они и не попали ли, вследствие роковой ошибки, вместо заполярья в одесскую область. Приближалась уборочная кампания, первая в этих местах за всю историю человечества. Тогда Рубакин снова пришел к Кононову.

— Вот, дед, — сказал он, — советовать ты советуешь, а отвечать мне придется. Ну, в какое ты меня положение поставил!

Старик, с аппетитом кушавший в это время уху из тресковой печени, забеспокоился. Он положил ложку на стол и уставился на Рубакина. Это означало: а что случилось?

— Траву-то косить надо, — продолжал Рубакин, — а чем ее косить? Пальцами? Я облазил все склады. Разумеется, ни одной косы. И то сказать, откуда бы здесь быть косам? Звонил в Мурманск — ни одной косы. Там, конечно, тоже не степная полоса. Вот ты мне и объясни, что делать.

Кононов хмыкнул, подумал и произнес:

— Да... этого дела здесь не того... В Москве косы, пожалуй, есть.

Рубакин хлопнул себя по лбу, вскрикнул:

— Ай, молодец старик! — и умчался на телеграф.

На бланке он написал адрес: «в Москву на

базу» и текст: «срочно, немедленно вышлите сорок кос».

Бланк он отдал телеграфисту и ушел, не предчувствуя ничего дурного.

Прошел месяц. Арктический ветер колыхал высокую траву на лугу. Уже все привыкли к тому, что в поселке есть лошади и даже хвостались этим перед соседними становищами. Ничего не предвещало готовой разразиться катастрофы.

Но вот, наконец, пришла телефонограмма о том, что пароход «Ястреб» вышел из Мурманска, имея на борту груз для становища. На следующий день перед вечером показался на горизонте дым. Медленно увеличиваясь, пароход вошел в бухту и, развернувшись, стал в ожидании катера.

На катере, волочившем за собой небольшую баржу, выехал Рубакин, чтобы принять груз, поговорить с капитаном и вообще послушать, что говорят едущие из центра.

Капитан «Ястреба» поджидал катер, перевесившись через фальшборт.

— Рубакин здесь? — крикнул он.

— Здесь Рубакин! — бодро ответил председатель потребления.

— Будьте вы прокляты, Рубакин! — загремел капитан. — Пусть мне на всю жизнь запретят плавать, если я еще раз соглашусь взять ваш проклятый груз!

— Позвольте, — удивился Рубакин, — в чем дело? Что вас беспокоит?

— Беспокоит! — капитан задохнулся от ярости. — Вы знаете, что ваши проклятые козы развели такую гадость на корабле, что хоть одеколоном опрыскивай!

— Какие козы? — слабым голосом спросил Рубакин и пошатнулся. — Вы хотите сказать косы?

И в этот момент он увидел на капитанском мостике рогатого и бородатого козла. Козел тряс бородой, как заправский моряк, и положил передние ноги на перила. Страшная истина мелькнула в несчастной рубакинской голове.

— Перепутали, проклятые! — прошептал он и прижал руку к нервно бившемуся сердцу.

— Вы знаете, — продолжал греметь капитан, — что двадцать восемь коз заболели морской болезнью, а эти дикие козлы забили двух штурманов и одного кока. Вы что, шутки шутите?!

* * *

В это время козел на капитанском мостике высадил рогами окно в рубке и удовлетворенно заблеял.

— Слушайте, — сказал Рубакин, — произошла ошибка. Это не мне груз, я не могу его принять. Мне нужны косы, а не козы. Понимаете: металлические, маленькие, спокойные. Вы этих коз отвезите обратно, я тут не при чем.

— Вы что, шутите? — удивился капитан. — Вы что, больны? Вы думаете, я отдам команду на растерзание вашим козлам? Может, у меня юнга на грани самоубийства. Может, у меня только один здоровый штурман, и тот третий час сидит запершись в каюте и отказывается открыть дверь.

Рубакин обернулся. Пот выступил у него на лбу. Пока он беседовал с капитаном, за его спиной команда парохода радостно выгружала коз на баржу. Три матроса подталкивали упирающегося козла, козел мотал бородой, бляял, но, под давлением превосходных сил противника, оторвался от палубы и опустился на дно баржи. Внизу Рубакин увидел уже штук пятнадцать сбившихся в кучу коз.

Ослабевшему Рубакину капитан вручил письмо с базы, сопровождающее коз.

«Очень рады, — было написано в письме, — что вы так энергично боретесь за животноводство на дальнем севере. Посылаем вам сорок коз самых лучших пород. По естественной с вашей стороны неопытности вы ничего не упоминаете о козлах. Так как без них увеличение стада невозможно, посылаем вам пять самых лучших козлов».

Вечером было созвано экстренное заседание правления Райпотребсоюза.

— Благодаря роковой ошибке легкомысленного телеграфиста, — начал Рубакин свою речь, — мы находимся в катастрофическом положении. Что делать, товарищи?

— Зарезать, — хором сказали члены правления. — Зарезать и съесть с картошкой.

— Нельзя, — возопил Рубакин, — они, проклятые, породистые. Это будет преступление.

Сорок минут члены правления молчали. Потом Кононов вынул изо рта трубку и произнес:

— Надо раздать в премию лучшим людям. Пусть выпутываются, как хотят.

Рубакин подошел к Кононову, обнял его и поцеловал.

— Ай, голова, — сказал он, — какая голова! Давайте составлять список. Ну, первому, конечно, выдать двух коз и одного козла нашему мудрейшему старику товарищу Кононову.

Члены правления заплотировали. Ужас мелькнул в глазах Кононова и трубка застучала о зубы. Но секретарь уже записывал в протокол, и ничего нельзя было сделать.

Коз роздали в премию. Отказываться было неудобно, потому что премирование происходило в торжественной обстановке.

Косы, настоящие металлические косы, прибыли со следующим пароходом. На этот раз Рубакин послал телеграмму, вызвавшую удивление своей точностью.

Козел тряс бородой, как заправский моряк.

«Немедленно вышлите, — телеграфировал он, — сорок металлических кос, дугообразных, заостренных с одной стороны, тех, которыми косят траву».

Пришлось выписать еще сена. На следующий год пришлось засеять гораздо большую площадь. Козы кой-как перезимовали и весной народили целую кучу козлят. Дети стали пить козье молоко и очень быстро привыкли к этому живительному напитку. Старые рыбаки в зимние вечера стали вязать мужьям рукавицы из козьей шерсти. На следующий год уже хватило своего сена. Сейчас в становище восемьсот коз. Козы бегают по улицам, летом с удовольствием едят низкорослый кустарник и мох, в изобилии растущий в окрестностях. Детям, живущим в становище, кажется, вероятно, что козы всегда водились на берегах Ледовитого океана.

У Кононова шесть коз. Он утверждает, что козье молоко самое вкусное в мире.

А Рубакин? Рубакин посмотрел, посмотрел, да и выписал восемьдесят коров. Так что сейчас в становище имеется большой скотный двор, доярки, телятницы, — словом, все, как где-нибудь под Воронежем. Рубакин и Кононов большие друзья.

В этом году становище выписало садовода. Он должен разбить на улицах палисадники, и как-то ни у кого не вызывает сомнения, что цветы безусловно вырастут. Ничего удивительного. Астры на берегу Ледовитого океана — подумаешь!

Играйте в хоккей!

Поздней осенью заканчивается футбольный сезон. Неохотно расстаются со своей любимой игрой футболисты. Снова надо ждать до будущей весны.

Но большинство футболистов зимой не отдыхает. Почти все они играют в хоккей. Хоккей так же интересен и увлекателен, как и футбол.

На севере, где зима продолжительна и тянется иногда гораздо дольше лета, хоккей очень распространен. Это не только один из самых увлекательных, но и весьма полезный вид спорта. После азартной веселой игры на свежем морозном воздухе ярким румянцем горят щеки, появляется аппетит, человек становится энергичней и бодрей. Хоккей прекрасно развивает мышцы и укрепляет органы дыхания и кровообращения.

Футболисты, умеющие хорошо кататься на коньках, без труда овладевают трудным мастерством игры в хоккей. Тактика, по сути дела, здесь и там одна. Очень многие лучшие футболисты нашей страны одновременно являются первоклассными хоккеистами.

Капитан футбольной команды московского спортивного общества «Динамо» Михай Якушин — один из сильнейших хоккеистов страны. Якушин быстро передвигается на коньках и великолепно владеет хоккейной клюшкой. Он с такой точностью бьет по маленьким хоккейным воротам, с какой снайпер стреляет в цель.

Многие знают замечательного футболиста в прошлом и одного из лучших тренеров в настоящем — Михаила Бутусова. До 1925 года Бутусов в течение тринадцати лет играл только в футбол. Когда он впервые вышел на лед с клюшкой в руках, он с трудом держался на ногах. Зрители смеялись:

— Смотри, Миша, не упали! А то тебя вместо мяча закатят в ворота.

Никто не верил всерьез, что Бутусов может стать хорошим хоккеистом. Но к общему удивлению уже через год Бутусов играл во второй команде сильного клуба, а через три года стал игроком сборной команды Ленинграда.

Чтобы играть в хоккей, нужно хорошее поле. Сделать его не трудно. Был бы мороз.

Лучше всего залить водой футбольное поле или другую ровную площадку. Мороз быстро сделает из

нее зеркальный, прозрачный ледяной каток. Поле для игры не должно быть меньше, чем сто метров в длину и семьдесят метров в ширину. Тренироваться можно и на уменьшенном поле длиной в 80 и шириной в 40 метров. На таких уменьшенных площадках играют детские школьные команды.

Длинные стороны поля называются боковыми линиями. На них устанавливаются бортики, чтобы мяч не улетал за границы поля. Короткие стороны называются лицевыми линиями.

Поперек поля проводится центровая линия, которая делит поле пополам. Посредине очерчивают круг радиусом в 9 метров. По этому кругу становятся игроки перед началом игры.

На середине лицевых линий устанавливаются деревянные, оплетенные железной сеткой ворота высотой в 120 см и шириной в 304 см. Ворота должны иметь форму ящика, чтобы мяч не улетал за границы поля. На расстоянии 15 метров от центра ворот проводится полукруг, внутри которого образуется штрафная площадка.

Хоккейный мяч гораздо меньше футбольного. Его диаметр всего 6—7 см. Он оплетен тонкой веревкой и выкрашен в красный или зеленый цвет, чтобы игроки могли хорошо его видеть на льду. Хоккеисты бегают по полю на коньках и бьют по мячу деревянной клюшкой, стремясь загнать мяч в ворота противника.

Хоккейная команда состоит, как и футбольная, из 11 человек: вратарь, два защитника, три полузащитника и пять нападающих. Игра продолжается 90 минут. Юношеские команды играют меньше — два тайма по 30 минут.

При игре в футбол по мячу можно бить только ногами, и один лишь вратарь имеет право брать мяч в руки. В хоккейной игре, наоборот, мяч ногами трогать нельзя — по нему можно бить только клюшкой. Лишь один вратарь имеет право обращаться с мячом так, как ему заблагорассудится.

Что нужно сделать для того, чтобы научиться хорошо играть в хоккей? Если сразу выйти на лед с клюшкой, толку будет немного. С ранней осени надо заниматься гимнастикой, чтобы развить в себе силу, лов-

Расстановка игроков на хоккейном поле.

кость и быстроту — главные качества, которые необходимы каждому хоккеисту.

С наступлением зимы надо учиться уверенно кататься на коньках и в то же время тренироваться во владении клюшкой. На тренировках хоккеисты разучивают различные удары — простые и сложные: удары по воротам, ведение и передачу мяча, остановку мяча и различные другие приемы игры.

Правильная тренировка имеет очень большое значение. Мне самому пришлось готовить юношескую команду Кировского завода в Ленинграде.

С ранней осени мы два раза в шестидневку занимались в гимнастическом зале. После этого мы ежедневно тренировались на льду. В результате наша команда в прошлом зимнем сезоне выиграла первенство Ленинграда.

Для того чтобы участвовать в спортивных играх, необходимо обмундирование и снаряжение. Для хоккея нужны специальные «хоккейные» коньки. Эти коньки привинчиваются к специальным коньковым ботинкам. Ботинки нужно брать на номер больше своего размера, чтобы в них поместились теплые шерстяные носки. Одежда хоккеиста должна быть легкой и не стеснять движений. Обычно поверх белья одевается фланелевая рубашка и гольфы (специальные хоккейные брюки), на голову — вязаная шапочка, на руки — рукавички.

Во время тренировок не следует слишком увлекаться. Если будешь бегать на коньках и играть в хоккей каждый день слишком помногу, то станешь очень уставать после занятий и начнешь плохо спать. Это значит, что ты перетренирован. Тогда нужно временно перестать тренироваться и показаться врачу.

В Ленинграде есть несколько десятков детских хоккейных команд из школьников 13—14 лет. Между ними каждую зиму проводятся соревнования.

В прошлом году в розыгрыше первенства Ленинграда на стадионе Кировского завода участвовало, кроме школьных, 8 уличных и жактовских команд. Победителем вышла команда ребят с Земской улицы. Капитаном команды был Юра Иванов.

В прошлом году в Кировском районе организовалась хоккейная команда из девочек. Капитаном команды была Ира Артемьева. Я тренировал эту команду. На первом занятии я предложил девочкам:

— Покажите для начала, как вы держитесь на коньках?

Девочки хотели меня перехитрить. Им хотелось показать, что они хорошо катаются. Они боялись, что иначе я не стану с ними заниматься.

Они разбились на группы по три человека. Двое сильных ехали по бокам, а тех, кто послабее, брали под руки и ставили в середину. По виду шло как будто гладко. Но я понял, в чем дело, и скомандовал:

— Стоп!

Все затормозили, а Зина Иванова и Клава Михайлова тихо сели на лед. Я и узнал, что они совсем плохо держатся на коньках.

Потом все девочки стали усердно тренироваться, и из них вышли хорошие хоккеистки. Только Веру Тихомирову пришлось временно освободить от тренировок, так как она заработала в школе два «плохо». А у нас правило: хочешь хорошо играть, — изволь хорошо учиться!

Заслуженный мастер спорта
В. ВОНОГ.

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА

Г. КРАКОВЯК и М. ГИТМАН

Рисунки М. УСАС

У поэта Владимира Маяковского есть такие стихи.

„Развивай
дыхание,
мускулы,
тело
не для того,
чтоб зря наращивать бицепс,
а чтобы крепить оборону
и военное дело,
чтоб лучше
с белыми биться“.

Каждый советский человек должен быть готов в любой момент встать грудью на защиту своей родины. Для этого мы все должны быть сильными, смелыми, выносливыми, решительными, ловкими и быстрыми.

Как этого добиться?—

Надо учиться кататься на коньках.

Надо учиться ходить на лыжах.

Надо учиться бегать, прыгать, плавать, грести.

Надо играть в спортивные игры.

Но есть и еще один хороший способ закалиться и укрепить свое тело — это утренняя гимнастика.

Сотни тысяч советских людей занимаются по утрам гимнастикой. Летчики и путешественники, герои Советского Союза и ученые, артисты и стахановцы, полярники и красноармейцы делают зарядку для того, чтобы быть всегда готовыми к труду и обороне. Товарищ Ворошилов сам занимается каждый день утренней гимнастикой и требует того же от всех командиров, курсантов и бойцов.

Как заниматься утренней гимнастикой.

Утром, как только проснешься, надо проветрить комнату. Затем постлать на пол чистый коврик.

Мальчики могут заниматься в одних трусах, девочки — в трусах и майках. На ноги надо надеть легкие туфли.

На наших таблицах изображены упражнения для мальчиков и девочек от 12 до 14 лет.

На первой таблице нарисованы семь упражнений первой серии. На второй таблице — семь упражнений второй серии. Каждый день надо делать семь упражнений в том порядке, как это указано. Каждое упражнение надо делать столько раз, сколько указано. Этих упражнений дано как раз столько, сколько нужно для того, чтобы гимнастика принесла пользу.

Когда делаешь гимнастику, надо стараться делать именно те движения, которые нарисованы в таблице, и дышать точно так, как там указано.

Каждая серия утренней гимнастики состоит из семи упражнений. Для того чтобы достигнуть лучших результатов, нужно сначала хорошо разучить каждое упражнение в отдельности. Лучше всего это делать перед зеркалом.

Разучивать упражнения надо не спеша, точно выполняя указания, имеющиеся в таблице.

Уже при разучивании упражнений следует учиться дышать правильно. Это значит — медленно дышать через нос и не задерживать дыхания. Надо стараться, чтобы вдох и выдох были бы одинаковой продолжительности.

Первая серия упражнений (основные упражнения) выполняется целиком в первые пятнадцать

дней занятий. Через пятнадцать дней первое упражнение заменяется восьмым. Еще через пятнадцать дней можно заменить второе упражнение — девятым и т. д. Таким образом, обе серии упражнений будут пройдены за три месяца.

Наша кожа в детстве еще очень нежна и чувствительна к резким изменениям температуры воздуха. Поэтому после выполнения утренних упражнений очень полезно ежедневно производить обтирание.

Для проведения обтираний нужно приготовить два полотенца и таз с тепловатой водой. Намочив полотенце, надо обтереть им сперва одну руку и вытереть ее досуха сухим полотенцем. Затем надо проделать то же самое с другой рукой. Так постепенно обтирается и высушивается вся поверхность кожи. В первую шестидневку следует ограничиться обтиранием до пояса, а со второй шестидневки можно переходить к обтиранию и нижней части тела.

Кожу после обтирания нужно растереть сухим полотенцем до тех пор, пока она слегка не покраснеет и не станет тепло. Раз в шестидневку надо сменить оба полотенца на чистые.

После проведения занятий гимнастикой и обтирания человек должен себя чувствовать бодро. Если же после занятий ухудшается настроение, появляется слабость, плохой сон и аппетит, тогда необходимо уменьшить количество повторений и делать каждое упражнение только 2—3 раза.

В случае, если почувствуешь себя больным и появится головная боль, кашель или насморк, надо временно прекратить занятия гимнастикой и обтирание тела. Очень полезно взвешиваться два раза в месяц и записывать свой вес. Тогда можно судить о том, как влияет гимнастика на твое физическое развитие.

Если что-нибудь при занятиях гимнастикой окажется непонятным, лучше всего обратиться к преподавателю физической культуры в своей школе. Можно написать письмо и к нам, в редакцию „Костра“.

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Первая серия

Основные упражнения

Упражнение первое. 4—5 раз.

Встань спиной к стенке, касаясь ее пятками и спиной. Смотри прямо перед собой, не опуская головы вперед и не закидывая ее назад. Сделай небольшой шаг вперед с левой ноги и приставь к ней правую. С левой ноги, не поворачиваясь, сделай шаг назад и возвратись к стенке. Дыши спокойно, без напряжения. Выполняй упражнение не спеша.

Упражнение второе. 3—4 раза.

Встань „смирно“. Потом поднимайся медленно на носки, одновременно отводя руки в стороны ладонями вниз. Поднявшись, поворачивай ладони кверху и одновременно поворачивай голову сперва налево, потом направо. Дыши медленно и глубоко, не задерживая дыхания во время движения. Упражнение делай медленно.

Упражнение третье. 4—5 раз в каждую сторону.

Встань „смирно“. Опустись на колени без помощи рук и отведи руки в стороны ладонями вниз. Потом наклоняй туловище налево и направо, стараясь коснуться пальцами вытянутой руки пола. Упражнение делай медленно. При наклоне в сторону, делай выдох, при возвращении в среднее положение, делай вдох.

Упражнение четвертое. 4—5 раз каждой ногой.

Стоя на коленях, опусти туловище вперед и упрись руками в пол. Руки прямые, расставлены на ширину плеч, пальцы направлены вперед. Теперь, стоя на четвереньках, поочередно поднимай то одну, то другую ногу и вытягивай ее назад. Смотри вперед. Дыши свободно и не задерживай дыхания. Упражнение делай энергично.

Упражнение пятое. 4—5 раз.

Встань на ноги без помощи рук, положив руки на пояс. Подпрыгни и расставь ноги врозь. Под-

ними руки в стороны и вверх и согни туловище назад, а потом, не останавливаясь, энергично наклонись вперед и опусти руки вниз. Это упражнение делай так, будто ты дровосек и колешь дрова. При подымании рук в стороны делай вдох, при опускании делай выдох.

Упражнение шестое. Ходьба на месте.

Положи руки на пояс. Шагай на месте, высоко поднимая колени вперед, носок ступни опуская книзу. Дыши только носом. Как только станет трудно дышать носом, переходи к следующему упражнению.

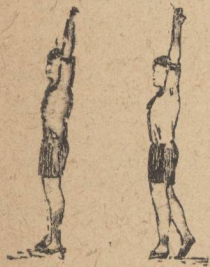
Упражнение седьмое. Ходьба.

Шагай по комнате, постепенно замедляя шаг. Дыши свободно, постепенно вдыхая все глубже. Когда дыхание станет спокойным, заканчивай ходьбу и можешь начать обтирание.

Дополнительные упражнения

Упражнение восьмое (заменяет первое). 5—6 раз.

Встань спиной к стенке, касаясь ее пятками и спиной, как в первом упражнении. Поднимай вытянутые руки вперед и вверх, пока не коснешься большими пальцами стены. Руки должны быть расставлены на ширину плеч, ладонями внутрь. Затем с поднятыми руками сделай небольшой шаг вперед с левой ноги и приставь к ней правую. Потом, сохраняя то же положение, сделай шаг назад с левой ноги и снова приставь правую. Упражнение выполняй не спеша. Дыши спокойно, без напряжения.

Упражнение девятое (заменяет второе). 3—4 раза.

Стоя прямо с поднятыми, ладонями внутрь, руками, сделай быстрое приседание на носках, опустив голову, и обхвати руками согнутые ноги. Старайся, чтобы пятки были вместе и не расходились в стороны. При приседании делай выдох, при возвращении в прямое положение делай вдох.

Упражнение десятое (заменяет третье). 3—4 раза.

После приседания опустись на оба колена и обопрись ладонями на пол перед собой. Руки

держи на ширине плеч, пальцами вперед. Энергичным движением выпрями руки и ноги, высоко подними поясницу так, чтобы вся фигура напоминала испугавшуюся кошку. Затем снова опустишься на колени, согнув руки. Дыши свободно.

Упражнение одиннадцатое (заменяет четвертое). 4—5 раз.

Стоя на четвереньках, сядь на пол. Вытяни ноги, чтобы они были вместе. Ладонями обопрись об пол немного сзади туловища. Руки должны быть прямые. Сгибай ноги и старайся подтянуть их как можно ближе к туловищу, так, чтобы колени расходились в стороны, а подошвы прижимались одна к другой. Разводить и выпрямлять ноги надо энергичным движением наподобие плавающей лягушки. Дыши спокойно.

Упражнение двенадцатое (заменяет пятое). 3—4 раза в каждую сторону.

Встань с пола. Подпрыгни и расставь ноги врозь. Поворачивай туловище то влево, то вправо. Руками тоже размахивай влево и вправо, будто ты косишь траву косой. При повороте туловища влево делай вдох, при повороте туловища вправо делай выдох.

Упражнение тринадцатое (заменяет шестое). Бег на месте.

Встань „смирно“. Согни руки в локтях. Беги на месте, работая руками вместе с движением ног. Дыши свободно, стараясь дышать носом. Старайся сохранять одну и ту же скорость. Сначала бегай по 15 секунд в день. Постепенно можно увеличивать время бега до 1 минуты.

Упражнение четырнадцатое, (заменяет седьмое). Ходьба.

Шагай по комнате, постепенно замедляя шаг. Дыши свободно, постепенно вдыхая все глубже. Когда дыхание станет спокойным, заканчивай ходьбу и можешь начать обтирание.

ТЕННИС НА ЛЬДУ

Разные виды спорта делятся на зимние и летние. Плаваньем и греблей занимаются летом, а лыжами и коньками—зимой. За последние годы спортсмены перестают подчиняться природе. В Ленинграде и в Москве пловцы занимаются зимой в бассейнах, московские гребцы устроили под крышей искусственное озеро и гребут на нем всю зиму.

Теннисисты не только играют всю зиму в манежах, но и научились играть в теннис на льду. На ленинградском стадионе «Динамо» на катке устроен теннисный корт. Игроки с ракетками в руках бегают на коньках. Только мяч приходится красить в красный цвет.

Игроки с ракетками в руках бегают на коньках. Только мяч приходится красить в красный цвет.

ЧЕЛОВЕК И ЛОШАДЬ

Кто выносливее: человек или лошадь? Этот вопрос может показаться бессмысленным. Каждый уверен, что лошадь гораздо выносливее человека.

Однако один англичанин держал пари, что обгонит скаковую лошадь, и выиграл это пари. В 1924 году в Лондоне бегун на дальние дистанции Харт выступил в соревнование с всадником. Гонка продолжалась шесть суток с небольшими перерывами для сна и питания. За это время Харт пробежал 556 километров. К концу шестого дня лошадь не выдержала и остановилась. Харт обогнал лошадь.

ЛЫЖНЫЙ ПЕРЕХОД

Утром в холод колкий
Был на Новый год
В честь зимы и елки
Лыжный переход.

К дальнему колхозу,
Вытянувшись в ряд,
Не боясь мороза,
Лыжный шел отряд.

Палками взрывают
Рыхлый белый снег
И не замедляют
Быстрый ровный бег.

Горки и поляны,
Снежные моря...
Заревом багряным
Ширится заря.

Лица покраснелись,
Галстуки горят.
Праздник новогодний —
Праздник всех ребят.

Снова то же поле.
Вытянувшись в ряд,
К городу и к школе
Лыжный шел отряд.

То с горы высокой
Шумною гурьбой
Врежется глубоко
В ельник молодой,

То по снежным кучам
Вновь идет отряд.
Кто же самый лучший
Лыжник из ребят?

Вон кричит вожатый:
«Эй, не отставать!
Поднажми, ребята!» —
Нужно поднажать.

Поле, косогором —
Пусть трещит мороз —
Прибежали скоро
Лыжники в колхоз.

Отдохнули знатно,
А не как-нибудь,
И потом в обратный
Повернули путь.

Женя Фейерабанд. 13 лет,
г. Свердловск.

НЕУДАЧНАЯ НАХОДКА

П. НЕЧАЕВ

Глядя на слои, из которых сложена земля, можно не только сказать, какой из них старше, но и рассказать всю их историю: как и в каких условиях они образовались.

Рис. 1.

Посмотрите на этот обрыв (рис. 1). Стоя внизу, вы видите горные породы, из которых он сложен. У ваших ног, в основании обрыва, — вязкая голубая глина; выше — поднимаются мощные слои красновато-желтого песка, а над ним лежит тонкая прослойка мягкого черного сланца.

Если кусок этого сланца попробовать поджечь, то оказывается, что он горит с легким шипением. При этом на его поверхности все время шипит черная смолистая жидкость. Из такого сланца, как из нефти, можно добывать некоторые минеральные масла, правда, в меньшем количестве. Употребляется этот сланец и как топливо, но жгут его в специальных топках. Особую ценность он представляет для лакокрасочных заводов, где из него готовят некоторые сорта красок.

Попробуем же рассказать историю всех слоев, видимых на нашем обрыве. Большинство слоев, слагающих земную кору, осело на дне морей из той мути ила и песка, которые постоянно приносят туда реки. Только когда моря эти пересыхали, слои оказывались на суше. Такие породы называются осадочными.

Конечно, раньше всего, ближе к берегу, на мелких местах оседают на дно самые крупные и тяжелые частички, а более мелкие и легкие дольше держатся в воде, и течение уносит их дальше в море.

Наберите горсть песка и горсть глины: глина тяжелее. Но ведь ни глина, ни песок не плавают в воде комками. Попробуйте растереть на

ладони глину и песок и вы легко увидите, насколько отдельные песчинки крупнее частичек глины. Когда глина и песок размешаны в воде, отдельные, более легкие частички глины держатся в воде дольше, чем более крупный и тяжелый песок.

Вот почему у самого берега моря оседает песок, а в глубоком море больше на дне вязкой илистой глины, отнесенной сюда течением.

Внизу нашего обрыва лежит мягкая голубая глина, состоящая из очень мелких частиц. Когда она образовывалась, над этим местом было глубокое море. Дальше оно, очевидно, обмелело, если выше глины стал оседать крупный и тяжелый песок, который течением воды не может быть унесен в глубокое море.

Все больше и больше мелело море и, наконец, стало походить на ряд больших соленых луж, отделенных друг от друга песчаными межами. Солнце хорошо прогревало воду, не бушевали морские волны. Разрастались водоросли, делая последние остатки моря больше похожими на болото. Одни водоросли выростали вновь, другие старились и погибали, медленно истлевая на дне теплых луж. Из этих гниющих водорослей и образовался горючий сланец. Он плотно спрессован тяжестью вышележащих слоев, которые образовались позже, когда море снова затопило эти места.

Как-то раз в Ленинградской области инженер-химик лакокрасочного завода гулял по окрестностям своего города. Он совершенно не думал в этот момент ни о производстве красок, ни о том, что сырье для этого производства — черный сланец — приходится заводу привозить издалека. Правда, кое-где сланец встречался и здесь, но слой его был настолько тонким и лежал он на такой глубине, что добывать его не имело никакого смысла. И вдруг на одном из обрывов инженер увидел черный сланец, подымавшийся крутой стеной выше человеческого роста (рис. 2). Инженер необычайно обрадовался: ценное сырье оказалось рядом с заводом. Он взял с собой образец сланца, и проверка в лаборатории на другой день подтвердила, что он годен для производства.

Вскоре к обрыву прибыли автомашины с рабочими, и началась пробная добыча сланца. Но каково же было удивление инженера, когда, после того как едва нагрузили три машины, сланец... кончился.

Тогда инженер понял, что сделал ошибку. Но в чем же она состояла?

Со всех сторон сланца лежала голубая глина мощными слоями в де-

сятки метров толщины. Значит, здесь было глубокое море, так как мелкие и легкие частички глины уносит далеко от берега. Существовало оно долго, ибо иначе не успели бы образоваться такие толстые слои глины. А сланец, состоящий из перегнивших водорослей, наоборот, образуется только в мелких, пересыхающих заводях, где согреты солнцем и нетревожимые морскими волнами

Рис. 2.

бурно разрастаются водоросли. В глубоком море остатки водорослей были бы смешаны с глиной и отдельного слоя образовать не могут.

Но, быть может, спутавшая инженера глыба сланца образовалась на одинокой скале, подымавшейся среди глубокого моря и прогретой солнцем достаточно хорошо для обеспечения бурного роста водорослей? Это невозможно, даже если предположить, что волны не сорвут водорослей с одинокой скалы: под глыбой сланца лежит только глина, а если бы здесь прежде была скала, она никуда не смогла бы исчезнуть после того, как со всех сторон ее засыпали мощные слои глины.

Ошибку можно было предотвратить, выяснив историю слоев того обрыва, где инженер увидел высокую глыбу сланца.

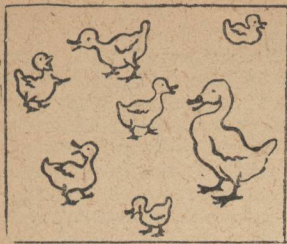
Сланец образоваться здесь не мог и попал сюда случайно. Его принес на своей поверхности громадный ледник Скандинавских гор, медленно расплывавшийся на месте Балтийского моря во все стороны по Восточноевропейской равнине. Когда ледник растаял, эта глыба осталась лежать на обрыве из голубой глины, выступившей на дневную поверхность из-под растаявшего льда.

Даже пробовать добывать сланец не имело смысла. Инженеру-химику следовало посоветоваться с каким-нибудь геологом, специалистом по изучению строения и истории Земли.

Без точного изучения местности, без подробной разведки начинать добычу ископаемых никогда нельзя.

КТО РЕШИТ БЫСТРЕЕ?

Тремя прямыми линиями отдели каждого утенка от остальных.

Отгадай, какое слово здесь написано?

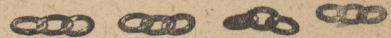
ЯяяяяЯя

КАК СДЕЛАТЬ ОДНУ ЦЕПЬ?

На судостроительном заводе у одного из пароходов нужно было нарастить якорную цепь. Причем сварщику, которому была поручена эта работа, были даны четыре обрывка цепи, по три звена в каждом обрывке, которые ему и надлежало присоединить к основной цепи.

Чтобы исполнить порученную работу, сварщик разогнул четыре крайних звена и, продев их в другие звенья, получил одну цепь.

Укажите способ, как мог сварщик из этих обрывков цепи сделать одну цепь, разогнув не четыре, а три звена?

ЗАГАДКА-ШУТКА

Прочитай и отгадай.

И время укажет,
И помощь окажет.
В момент с порученьем
Страну обойдет,

И новости скажет,
И сказку расскажет,
На скрипке сыграет,
И песню сплет.

АНАГРАММА

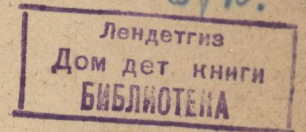
Какое слово?

Коль читать направо,—
Часть для телеги узкаешь;
Обратно слово перевернешь,—
Брусок для точки кос прочтешь,

СОДЕРЖАНИЕ

О. БЕРГГОЛЬЦ. Орден Ленина. Стихи	1	Я. СЕРГЕЕВ. Из окна вагона. Рисунки С. Калинина	42
М. ЗОЩЕНКО. Рассказы о Ленине. Рисунки Н. Тырсы	2	Эсипатл и Владыка Грозный Червь. Шотландская сказка. Перевод с английского М. Кондратьевой. Рисунки В. Конашевича	43
Из чечено-ингушской поэзии. Рисунки Н. Кострова. Перевод А. Тарковского	10	ВС. ВОЕВОДИН и ЕВГ. РЫСС. Несчастный случай. Рисунки Н. Радлова	55
М. КРОПАЧЕВА. Отлично учиться—долг пионера	12	В. ВОНОГ. Играйте в хоккей. Рисунки М. Усас	58
Е. БОРОНИНА. Огнам рамат. Повесть. Рисунки Н. Петровой	14	Г. КРАКОВЯК и М. ГИТМАН. Утренняя гимнастика	60
Н. ШТЕРЦЕР. Как сделать фотобарельеф	36	Лыжный переход. Стихи Жени Фейерабенд	62
Я. ПЕРЕЛЬМАН. Телескоп, предсказанный Жюлем Верном	37	П. НЕЧАЕВ. Неудачная находка	63
ОНОРЕ ДЕ-БАЛЬЗАК. Тони-растяпа. Перевод с французского. Э. Шлосберг. Рисунки К. Рудакова	38		

На обложке рисунок И. Шабанова к рассказу М. Зощенко „Товарищ Иванов“. 187н.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, УЛ. ЛАССАЛЯ, 2, ТЕЛ. 4-42-65.
Непринятые рукописи не возвращаются.

И. о. ответств. редактора Ю. А. Эшман   Зав. редакцией Р. С. Лисовская.   Зав. оформлением Г. Р. Шевяков
Тех. редактор В. Никонова.
Сдано в набор 8/XII-39 г.   Подписано к печати 26/1-40 г.   4 печатных листа.   Формат бумаги 80×108.   В бум. листе 100.000 тип. зн.
Заказ № 3569.   Леноблгорлит №266.   Авторских листов 9,5.   Тираж 60.000 экз.
2-я фабрика детской книги Детгиздата ЦК ВЛКСМ Ленинград, 2-я Советская, 7.

ЕВГЕН. РЫСС И ВС. ВОЕВОДИН

„БУРЯ“

ДЕТИЗДАТ 1939 Г.

В одиннадцать часов двадцать четвертого апреля радиостанция рыбного порта начала вызывать тральщики 89-й и 90-й, промышлявшие рыбу в Баренцовом море.

— 89-й и 90-й, — отстукивали радисты, сдерживая нервную дрожь. — 89-й и 90-й. Немедленно укройтесь в ближайшей губе. Используйте любую возможность. Не исключен заход в норвежский фиорд. 89-й и 90-й... — неслось над морем, — опасность опрокинуться исключительно велика. Принимайте меры к спасению команды, вплоть до того, чтобы выбраться на берег. 89-й и 90-й... Где вы?

89-й и 90-й — новенькие тральщики, построенные за границей, были обречены. Центр тяжести обоих судов был сознательно рассчитан неверно. В условиях шторма они должны были опрокинуться.

Ревела буря, и огромные волны заливали палубы тральщиков. Радиоволны неслись над морем, мощные радиоволны портовой станции. Но напрасно они призывали тральщиков укрыться. Тральщики не могли ни вернуться, ни укрыться. Было поздно.

Почему тральщики 89-й и 90-й были заведомо неверно построены и кто был виновен в этом преступлении, что произошло с обоими судами и их командами, как удалось обнаружить виновых, — все это вы узнаете, когда прочтете вы-

шедшую в Детиздате книгу Евг. Рысса и Вс. Воеводина — „Буря“.

В „Буре“ описан один эпизод из жизни северного тралового флота, рассказана история одного моряка — Слюсарева.

История Слюсарева характерна для тех времен, когда большевики заново создавали промысловый флот в Баренцовом море, когда рос и сплачивался коллектив советских моряков, когда на холодный берег Кольского полуострова ехали разные люди из Одессы и Батума, из ярославских деревень и Ленинграда, чтобы хорошо заработать, побродить по морям или укрыться от наказания за ранее совершенные преступления.

Слюсарев был одним из тех юношей, из которых могли выйти и очень хорошие и очень дурные люди. В отличие от многих, он не мечтал стать моряком. Это решение возникло у него внезапно, когда отец, раздраженный бездельем сына, серьезно заговорил с ним о будущем.

Немало испытаний и невзгод, и в море и на берегу, пришлось на долю Слюсарева, прежде чем он стал настоящим советским моряком.

И как бы ни менялись матросский быт и техника, также как и во времена Слюсарева, коллектив будет переделывать сотни юношей, воспитывать из них мастеров прекрасного и почетного морского дела.

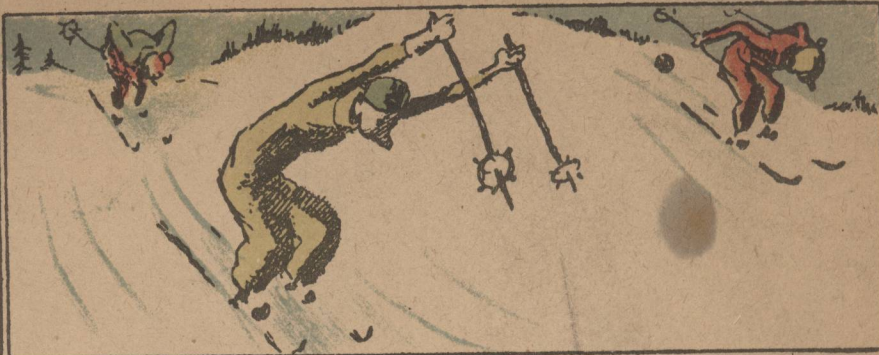
18781
Книжная полка
Детиздат

ХИТРЫЙ ЕГОРКА

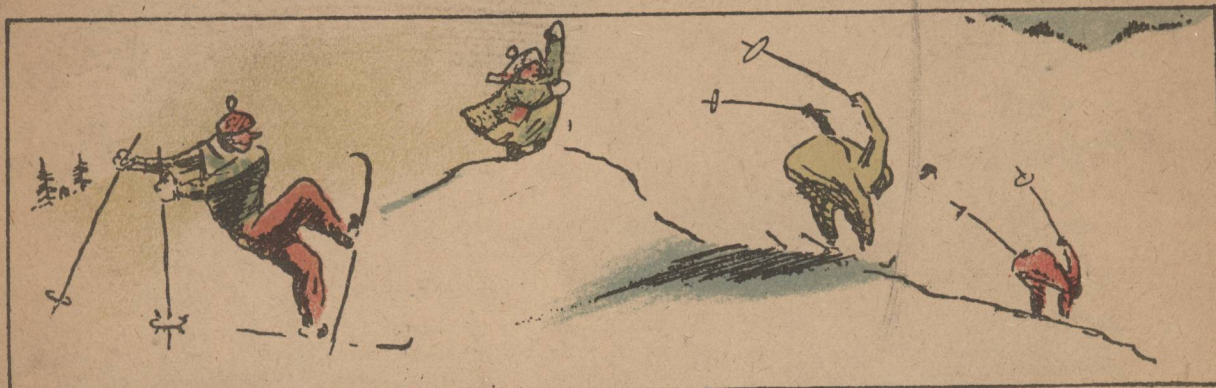
СТИХИ Н. ДИЛАКТОРСКОЙ.

Рисунки В. ГАЛЬБА

— Схитрим! — промолвил брату брат.

Дан старт. И лыжники летят.

Встав на посту на снежной горке,
Дает Егорка поворот.

— Не верьте хитрому Егорке! —
Но... есть доверчивый народ.

Сугроб. Обрыв. Большой разбег.
Летят спортсмены в рыхлый снег.

И только братец хитреца
Шел без аварий до конца.

Взят финиш. Рывкайте, валторны!
Снимай героя, аппарат!

И за успех, успех беспорный,
Благодарит Егорку брат.